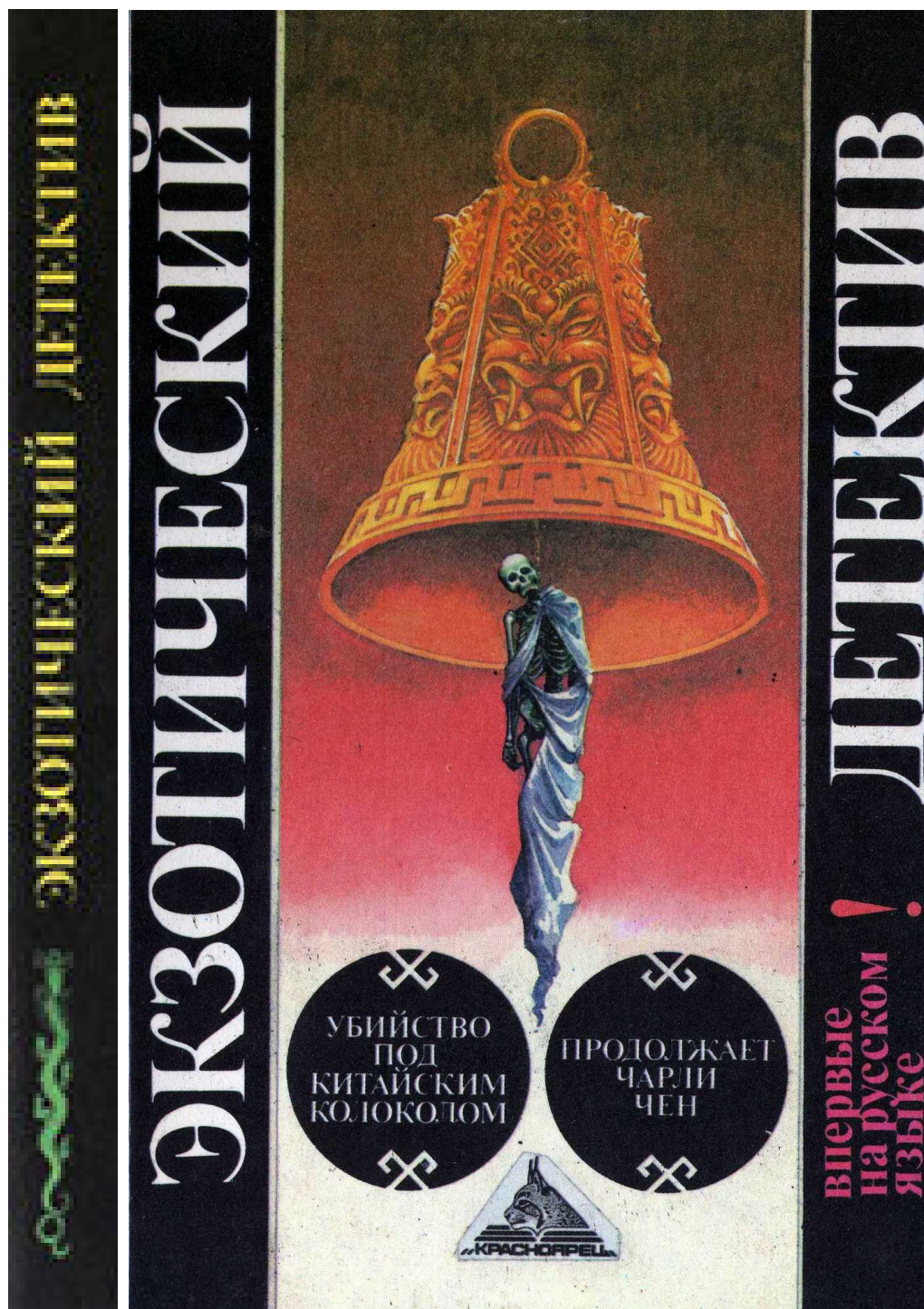

Экзотический детектив

Красноярск: Красноярец, 1992

Содержание:

- Р. Горчаков. Предисловие переводчика, стр. 4-5
- От автора, стр. 6
- Роберт ван Гулик. Убийство под китайским колоколом (повесть, перевод Р. Горчакова, иллюстрации Р. ван Гулика), стр. 7-220
- От переводчика, стр. 222
- Эрл Дерр Биггерс. Продолжает Чарли Чен (роман, перевод Р. Горчакова), стр. 223-414

Annotation

От переводчика

Слова «Торжество справедливости превыше всего» мог бы с полным правом избрать в качестве своего девиза не только судья Ди, но и полицейский инспектор Чарли Чен — герой детективной серии, принадлежащей перу американского писателя Эрла Д. Биггера. Биггерс написал около двух десятков остросюжетных повестей и пьес, но в памяти многих поколений читателей он сохранился прежде всего как создатель образа этого симпатичного инспектора — необъятной толщины китайца, проживающего в Гонолулу, где ему то и дело приходится с чисто китайской ловкостью и настойчивостью распутывать всевозможные хитроумные преступления, происходящие в самых неожиданных местах — от поселка прокаженных до роскошной каюты туристского лайнера.

По мнению критиков, скончавшийся в 1933 году Биггерс в немалой степени обязан непреходящей популярностью детективов о Чарли Чене еще и тому, что на их страницах перед нами в классическом стиле «ретро» предстает уютный, стабильный и чуточку идеализированный мир предвоенной эпохи, когда человечество еще не знало ни Пирл-Харбора, ни Освенцима, ни Хиросимы.

-
- - [1. Дождь на Пикадилли](#)
 - [2. Туман в отеле Брума](#)
 - [3. Человек со слабым сердцем](#)
 - [4. Дафф упускает улику](#)
 - [5. Обед в ресторане «Монико»](#)
 - [6. Путешествие продолжается](#)
 - [7. Закат в Сан-Ремо](#)
 - [8. Глухота мистера Дрейка](#)
 - [9. Экспресс в Геную](#)
 - [10. Ювелир с улицы Чоуринджи](#)
 - [11. Стук в двери Чарли Чена](#)
 - [12. Обед на Панчбоул Хилл](#)
 - [13. Из Гонолулу в Сан-Франциско](#)

- [14. Трость черного дерева](#)
 - [15. Наклейка отеля «Грейт Истерн»](#)
 - [16. Прощальный ужин Макса Минчина](#)
 - [17. Дерево, полное плодов](#)
 - [18. Памела Поттер составляет список](#)
 - [19. Английская набережная](#)
 - [20. Время ловить рыбу](#)
 - [21. Время сушить сети](#)
-

Эрл Дерр Биггерс

Продолжает
Чарли Чен

1. Дождь на Пикадилли

Инспектор Скотленд Ярда Дафф неторопливо брел по залитому дождем асфальту Пикадилли. Сквозь деревья Сент-Джеймс парка до него донесся приглушенный расстоянием бой курантов Биг-Бена на здании парламента. Было десять часов вечера шестого февраля 1930 года. Когда речь заходит об инспекторах Скотленд Ярда, то лучше на всякий случай не упускать из памяти конкретных минут, часов и дат, — хотя в данном случае время не имело особого значения и никаким судом позднее не протоколировалось.

В тот вечер инспектор Дафф, человек в общем-то добродушный и уравновешенный, был в скверном настроении. Весь день — как и многие предыдущие — ему пришлось провести в суде, вслушиваясь в перипетии долгого и нудного дела, которое, слава Богу, наконец-то закончилось. Судья в зловещем черном берете приговорил низкорослого угрюмого человечка к виселице. И, — размышлял про себя Дафф, — совершенно правильно сделал. Трусливый убийца, без совести, без малейшего намека на человечность, иного конца не заслуживал. Но заметать следы этот карлик умел, надо отдать ему должное. Давно уже Скотленд Ярд не втягивался в столь долгую охоту, которая временами казалась совершенно безнадежной. И все-таки метод победил. Метод и малая толика удачи, заключенная в наспех нацарапанной записке к старой подружке с Баттерси-Парк. Так, всего несколько ничего не значащих слов, но инспектор Дафф умел ухватиться даже за самую тоненькую нить, протянутую ему удачей. Ухватиться, и идти за ней до самого конца. Теперь, однако, все это — и начало, и конец — было уже позади. Далеко позади.

Вода со старенькой фетровой шляпы неожиданно капнула ему прямо на озябший нос. Инспектор поежился и плотнее запахнул плащ. Только что он вышел из кино, куда забрел, чтобы уйти от самого себя и от заполнявших голову судебных передряг. Фильм оказался не слишком увлекательным, но в нем было полным-полно прибрежных пальм, залитого солнцем южного моря, и как-то незаметно мысли инспектора унесли его в Сан-Франциско, к знакомому детективу из таких же залитых солнцем южных краев. Скромный сержант полиции, с которым случай свел его в Сан-Франциско, собирал в своем родном Гонолулу доказательства преступлений, нимало не задумываясь над окружающей его тропической экзотикой. Судя по его рассказам, этот сержант считал благоухающие

гавайские цветы, ослепительный океанский прибой и шум бриза в густых пальмовых кронах чем-то совершенно обыденным... Губы инспектора тронула улыбка.

Он шел по Пикадилли, не имея никакой особой цели. Для него это была просто улица воспоминаний. Еще недавно он исполнял обязанности участкового инспектора совсем недалеко отсюда, в комиссариате на Вайн-стрит. Ему был доверен один из самых элегантных районов Лондона, и именно Пикадилли стала излюбленным «охотничьим угодьем» Даффа. Вон в том аристократическом клубе, подъезд которого был сейчас полускрыт серой пеленой дождя, ему удалось задержать банкира, чье банкротство явно противоречило столь роскошному образу жизни. А в той затемненной витрине он однажды обнаружил среди манекенов и парижских туалетов тело очаровательной француженки, убийство которой поначалу казалось абсолютно бессмысленным. Белый фасад отеля «Беркли» оживил в его памяти образ безжалостного шантажиста, захваченного им без всякого сопротивления, в момент, когда он с дурацки-самодовольным видом появился из ванной своего люкса. Парой шагов дальше, на углу Хафмун-стрит Даффу как-то довелось шепнуть на ухо загорелому мужчине несколько слов, которые моментально заставили того побледнеть так, словно его бронзовый загар смыли невидимой губкой — после чего великосветский убийца, давно разыскиваемый Нью-Йоркской полицией, был препровожден инспектором в комиссариат. Почти напротив, в ресторане «Принс» Дафф на протяжении двух недель ежевечерне поглощал безвкусный ужин, внимательно наблюдая за человеком, который полагал, что вечерний костюм и фальшивые усики помогут ему остаться неузнанным. Ну, а здесь, на углу площади Пикадилли, куда он сейчас, наконец, добрался, в одну памятную полночь ему довелось провести несколько рискованных минут в перестрелке с похитителями бриллиантов из Хаттон Гарден. Рисковал инспектор не зря — бриллианты вернулись к законному владельцу.

Дождь превратился в настоящий ливень, и Дафф предпочел укрыться в ближайшей подворотне. Он задумчиво смотрел на хорошо знакомую площадь — желто-оранжевые вспышки бесчисленных реклам, как бы тающих в потоках нескончаемого ливня, зеркальца луж, редкие фигуры спешащих сквозь ливень лондонцев... Подождав немного, Дафф покинул свое убежище и двинулся вдоль площади к неширокой темной улице. Пройдя метров двести от Пикадилли, он остановился перед мрачным зданием с зарешеченными окнами первого этажа. Над входом горела единственная тусклая лампа. При виде исхоженных им тысячи раз ступеней

чувство ностальгии по старым сослуживцам заставило Даффа ускорить шаг, — он решительно направился ко входу комиссариата на Вайн-стрит.

Инспектор Хэйли, сменивший Даффа в кабинете начальника, встретил старого приятеля широкой улыбкой.

— Приветствую, дружище! Мне как раз не с кем было поговорить!

— Мне тоже, — усмехнулся Дафф. Сняв промокший плащ и потемневшую от влаги шляпу, он уселся напротив. Через приоткрытые двери в соседнюю комнату можно было заметить двух детективов, безмятежно листавших газеты. — День, я вижу, спокойный? — поинтересовался он.

— Смотри, не сглазь, — засмеялся Хэйли. — Через пару часов отправляемся на облаву в ночное казино, но по нашим временам это можно считать детской забавой. Кстати, — от души поздравляю!

— С чем это? — густые брови Даффа удивленно поползли вверх.

— Как это «с чем»? С закрытием дела Борроу, само собой! Шеф соизволил отметить персонально твой «интеллигентный стиль и редкостную настойчивость» — звучит многообещающе, а?

Дафф вяло махнул рукой. Достав из кармана трубку, он начал неторопливо ее набивать.

— Завтра об этом деле никто и не вспомнит, — буркнул он. — Как, впрочем, и о всей нашей работе...

Хэйли сочувственно взглянул на него.

— Просто тебе надо как следует отдохнуть. Я такое тоже не раз чувствовал. После закрытия дела видеть никого не хочешь, осточертевает буквально все. Но я тебе скажу, что нет лучше лекарства от старого дела, чем новое. Причем сразу, чтобы не слишком предаваться рефлексиям на тему полезности собственной профессии. Допустим, ты был бы на моем месте...

— Я уже был на твоём месте, — улыбнулся Дафф.

— Точно, — на мгновение смешался Хэйли. — Но, знаешь, я все равно тебя поздравляю, что бы ты ни говорил. То, как ты распутал дело Борроу, по-моему, может служить образцом настоящей...

— Просто мне повезло, — прервал его приятель. — Как говаривал наш покойный шеф сэр Фридерик Брюс, хорошему детективу необходимы для успеха тяжкий труд, мозги и чуточку везения. Причем главным из трех безусловно является эта самая чуточка.

— Бедный сэр Фридерик, — вздохнул Хэйли.

— Я вспоминал о нем сегодня вечером. О нем и о том китайском детективе, который сумел-таки выследить его убийцу.

Хэйли наморщил лоб, припоминая.

— А, это тот оригинал с Гавайских островов? Сержант Чен?

— Именно. Чарли Чен. Теперь он уже инспектор. В Гонолулу.

— Пишет тебе?

— Иногда. — Дафф поднес спичку к набитой трубке и с наслаждением затянулся. — Времени у меня, конечно, не слишком много, но для того, чтобы ответить Чарли, лишний час всегда найдется. Пожалуй, можно сказать, что я его полюбил. Вот, послушай, какое я от него на днях получил письмо, — он добыл из внутреннего кармана продолговатый конверт авиапочты и, извлекая из него аккуратно сложенный листок, почти смущенно добавил:

— Много он, конечно, не пишет, но...

Хэйли, устроившись поудобнее, приготовился слушать. Дафф некоторое время молча смотрел на исписанное мелким почерком письмо, словно видел его впервые, затем приступил к чтению. Мягкий голос, в котором то и дело слышалась добрая улыбка, ничем не напоминал, что обладатель его пользуется славой одного из самых грозных врагов преступного мира в Лондоне.

Поклон и уважение моему достойному другу!

Долгий путь Вашего драгоценного письма завершился, одарив меня счастливыми воспоминаниями о минувшем, которое снова ожило перед моим мысленным взором. Что такое богатство? Вспомни, сколько у тебя друзей — и ответ готов. Зная эту простую истину, я чувствую себя богатейшим из смертных, коль скоро Вы с таким постоянством согреваете меня теплом своего благосклонного внимания. Осмеливаюсь заметить, что и мое ничтожное воображение снова и снова возвращает меня к Вам, к незабываемому дню расставания, наполняя меня гордостью за похвалы, которые Вы щедро высказали по поводу моих более чем скромных усилий.

А теперь перехожу к Вашей просьбе рассказать о том, что у меня нового. Увы, — ничего! Вода всегда стекает с крыши в один и тот же водосток. Это можно сказать и о моей жизни. Гонолулу не балует своих детективов обилием преступлений, но я не жалею: спокойный человек — это счастливый человек. На Востоке знают, что есть время ловить рыбу, и есть время сушить сети. Хотя иногда мне начинает казаться, что мои сети сушатся уж слишком долго. Быть может, это потому, что я живу среди

американцев и они влияют на мой восточный характер? Как бы то ни было, но иногда, сидя вечером на крыльце своего дома и глядя на засыпающий город, я оборачиваюсь к своему молчаливому телефону с мольбой: зазвони! Позови меня туда, где срочно нужна моя помощь! Но он молчит. Радуюсь, что боги предназначили Вам совсем иную судьбу. И часто размышляю о Лондоне, с которым эта иная судьба связана. В таком городе молчаливых телефонов, вероятно, не бывает, и едва завершается одно дело, как тотчас приходится заниматься новым. Сердце подсказывает мне, что при этом удача всегда с улыбкой шагает рядом с Вами. Что-то вроде шестого чувства, которым мы, китайцы, наделены в избытке.

С обычной для Вас внимательностью Вы нашли время даже на то, чтобы спросить меня о моих недостойных детях. Теперь их у меня уже одиннадцать. И мне все чаще припоминается мудрец, сказавший: «Править царством легко, править семьей трудно». Но потихоньку справляюсь. Старшая дочь Роуз учится в Соединенных Штатах. Цены тамошнего образования приводят меня к мысли, что о дальнейшем росте семьи лучше не мечтать. Примите мою наисердечнейшую благодарность за Ваше доброе и мудрое письмо. Так хочется надеяться, что в некий счастливый день мы сможем снова встретиться, но как примирить эту надежду с бесчисленными милями вод и земель, которые пролегли между нами? Желаю Вам и впредь в полном благополучии следовать путем исполнения своего высокого долга.

Чарли Чен.

Дафф неспешно вложил письмо в конверт. Подняв взгляд, он увидел, что на лице Хэйли застыла недоверчивая улыбка.

— Очаровательно, — пробормотал, наконец, он, — но до чего наивно! Неужели это тот самый парень, которому удалось накрыть убийцу сэра Фридерика Брюса?

— Не очень-то заблуждайся относительно наивности Чарли, — засмеялся Дафф. — Он куда сложнее, чем кажется на первый взгляд. Чарли — воплощение терпения, интеллигентности и способности к самой тяжелой работе. Такие, как он, способны украсить любую профессию, а нашу — в особенности. Жаль, что его таланты пропадают в Гонолулу. Но, может, он и

прав: самая счастливая жизнь — это самая спокойная.

— Может, и так, — согласился Хэйли, — вот только мы с тобой никогда не будем в состоянии это проверить. Уже уходишь? — спросил он, увидев, что Дафф прячет трубку в карман.

— Пойду домой. Пока шел сюда, словно камень на душе лежал, а посидел с тобой — и, вроде бы, отлегло...

— Тебе следует жениться.

— Уже женат. На Скотленд Ярде. И ни на кого другого у меня ни минуты времени не остается.

— Я бы не сказал, что Скотленд Ярд способен заменить хорошую хозяйку в доме, — пожал плечами Хэйли. — Но дело, конечно, твое. В любом случае тебе не придется долго ждать того телефонного звонка, о котором пишет твой китайский приятель. А как только он зазвонит, всю твою хандру как рукой снимет.

— Он, еще пишет, что вода всегда стекает в один и тот же сток, — вздохнул Дафф.

— Точно. Но мне сдается, что ты не имеешь ничего против такого заведенного порядка.

— Ты прав. Более того — я счастлив только благодаря тому, что этот порядок пока не нарушается. Ну, всего тебе доброго! Удачи на облаве!

Когда на следующее утро в восемь часов Дафф переступал порог своего кабинета в Скотленд Ярде, он вновь являл собой образец идеального, уверенного в себе инспектора полиции. Румяные щеки красноречиво говорили о молодости, проведенной на ферме в Йоркшире, откуда он некогда прибыл, чтобы вступить в столичную полицию. За столом Дафф просмотрел немногочисленную утреннюю почту, затем набил табаком трубку и уже собрался было приступить к чтению свежего номера «Дейли Телеграф», когда телефон на краю стола зазвонил настойчиво и требовательно. Дафф взглянул на часы. Было восемь пятнадцать. Он снял трубку и поднес ее к уху.

— Добрый день, дружище! Я же говорил, что за звонком дело не станет. Минуту назад я получил сообщение, что в отеле Брума этой ночью убит мужчина.

— В отеле Брума?! — не поверил Дафф. — Ты уверен, что именно там?

— Понимаю, что это звучит неправдоподобно, — согласился Хэйли, — и тем не менее в этом аристократическом заповеднике произошло убийство. Жертва — американский турист из Детройта. Убит во сне. Я как-то сразу подумал о тебе. Во-первых, наш вчерашний разговор. А во-вторых,

это же твой давний участок. Тебе там каждый закоулок знаком. С шефом я уже говорил. Через четверть часа официальное уведомление будет на твоём столе. Так что садись в машину и отправляйся к Бруму. Я еду туда же.

Дафф не успел опустить трубку, как в дверях кабинета появился шеф.

— На Хафмун-стрит совершено убийство, — протянул он инспектору лист официального уведомления. — Хэйли предложил, чтобы этим делом занялись вы. По-моему, это прекрасная мысль. Отправляйтесь туда немедленно, сэр. Желаю удачи.

Минуту спустя Дафф уже садился в поджидавшую его зеленую малолитражку, куда почти одновременно с ним сели также фотограф и дактилоскопист. В молчании они заняли свои привычные места, и машина направилась к Уайтхоллу.

Дождь прекратился еще ночью, но воздух был насыщен влагой, и густой туман продолжал обволакивать лондонские улицы. Осторожно продвигаясь под вой полицейской сирены вдоль цепочки еле видных сквозь белесую пелену уличных фонарей, они чувствовали себя единственными обитателями гигантского призрачного города, заколдованного туманом. И тем не менее город этот продолжал жить своими собственными повседневными делами.

Дафф неожиданно вспомнил виденный вчера фильм. Мир, который он наблюдал сейчас из-за стекол малолитражки, был диаметрально противоположен миру экзотической киноленты, где счастливые благополучные герои безмятежно бродили среди качающихся на тропическом ветерке пальм, любясь белоснежными гривами океанского прибоя и синеющей на горизонте грядой вулканических гор... Этот удивительный мир покинул воображение инспектора так же внезапно, как и возник. Дорога, которая вела его сквозь туман к новому делу, должна была вот-вот кончиться. Или она только начиналась? Дафф не знал этого. Но дело уже поглотило его целиком — он больше не думал ни о фильме, ни о вчерашней навалившейся тоске, ни о Чарли Чене.

Чарли Чен тоже не думал в этот момент об инспекторе Даффе. На другой стороне земного шара день еще не вступил в свои права. Стояла глубокая ночь. Крупный мужчина в форме инспектора полиции Гонолулу сидел на лужайке перед своим домом, погруженный в свои мысли. Со взгорья, где он жил, была хорошо видна сияющая в лунном свете полоска пляжа Ваикики, отделяющая городские огни от белоснежной линии прибоя. По натуре Чарли Чен был весьма спокойным человеком, и минута, которую он сейчас переживал, была одной из самых спокойных в его жизни.

Он ничего не знал о прозвевшем в Скотленд Ярде звонке, и перед его мысленным взором не предстал маленький зеленый автомобиль, пробирающийся сквозь лондонский туман. Ничего не сказало ему шестое чувство и о неподвижно лежащем теле старого человека, удушенного ремнем.

Быть может, Чарли Чен все же ошибался, говоря, что китайцы наделены шестым чувством в избытке?

2. Туман в отеле Брума

Вообще-то, соединять отель Брума со словом «убийство» в высшей степени бестактно. Тем не менее приходится делать именно это. До сих пор величественный старинный отель славился лишь очень сильными традициями и очень слабым центральным отоплением. Как утверждают любители истории, основатель отеля Сэмюэл Брум начинал свое дело с небольшого пансионата, а потом стал потихонечку прикупать все новые и новые здания по соседству. До тех пор, пока их не стало ровным счетом двенадцать. Половина из них расположена по Хафмун-стрит, половина — на Кларджес-стрит, что вызвало необходимость в двух подъездах. Вся эта мешанина построек разной величины и разной высоты соединяется между собой случайными лестницами, переходами, мостками, так что у человека, впервые попавшего к Бруму, создается невольное ощущение, будто он находится в точной копии мифического лабиринта, где в самых неожиданных местах возникают то люки, то трапы, то узенькие низкие дверки. Вообразить, что думают при этом постояльцы, нетрудно. Еще легче представить себе, что думает прислуга, преодолевающая эти хитроумные препятствия с тазиками горячей воды или угля для каминов.

Но жестоко ошибется тот, кто предположит, что из-за отсутствия современного комфорта в отеле Брума всегда полно свободных мест. О нет! Удостоиться номера у Брума — это почти то же самое, что войти в круг избранного общества. Для большинства приезжающих в Лондон такая честь практически недоступна. В разгар летнего сезона здесь можно встретить государственных мужей, аристократов, прославленных писателей и артистов. Однажды здесь останавливался даже самый настоящий король — правда, изгнанный собственными подданными, но сумевший сохранить прежние связи на чужбине. В последние годы популярность отеля стала слегка тускнеть, между сезонами здесь начали снисходить даже до американских туристов — и вот результат: один из них позволил себя вульгарно убить. Совершеннейший нонсенс!

Через подъезд на Хафмун-стрит Дафф вошел в мрачноватый гостиничный холл. На мгновение он почувствовал себя как в соборе и, снимая шляпу, замер, словно ожидая, что вот-вот раздадутся звуки органа. Но бесшумно носившаяся тут и там прислуга быстро развеяла это впечатление. Здешних портье трудно спутать с мальчиками из соборного хора: все они, казалось, работали в отеле с тех самых времен, когда Сэмюэл

Брум открыл свой первый пансионат. Они поселились у Брума, похудели у Брума, полысели у Брума. Почти все они были в очках, и почти все были окружены ореолом принадлежности к истории.

Дежурный портень с видом премьер-министра поднялся с кресла и величественно двинулся в направлении инспектора.

— Добрый день, Питер, — приветствовал его Дафф. — Что тут у вас стряслось?

Питер печально покачал головой.

— Очень неприятная история, сэр. Джентльмен из Америки — третий этаж, номер двадцать восемь. Труп, сэр. Вот что получается, когда начинаешь принимать чужих!

— Верно, Питер, — усмехнулся инспектор. — История и впрямь очень неприятная.

— Для всех нас, сэр, — вздохнул Питер. — И, поверьте, инспектор, мы переживаем ее чрезвычайно болезненно. Генри! — Этот призыв был обращен к рассыльному лет семидесяти, который «чрезвычайно болезненно переживал», свернувшись уютным клубком на маленьком канapé у конторки. На зов начальника он, впрочем, отозвался незамедлительно. — Генри проводит вас наверх, сэр. Единственное, что меня утешает в такой прискорбный час, это мысль, что раскрытие преступления находится в надежных руках.

— Благодарю за доверие, — кивнул Дафф. — Инспектор Хэйли уже здесь?

— Наверху, сэр. Как раз в том злосчастном номере.

— Для начала проводите этих джентльменов, — инспектор указал рассыльному на фотографа с дактилоскопистом. — А мне, Питер, хотелось бы поговорить с мистером Кентом. Он у себя?

— Думаю, что да, инспектор. Дорогу вы, конечно, помните?

Кент, управляющий отелем, выглядел весьма импозантно. Серебристый галстук прекрасно сочетался с воткнутой в петлицу маленькой алой розой. Зато мрачное выражение лица Кента заметно дисгармонировало с праздничностью его наряда. Рядом с управляющим за небольшим столиком сидел бородатый мужчина, напоминавший академического ученого, отрешенного от всего земного.

— Рад, что расследование поручено именно вам, — почти дословно повторил Кент слова своего портень. — Я не мог и рассчитывать на такую удачу. История, сами понимаете, не из приятных, так что если вы сумеете сделать свое дело без особого шума, то я до скончания века...

— Увы, сэр, неприятные истории, как правило, идут рука об руку с

оглаской... Кем был убитый? Когда он к вам поселился? С кем? Цель пребывания в Лондоне? Короче — все факты, которые вам о нем известны.

— Хью Моррис Дрейк, — ответил Кент. — Записал в книге приезжающих, что родом он из Детройта. Насколько я знаю, это такой город в Соединенных Штатах. Прибыл из Нью-Йорка в Саутгемптон в прошлый понедельник, третьего. К нам добрался оттуда поездом, в обществе дочки, некоей миссис Поттер, родом тоже из Детройта, и внучки. Сейчас не могу припомнить, как зовут внучку... — Кент обернулся к бородатому мужчине, — как звать эту молодую даму, доктор Лофтон?

— Памела, — голос доктора был тверд как сталь.

— Вот именно. Памела Поттер. Инспектор Дафф, позвольте представить вам доктора Лофтона. Вероятно, доктор сможет сообщить вам гораздо больше подробностей. И о покойном, и обо всей группе. Он ее руководитель.

— Руководитель? — удивился Дафф.

— Руководитель тура, — пояснил Кент.

— Какого тура? А-аа! Так покойный находился в группе туристов, где вы исполняли роль гида?

— Ну, гидом я бы себя не назвал, — поморщился Лофтон. — Хотя до известной степени приходится брать на себя и такие обязанности. Неужели вы никогда не слышали, инспектор, о туристской компании «Вокруг света с Лофтоном»? Вот уже пятнадцать лет я организую кругосветные путешествия в содружестве с туристским бюро «Номад».

— К несчастью, никогда не слышал ни о «Номаде», ни о вашей фирме. Выходит, мистер Хью Моррис Дрейк отправился в кругосветное плавание под вашим руководством?

— Не совсем так, — вновь поправил инспектора Лофтон. — Кругосветное плавание означает, что человек путешествует на одном и том же судне. Причем обычно путешествует сразу большая группа туристов. У меня совершенно иная практика: много разных судов, много разных поездов и относительно малое число участников.

— Что вы подразумеваете под «относительно малым числом»?

— В этом туре, например, у меня только семнадцать участников. То есть, было семнадцать. Теперь шестнадцать.

Инспектор Дафф хмыкнул:

— Для меня шестнадцать это как раз относительно большое число. Вы доктор медицины?

— Нет. Доктор философии. У меня несколько научных званий...

— А до сегодняшнего дня у вас были какие-либо хлопоты с этой

группой? Возможно, какой-либо малозначительный инцидент, ссора, вспышка ревности, старые счеты?

— Ничего похожего! — жестко отпарировал Лофтон. — Абсолютно ничего. Тем более, что погода во время плавания была просто ужасной, и у нас даже не было возможности как следует познакомиться друг с другом. Когда в понедельник группа прибыла в этот отель, мы все еще были практически теми же чужими людьми, что покинули Нью-Йорк. Правда, мы успели совершить здесь несколько экскурсий, но, право же, это слишком мало, чтобы судить о настроениях группы...

Постепенно спокойствие доктора уступило место явному волнению, даже лицо его покрыл румянец.

— Инспектор, я очутился в ужасной ситуации. Под угрозой дело всей моей жизни, моя высокая репутация, за которой стоит пятнадцать лет непрерывных усилий! Это роковое убийство способно уничтожить все. Поэтому умоляю вас не начинать с концепции о виновности кого-либо из членов группы. Это совершенно немыслимо! Дрейка убил какой-то местный маньяк, кто-то из гостиничной прислуги, наконец...

— Давайте не будем впутывать в ваши дела мою прислугу, — перебил разгорячившегося доктора Кент. — В этом отеле работают только досконально проверенные служащие, и работают по многу десятков лет.

— Хорошо, пусть не прислуга, пусть кто-то с улицы, — охотно согласился Лофтон. — Но в любом случае это не мог быть член моей группы. Я тоже предъявляю очень высокие требования к составу групп: со мной едут только порядочные люди. Самые порядочные! — он умоляюще тронул Даффа за рукав. — Прошу меня простить за некоторую экзальтированность, инспектор. Я понимаю, что вы будете действовать беспристрастно. Но поймите и ситуацию, в которой я внезапно очутился!

— Понимаю, — кивнул Дафф. — И сделаю все возможное, чтобы помочь вам. Поэтому мне необходимо как можно скорее услышать показания участников всей группы. Их следует срочно собрать в одном из салонов отеля.

— Попытаюсь, — поднялся с кресла Лофтон. — Некоторые еще могут быть на утренней прогулке, но к десяти все так или иначе соберутся, поскольку в десять сорок пять мы должны выехать с вокзала Виктория, чтобы успеть на дневной паром Дувр-Кале.

— Должны были выехать, — поправил его инспектор.

— Да, теперь это уже вряд ли получится, — вздохнул доктор. — Что же теперь будет?

— Сейчас мне еще трудно сказать. Увидим. Пойдемте наверх.

Не ожидая согласия, он быстро направился к лестнице. Лифтер, не упустивший случая похвастаться своими многочисленными правнуками, церемонно доставил их на третий этаж.

В дверях двадцать восьмого номера Дафф столкнулся с Хэйли.

— Привет, старина! — они пожали друг другу руки. — Заходи!

Дафф вошел в большую спальню, где сильно пахло магнезией от частых фотовспышек. Если бы в эту комнату вошла королева Виктория, ее ничуть не удивила бы обстановка, — она почувствовала бы себя как дома, сняла бы чепец и уселась на низеньком диванчике с колесиками. Здесь все было как в минувшем веке. Широкое ложе стояло в алькове вдаль от окон. На ложе распростерлось тело старого человека. По оценке Даффа человеку было под семьдесят. Даже не будь на шее старика туго затянутого чемоданного ремня, было ясно, что смерть настала от удушья. Быстрый взгляд детектива отметил также, что смерти предшествовала короткая борьба. Дафф стоял без движения, оглядывая поле предстоящей ему битвы. За окнами спальни медленно поднимался туман, а снизу доносилась незатейливая мелодия, исполняемая одним из бесчисленных уличных оркестров Лондона.

— Полицейский врач был? — спросил Дафф.

— Был, — подтвердил Хэйли. — Написал рапорт и сразу ушел. Говорит, что смерть наступила около четырех часов тому назад.

Дафф подошел к умершему и осторожно, чтобы не стереть возможные следы, снял с его шеи ремень. Затем вручил его дактилоскописту и приступил к тщательному осмотру останков мистера Хью Морриса Дрейка из Детройта. Подняв левую руку старика, он распрямил сжатые в кулак пальцы и вскрикнул от удивления: на ладони тускло поблескивали три звена от платиновой часовой цепочки с крохотным ключиком на конце!

Подошел Хэйли. Оба склонились над находкой, которую Дафф бережно уложил на платок. С одной стороны ключика виднелся номер «3260», с другой было выбито название фирмы-изготовителя: «Сейфы Дитрих. Кантон, Огайо». Дафф перевел взгляд на застывшее лицо покойного.

— Бедняга, — с сочувствием заметил он, — в последний момент своей жизни он все же попытался нам помочь. И помог.

— Да, это уже кое-что, — согласился Хэйли.

Дафф задумчиво посмотрел на него.

— Может быть... Но на мой вкус все это выглядит как-то уж слишком по-американски. Особенно для инспектора лондонской полиции. — Он опустил на колени перед постелью и начал внимательно осматривать пол.

Кто-то вошел в комнату, но Дафф был в тот момент слишком занят, чтобы оторвать взгляд от лакированной поверхности. А когда, наконец, сделал это, то мгновенно вскочил на ноги, отряхивая от пыли брюки. В центре спальни перед ним стояла стройная прелестная девушка, наделенная парой самых синих глаз, какие Дафф когда-либо видел.

— Э-ээ... Доброе утро, — несколько растерянно произнес Дафф.

— Доброе утро, — услышал он в ответ мелодичный голос. — Меня зовут Памела Поттер. Это был мой дед. А вы, вероятно, из Скотленд Ярда? Я вам нужна?

— Разумеется! — быстро подтвердил инспектор.

Американка выглядела спокойной, но в уголках ее похожих на фиалки глаз все еще виднелись следы слез.

— Ваша мать тоже находится здесь, в Англии?

— Мама совершенно разбита горем. Может быть, она тоже придет, но позднее. Пока вам придется располагать только мной. Что бы вы хотели узнать?

— У вас нет каких-то догадок относительно причин случившегося?

Девушка энергично покачала головой.

— Абсолютно никаких. Мне вообще трудно в это поверить. Он был самым добрым человеком на свете, никогда не имел врагов, — просто абсурд какой-то...

С Кларджес-стрит продолжали доноситься мелодии уличного оркестра. Дафф резко повернулся к одному из своих людей.

— Закройте окно! Вашего деда можно отнести к известным людям Детройта? — снова обратился он к девушке.

— Конечно, его там хорошо знали на протяжении многих десятков лет. Он был там в числе пионеров автомобильного производства. Правда, пять лет тому назад он отошел от активного руководства своей фирмой, но сохранил пост в контрольном совете. Последние годы его более привлекала благотворительная деятельность. Он раздавал сотни тысяч долларов. Его любили в городе. Любили все.

— Из сказанного вами я заключаю, что он был весьма богатым человеком.

— Да.

— А кто... — Дафф на мгновение замялся. — Прошу прощения, но вопрос, который я вынужден вам задать, является в такого рода случаях обычным: кому достанется наследство?

Девушка задумалась.

— Этот вопрос мне не приходил в голову... Думаю, что если

наследство не предназначено целиком на благотворительные цели, то оно достанется маме.

— И, в свое время, вам?

— Мне и моему брату. Я так думаю. И что из этого?

— Вероятно, ничего. Когда вы в последний раз видели своего деда живым?

— Сразу после ужина, вчера вечером. Мы с мамой собирались идти в театр, но дедушка предпочел остаться в отеле, говорил, что он слишком устал, и к тому же спектакль все равно не доставил бы ему никакого удовольствия, потому что...

Дафф кивнул.

— Я понимаю. Ваш дед был глухим.

Девушка вздрогнула.

— Откуда вы знаете?

Взгляд ее последовал за взглядом инспектора. На ночном столике лежал батарейный слуховой аппарат. На глазах Памелы Поттер блеснули слезы, и она закрыла лицо руками. Потом она все же овладела собой, одним движением стерев со щек мокрые дорожки.

— Да, это дедушкин аппарат, — она протянула к столику руку.

— Прошу ничего не касаться, — предупредил инспектор.

— Понимаю. Я не буду... Он постоянно им пользовался, хотя это не слишком ему помогало. Мы попрощались с ним вчера вечером, перед самым уходом в театр. Он как раз готовился ко сну, хотел лечь пораньше, чтобы хорошенько выспаться перед дорогой. Вы, вероятно, знаете, что сегодня нам предстояло выехать в Париж. Мы еще предупредили его, чтобы он не проспал сборы. У нас номер этажом ниже. Он сказал, что не проспит, поскольку договорился с коридорным, и тот его разбудит. А утром мы дожидались его в холле, чтобы вместе идти на завтрак, но тут... тут появился управляющий и сообщил нам о... о случившемся.

— И как на это прореагировала ваша мать? Была поражена?

— Конечно! Для нее это было страшным известием. Она упала в обморок. Потом я с трудом увела ее в наш номер.

— А вы в обморок не упали?

Девушка взглянула на инспектора с презрением.

— Я не принадлежу к обморочному поколению. Меня смерть дедушки тоже потрясла, но...

— Ради Бога извините меня за все эти бестактные вопросы и позвольте выразить мое самое искреннее соболезнование...

— Спасибо, — серьезно ответила Памела. — От меня требуется что-то

еще?

— Нет. Хотел бы только просить вас помочь мне встретиться с вашей матерью. Я обязан поговорить и с ней. Ну, скажем, через час. А тем временем я познакомлюсь с остальными участниками группы в салоне на первом этаже. Вы можете там не присутствовать...

— Но почему? Я обязательно приду. Самочувствие у меня нормальное, зачем упускать случай поближе взглянуть на всю нашу компанию? В дороге у нас такого случая не представилось. Стояла непрерывная качка, и все прятались по своим каютам. Так что я приду. Такое зверское убийство... Я не усну, пока мы не узнаем правды. И я готова сделать ради этого все, что смогу, инспектор. Инспектор...

— Инспектор Дафф. Рад, что я получил в вашем лице союзника. Будем искать правду вместе, мисс Поттер.

— И мы найдем ее! — уверенно сказала девушка. — Должны найти. Он был так... так добр ко мне, — голос ее прервался, и она быстро вышла из комнаты.

Дафф проводил ее взглядом и повернулся к Хэйли.

— Симпатичное создание. Типичная американка. Так чем мы располагаем? Обрывок часовой цепочки и ключ от сейфа. Что ж, для начала и это неплохо.

Внезапно лицо Хэйли вытянулось.

— Ах, я осел! — выкрикнул он. — У нас же есть еще одна находка! Врач обнаружил это на постели, рядом с телом — кто-то был настолько небрежен, что не заметил его на простыне.

— Что это? — не понял Дафф.

Хэйли протянул ему маленький поношенный мешочек из замши, перевязанный обрывком шнура. Мешочек оказался довольно тяжелым. Подойдя к секретеру, Дафф развязал шнурок и высыпал его содержимое на полированную поверхность. Нахмутив брови, он с недоумением уставился на горсть самых обыкновенных камешков.

— Что ты об этом думаешь?

— Думаю, что это камни, — пожал плечами Хэйли. — Чуть поменьше, чуть побольше. Разной формы. Эти округлые, словно с пляжа. — Он повертел несколько камушков в пальцах, — ценности в них нет никакой, это точно. Может, они вообще ничего не значат?

Дафф повернулся к полицейскому у двери.

— Прошу пересчитать, сложить обратно и завязать. — Когда полицейский занялся скрупулезным подсчетом, Дафф опустился в старинное кресло и озадаченно взглянул на Хэйли.

— По-моему, здравым смыслом в этой истории пока не пахнет, — произнес он.

— Согласен, — кивнул Хэйли.

— Всеми уважаемого почтенного старца, который ради собственного удовольствия отправился путешествовать в обществе дочери и внучки, душат в лондонском отеле. При этом глухой старец просыпается, вступает в борьбу и отрывает у часов своего убийцы часть платиновой цепочки. Но силы неравные, и ремень плотно затягивается вокруг его шеи. После чего убийца эффектным жестом швыряет на постель мешочек с никчемной галькой. Идиотизм! Ты что-то понимаешь?

— Как в таких случаях пишут репортеры — «загадочное дело».

— Полностью с ними согласен. Хотя здесь есть и загадки иного рода. Заметил?

— Что именно? Твой класс мышления для меня недостижим.

— Ну, не скромничай, приятель! Очевидные вещи должны бросаться в глаза любому. Если бы на этой постели имела место борьба, то остались бы хоть какие-то ее следы — сбитые простыни, вмятины, сдвинутые подушки. Но здесь все в идеальном порядке!

— Действительно, — прошептал Хэйли. — То есть, кто-то на этой постели, возможно, спал, но спал совершенно спокойно...

— Взгляни, с этой стороны даже одеяло осталось аккуратно подоткнутым под матрас. Может так быть после схватки не на жизнь, а на смерть?

— Думаю, что нет.

— А я уверен, что нет! У меня не вызывает сомнений тот факт, что Дрейк жил в этом номере. Вот его слуховой аппарат, там на кресле лежит его одежда. Но что-то говорит мне, что задушили его совсем в другом месте.

3. Человек со слабым сердцем

Сделав это неожиданное заявление, Дафф умолк и некоторое время неподвижным взглядом всматривался куда-то в пространство. В дверях спальни появился Кент. Лицо его было все так же мрачно.

— Могу быть чем-нибудь полезен, сэр? — спросил он.

— Неплохо было бы поговорить с человеком, который первым обнаружил труп.

— Я был уверен, что вы им заинтересуетесь. Поэтому привел его с собой. Это Мартин, дежурный по этажу.

Жестом Кент пригласил войти стоявшего в коридоре служащего. У Мартина было невыразительное лицо, но все же чувствовалось, что он порядком нервничает. По возрасту он был намного моложе большинства своих коллег.

— День добрый, — поздоровался с ним Дафф, вынимая из кармана блокнот. — Меня зовут Дафф, я представляю здесь Скотленд Ярд. — При этих словах Мартин встревожился еще более. — Прошу сообщить мне во всех подробностях, что именно произошло этим утром.

— Я, инспектор... Я... В общем, мистер Дрейк попросил, чтобы я разбудил его пораньше. У нас ведь нет в номерах телефонов. А он хотел встать к первому завтраку. До этого мне уже пришлось его будить пару раз, когда он просил, так оба раза я был вынужден спускаться вниз к портье за запасным ключом: этот старик ни черта не слышал, хотя я молотил в дверь, что было сил. Он жутко глухой. Ну вот, и сегодня, когда я начал стучать в четверть восьмого, а ответа не было, то понял, что придется снова спускаться к портье. Спустился, а он говорит, что ключа нет.

— Основного ключа?

— Нет, сэр, запасного. Ну, раз такое дело, я взял у него универсальную отмычку — держим ее для таких случаев. Вошел. Одно окно, вижу, зашторено и закрыто. А другое открыто, и штора на нем отодвинута. Все, вроде бы, было в порядке — в свете из открытого окна я увидел слуховой аппарат на ночном столике, сложенную на кресле одежду. Подошел к постели, а потом... потом сразу помчался к управляющему. Честное слово, инспектор, я больше ничего не знаю!

Дафф обернулся к Кенту.

— А куда подевался запасной ключ?

— Тут произошла совершеннейшая нелепость, — неуверенно начал

управляющий. — Как вы, несомненно, знаете, это старый отель со старой обстановкой и старыми порядками. У персонала нет ключей, которые подходили бы ко всем дверям этажа. И если клиент уходит, забирая ключ с собой, то горничная не в состоянии убрать номер, пока не спустится к портье за запасным ключом. Вчера случилось именно это: проживающая в номере двадцать семь миссис Ирен Спайсер, тоже из группы доктора Лофтона, вышла, прихватив с собой ключ, хотя мы предупреждаем всех клиентов, чтобы они этого не делали. Горничной пришлось взять у портье запасной ключ. Она открыла дверь, оставила ключ в замке и принялась за уборку. Когда по окончании работы она хотела снова закрыть дверь, то оказалось, что ключа в замке нет. Он не нашелся до сих пор.

Дафф усмехнулся.

— Бьюсь об заклад, что около четырех утра кто-то им воспользовался. Есть у меня такое предчувствие... Может, вчера или сегодня в отеле были и какие-либо другие «нелепости»?

Кент на секунду задумался.

— Не уверен, что это вам пригодится, но наш ночной портье упоминал мне о двух довольно странных происшествиях, которые имели место во время его дежурства. Человек он уже немолодой, отдыхает после смены в одном из свободных номеров. Но я сейчас пошлю за ним — будет лучше, если он сам обо всем расскажет.

Порог спальни переступил Лофтон.

— О, вы все еще здесь! Я собрал всех, кого смог. Остальные сойдутся чуть попозже. Двое как раз живут на этом этаже и...

— Минуточку, — остановил его Дафф. — Я хотел бы знать, кто занимает соседний номер. Мистер Кент говорит, то там живет некая Ирен Спайсер. Будьте так добры, доктор Лофтон, взгляните, у себя ли она, и если у себя, то пригласите ее сюда.

Лофтон вышел, а Дафф приблизился к покойному и простыней закрыл ему лицо. Уже через минуту Лофтон возвратился в обществе элегантной женщины лет тридцати. Лицо ее было привлекательным, но усталые глаза и морщинки у рта говорили о том, что эта привлекательность до сих пор не принесла Ирен Спайсер особого счастья.

— Миссис Спайсер, — представил их друг другу Лофтон, — инспектор Дафф из Скотленд Ярда.

Женщина взглянула на Даффа с нескрываемым любопытством.

— Вы хотели говорить со мной? Но о чем?

— Неужели вы ничего не знаете?

— Понятия не имею. Я завтракала у себя в номере. Никуда до этой

минуты не выходила. Правда, я слышала сквозь стену какие-то разговоры, но...

— Здесь произошло убийство, миссис Спайсер. Убит обитатель этого номера, — сказал Дафф, пристально глядя на женщину.

Миссис Спайсер побледнела.

— Убийство... — прошептала она и покачнулась. Хэйли мгновенно пододвинул ей кресло.

— Благодарю вас, — она машинально кивнула головой. — Этот бедный старичок мистер Дрейк? Такой очаровательный человек! Это... Это ужасно!

— Согласен с вами. Отсюда к вам в номер ведет дверь. Очевидно, она постоянно была замкнута?

— Естественно!

— С обеих сторон?

Глаза женщины сузились.

— Это мне неизвестно. С моей стороны она была замкнута.

Подвох Даффа не удался.

— Слышали вы ночью какие-либо шумы? Крики, например, или отголоски борьбы?

— Не слышала ничего.

— Странно.

— Не вижу ничего странного. Я крепко сплю.

— Значит, в момент совершения убийства вы спали?

Женщина усмехнулась.

— Ставьте мне ловушки, инспектор? Я не знаю, в какой момент было совершено убийство.

— Разумеется, не знаете. Откуда бы вам знать... Я думаю, что это произошло в четвертом часу. Ну, а на протяжении, скажем, последних двадцати четырех часов вы не уловили за дверью этого номера каких-то разговоров?

Ирен Спайсер задумалась.

— Вечером я была в театре...

— Одна?

— Нет, с мистером Стюартом Вивианом. Он тоже в нашей группе. Когда в двенадцатом часу мы вернулись в отель, то я ничего не слышала... А вот раньше, когда я переодевалась к ужину, то... да, за дверью были слышны громкие голоса. Похоже, что тут происходила какая-то ссора.

— Сколько человек в ней участвовало?

— Двое. Двое мужчин. Один — мистер Дрейк, другой... — она

смолкла.

— Вы не смогли узнать голос второго мужчины?

— Почему же? Этот голос легко узнать. Он принадлежал доктору Лофтону.

Дафф живо обернулся к руководителю тура.

— Вам действительно случилось поссориться с покойным незадолго перед ужином?

— Ну, я бы не назвал это ссорой, — запротестовал явно встревоженный Лофтон. — Я зашел к нему, чтобы сообщить план сегодняшнего дня. А он воспользовался этим и принялся критиковать состав группы. Утверждал, что не все в ней на должном уровне...

— И был совершенно прав! — перебила его миссис Спайсер.

— Вы понимаете, как я дорожу своей репутацией, — продолжал Лофтон, не обращая внимания на этот внезапный выпад, — и к обвинениям подобного рода я не привык. Не стану отрицать, что по причине некоторого общего застоя в туризме мне пришлось взять пару лиц, которых в другое время... Ну, словом, при других обстоятельствах я бы не принял их предложения. Нет, они вполне достойные граждане, — просто обычно мы набираем клиентов из несколько иной среды... Так или иначе, но реплики мистера Дрейка задели мое самолюбие, и я отвечал ему в довольно резком тоне. Но это никоим образом не была ссора — да еще такая, которая могла бы привести к чему-либо подобному, — он кивнул в сторону постели.

Дафф повернулся к миссис Спайсер:

— А тему их беседы вы не смогли разобрать?

— Нет. Да я и не старалась. Мне только показалось, что оба джентльмена чем-то весьма взволнованы.

— Где вы живете? — спросил Дафф.

— В Сан-Франциско. Мой муж биржевой маклер. К сожалению, он был слишком занят, чтобы сопровождать меня в этой поездке.

— Это ваша первая поездка за границу?

— О, нет! Не помню точно, сколько раз я выезжала из Штатов, но только вокруг света я путешествовала дважды.

— Да, конечно. Я и забыл, что Америка — это страна прирожденных туристов. Хорошо, теперь попрошу вас спуститься в салон, где должны собраться остальные участники группы.

— Уже иду.

Через минуту в комнату вошел дактилоскопист и, возвращая Даффу ремень, констатировал:

— Ни единого отпечатка на нем нет. Он был тщательно вытерт, после

чего к нему прикасались только в перчатках.

Дафф показал ремень доктору Лофтону.

— Вам случайно не приходилось видеть его на багаже кого-либо из ваших подопечных? Полагаю, что именно он явился орудием убийцы.

— Странно, очень странно, — пробормотал Лофтон. — Мне кажется, что примерно такой же багажный ремень я купил в Нью-Йорке для одного из моих чемоданов...

— Тогда будьте добры принести его, — предложил Дафф.

— Охотно, — согласился Лофтон и вышел.

За ним направился к двери управляющий.

— Пойду взглянуть, готов ли Мартин к беседе с вами.

Когда за управляющим закрылась дверь, Дафф встретился взглядом с Хэйли.

— Сдается, что у мистера Лофтона может возникнуть надобность в алиби, а?

— Между прочим, часы у него наручные, — возразил Хэйли.

— Да, я это тоже заметил. Но, возможно, он стал носить их лишь после того, как у него что-то случилось с платиновой цепочкой от прежних карманных часов? Впрочем, все это, конечно, нонсенс. Он не похож на человека, который стал бы так рисковать. Такого рода вещи при любом исходе следствия могут оказаться похоронным звоном для любой туристской компании — и уже одно это является для него неплохим алиби.

— А если в будущем он намеревался сменить сферу своих деловых интересов? — предположил Хэйли.

— В таком случае он отлично разыграл замешательство. Но зачем ему тогда было вообще упоминать о том, что у него есть похожий ремень?

Вернулся Лофтон. Лицо его было бледным.

— Инспектор, мой багажный ремень пропал!

— Вот как? Но, быть может, это он и есть? — Дафф протянул злополучную улику Лофтону.

Доктор тщательно осмотрел орудие убийства.

— Склонен думать, что вы правы, — наконец, сказал он.

— Когда вы в последний раз держали его в руках?

— В понедельник вечером, когда распаковывался. Чемодан я поставил в шкаф и с тех пор к нему не прикасался... — Он умоляюще посмотрел на Даффа, — клянусь, инспектор, кто-то подстроил все это, кому-то нужно бросить на меня тень!

— В этом я ничуть не сомневаюсь. Но кто мог войти в ваш номер?

— Да практически все! Все то входят, то выходят, спрашивают о

расписании дня, о разных пустяках, о... Но не подумайте, что я подозреваю кого-то из нашей группы! За последние дни ко мне заходило множество самых разных людей. Как вы знаете, горничные просят нас не закрывать дверей в период уборки, а это тоже оставляет простор для непрошенных визитов.

Дафф кивнул.

— Не волнуйтесь так, доктор. Никто не поверит, чтобы вы задушили человека своим ремнем, который легко можно опознать... Не знаете ли вы, кто занимает соседний номер с другой стороны, очевидно, двадцать девятый?

— Знаю, конечно. Мистер Уолтер Хонивуд, весьма представительный джентльмен, миллионер из Нью-Йорка. Он тоже из нашей группы.

— Если он у себя, то пригласите его сюда, а затем прошу продолжить ваши усилия по сбору в салоне всех членов группы.

После ухода доктора Дафф попытался открыть двери, соединяющие номер Дрейка с номером Хонивуда. Попытка не удалась: двери были плотно заперты изнутри.

— Ремень нас никуда не привел, — заметил Хэйли, — а жаль. Зато доктора Лофтона теперь можно практически исключить.

— Пожалуй, — согласился Дафф. — Либо мы имеем дело с блестящим психологом: «Да, это мой ремень, он был украден из моего шкафа». Нет, убийцы столь предусмотрительными не бывают. Что ж, это превращает Лофтона в своего рода доверенное лицо следствия. Нам необходимо иметь в группе человека, относительно которого у нас не возникало бы подозрений.

На пороге спальни появился высокий импозантный мужчина лет тридцати с лишним.

— Уолтер Хонивуд, — представится он. — Я просто ошеломлен случившимся. Мой номер по соседству, как вы, вероятно, уже знаете.

— Прошу садиться, мистер Хонивуд, — попросил миллионера Дафф. — Вы, значит, уже слышали о преступлении?

— Да. Мне рассказали за завтраком.

— Присядьте же, — вторично предложил инспектор.

Мистер Хонивуд опустил в кресло. Лицо его было почти багровым, чрезмерный загар оттеняли седеющие волосы. Он выглядел человеком, живущим более чем интенсивной для своих лет жизнью. Почему-то Дафф припомнил лицо Ирен Спайсер — резкие морщинки у губ, усталые, но вызывающе блестящие глаза...

— Значит, об убийстве вы узнали только за завтраком?

— Только. До этого я ничего не знал.

— Весьма странно.

— Что именно? — в глазах Хонивуда мелькнула почти неуловимая тень страха.

— Но ведь все происходило в соседнем номере! Борьба, крики, хрип...

— У меня крепкий сон.

— Так в момент убийства вы спали?

— Без всяких сомнений.

— То есть вы знаете, когда именно оно произошло?

— О, нет! Разумеется, не знаю! Просто я имел в виду, что в это время я в любом случае спал — иначе услышал бы что-нибудь...

Дафф усмехнулся.

— Понимаю. Теперь скажите мне, всегда ли закрыты двери между этим номером и вашим? Я имею в виду — на замок или на засов?

— Очевидно.

— С обеих сторон?

— Очевидно.

— А откуда вам известно, что они заперты с этой стороны?

— Ну... Потому что... Потому что несколько дней назад я слышал, как портье безуспешно пытался достучаться до мистера Дрейка. Затем он пытался с моего разрешения попасть к Дрейку через мой номер. Но опять-таки безуспешно — двери были заперты изнутри.

Первоначальная импозантность постепенно изменяла Хонивуду. Цвет его лица сменился на почти серый. Дафф с любопытством следил за этими переменами.

— Мне кажется, что я уже слышал где-то ваше имя...

— Вполне вероятно. Я был режиссером многих театральных постановок в Нью-Йорке, в Лондоне мне тоже довелось ставить несколько пьес. Без сомнения, вам более известно имя моей жены: мисс Сибил Конвей, актриса, популярная и на гастролях в вашей стране.

— Она тоже путешествует вместе с вами?

— Нет. Два месяца тому назад мы разошлись, после чего моя жена покинула Штаты. Она уехала на итальянскую Ривьеру, в Сан-Ремо. Сейчас она там. В отеле «Палас». План моей поездки предусматривает небольшую задержку в Сан-Ремо. Признаюсь вам, что я надеюсь встретиться с Сибил, — возможно, мне удастся уладить наши недоразумения и уговорить ее продолжить это путешествие вместе...

Мистер Хонивуд достал сигарету и поднес к ней элегантную зажигалку. Его рука заметно дрожала. Когда он оторвал взгляд от кончика

сигареты, то увидел, что Дафф пристально следит за ним.

— Эта страшная история подействовала мне на нервы, — поспешил объяснить Хонивуд. — Мы познакомились с мистером Дрейком еще на судне, и он сразу мне понравился. Да и вообще, в последнее время, сами понимаете, с самочувствием у меня не все в порядке. Из-за этого я и очутился в группе Лофтона: мой врач посоветовал подлечить разыгравшиеся после развода нервы долгим путешествием.

— Но, мистер Хонивуд, вам не кажется странным, что у человека с как вы говорите разыгравшимися нервами столь глубокий сон?

Хонивуд вздрогнул, словно от удара.

— Я... Я никогда... Нет, сон у меня всегда был крепким...

— Значит, вы счастливый человек, — резюмировал Дафф. — Ну, что ж, прошу вас спуститься в салон. Через минуту я тоже последую за вами, чтобы встретиться со всеми членами вашей группы.

Проводив глазами быстро вышедшего Хонивуда, он обернулся к Хэйли. — Что скажешь?

— Он чего-то боится.

— Точно. И притом сильно боится. Он знает гораздо больше, чем говорит. Что-то его очень потрясло, тут он не лжет... Но это еще ни о чем не говорит. Похоже, он знает, когда совершилось убийство, знает и то, что двери с этой стороны были заперты. У него разыгрались нервы, но спит, тем не менее, как сурок. Нет, нам следует повнимательнее присмотреться к мистеру Хонивуду...

Вернулся управляющий в сопровождении мужчины, как две капли воды напоминавшего мистера Пиквика.

— Эбен, ночной портье, — пояснил Кент. — Он хочет вам кое-что сообщить.

— Слушаю вас, мистер Эбен. Что именно вы хотите мне рассказать?

— Дело было так, — без особой спешки начал цветущий старичок, — на службе я ежечасно делаю обход и завожу контрольные часы. Когда я отправился на очередной обход своего этажа во втором часу ночи, то увидел, что перед дверями номера стоит какой-то джентльмен...

— Какого номера?

— Боюсь сказать точно, сэр, но мне кажется, что это был номер двадцать семь.

— Двадцать семь? Там живет миссис Спайсер! Но продолжайте.

— Как только этот джентльмен услышал мои шаги, он быстро повернулся и пошел ко мне навстречу, по направлению к лестнице. Сказал мне: «Добрый вечер, боюсь, что я ошибся этажом — мой номер ниже», ну,

и я не стал его ни о чем выспрашивать, потому что такое и впрямь бывает с кем угодно. Конечно, в другом отеле его, может быть, и задержали бы, но у нас никогда ничего худого не случалось, так что я...

— Вы видели его лицо?

— Хорошо видел, сэр. В коридоре горел свет, я могу легко опознать этого джентльмена в любой момент, если только он еще не выехал от нас.

— Отлично, — Дафф встал. — Сейчас вы встретитесь со всеми членами группы доктора Лофтона.

— Погодите, сэр, погодите! Со мной ведь было еще одно маленькое приключение!

— Еще? Какое же?

— Когда я пошел на обход в четыре утра, то сразу обнаружил, что свет на этаже не горит. Я подумал, что на щитке перегорели пробки и стал доставать из заднего кармана фонарик. Тут-то я вдруг почувствовал, что рядом со мной кто-то стоит. Я явственно слышал тяжелое дыхание. Едва я зажег фонарик, как прямо перед собой увидел серый костюм. И сразу фонарик выбили у меня из рук. Одним ударом. Понятное дело, я попытался схватить этого человека, но — годы у меня, как видите, неподходящие для хорошей драки. Он вырвался без особого труда. И все-таки в последний момент я успел ухватить его за карман пиджака. Правый карман. Тогда он ударил меня, и я упал. На какое-то время сознание меня покинуло — последнее, что я запомнил, это треск рвущейся материи: падая, я порвал ему карман. Когда я очнулся, никого уже не было.

— Вы совершенно уверены, что цвет костюма серый? И что вы порвали правый карман пиджака?

— Могу подтвердить это под присягой.

— Вам не кажется, что оба раза вы имели дело с одним и тем же человеком?

— Вот в этом я не уверен, инспектор. Второй показался мне немного массивнее... Но я могу и ошибиться.

— Что вы сделали потом?

— Пошел вниз и рассказал обо всем главному портю. Вместе с ним мы обыскали весь отель так тщательно, как только смогли, чтобы не беспокоить клиентов. Не нашли никого. Поразмыслив, мы решили не вызывать полицию, потому что, сэр, у нас очень старинный и известный отель, пользующийся прекрасной репутацией, и...

— Ваше решение было абсолютно правильным, — сухо прервал его Кент.

— Да, сэр, благодарю вас, сэр. Мы побоялись, что вслед за полицией

может нагрязнуть пресса, которая вряд ли сделает нам хорошую рекламу. Поэтому мы не стали никого звать. Сообщили обо всем мистеру Кенту, когда он утром пришел на работу, и все.

— Сколько лет вы служите в этом отеле, Эбен? — спросил Дафф.

— Сорок восемь, сэр. Я пришел к Бруму четырнадцатилетним пареньком.

— Что ж, такая верность первому месту работы заслуживает всяческих похвал, — Дафф спрятал блокнот в карман. — Подождите, пожалуйста, в кабинете управляющего. Вы еще мне понадобятся.

— Рад быть полезным, инспектор, — ответил Эбен и вышел.

— Теперь, — обратился Дафф к Хэйли, — я отправлюсь знакомиться с этими любителями кругосветных путешествий, а ты весьма меня обяжешь, если возьмешь пару своих людей и обойдешь номера этих любителей. Мистер Кент вне всяких сомнений будет счастлив служить тебе проводником.

— Положим, счастьем это назвать трудно, — поморщился Кент, — но я понимаю, что необходимость есть необходимость...

— Правильно понимаете. Ты знаешь, что искать — оборванную платиновую цепочку и серый пиджак с наскоро пришитым правым карманом. Маловероятно, чтобы ты их нашел, но и упускать этот микроскопический шанс мы не имеем права. — Дафф обратил внимание на фотографа и дактилоскописта, продолжавших кропотливый осмотр всех закоулков спальни. — Вы что, еще не кончили?

— Заканчиваем, инспектор.

— Тогда дожидайтесь меня здесь, — бросил уже на ходу Дафф. В коридоре он огляделся. — Здесь всего четыре номера. Спайсер, Дрейк, Хонивуд. А кто в тридцатке, рядом с Хонивудом?

— Мистер Патрик Тэйт, — ответил Кент. — Он тоже из группы Лофтона. Мужчина около шестидесяти, довольно воспитанный — для американца, во всяком случае. Насколько мне известно, в Соединенных Штатах он сделал успешную карьеру адвоката по криминальным делам. К сожалению, у него очень слабое сердце, поэтому он путешествует вместе с секретарем — молодым человеком чуть постарше двадцати. Думаю, что мистер Тэйт уже ждет нас внизу. Вместе со спутником.

Когда Дафф подошел к дверям салона, его встретил беспокойно оглядывавшийся по сторонам доктор Лофтон. За дверями виднелось несколько людей, тонувших в слегка поблекшей бархатной роскоши просторных кресел и диванов.

— Вот и вы, инспектор, — приветствовал его неуверенной улыбкой

доктор. — Мои, к сожалению, еще не все. Должны быть с минуты на минуту. А, наконец-то!

Полный мужчина с достоинством приближался к ним со стороны выхода на Кларджес-стрит. Громадная копна снежно-белых волос действительно придавала ему весьма внушительный — причем не только для американца — вид.

— Мистер Тэйт, — представил его Лофтон. — А это инспектор Скотленд Ярда Дафф.

— Рад познакомиться, — протянул руку мужчина. У него был низкий раскатистый голос. — Что я услышал! Убийство, подумать только! Немыслимо, просто невысказанно... И кто же стал жертвой?

— Прошу в салон, мистер Тэйт, — уклонился от ответа Дафф. — Там мы сейчас обсудим все подробности. Неприятная история...

Тэйт уверенным шагом переступил порог салона. Какое-то мгновение он, казалось, пересчитывал сидящих там людей, затем внезапно издал короткий вскрик и рухнул во весь рост на ковер. Дафф подбежал к нему первым. С трудом перевернув крупное тело Тэйта на спину, инспектор с тревогой всмотрелся в лицо американца. Оно было столь же недвижимым, как и лицо его соотечественника, лежавшего в спальне двадцать восьмого номера.

4. Дафф упускает улику

Уже в следующую секунду рядом с Даффом возник молодой американец с внимательными серыми глазами, выразившими в тот момент легкую тревогу. Достав из флакончика миниатюрную, похожую на жемчужину пастилку, он поднес ее к носу Патрика Тэйта.

— Это весьма действенное средство, — пояснил молодой человек, бросив взгляд на инспектора, — через минуту сознание к патрону вернется, уверен. Он распорядился, чтобы в случае приступа я всегда пользовался этими пастилками.

— Понял. Вы секретарь мистера Тэйта?

— Да, сэр. Мое имя Марк Кеннавэй.

Голова Тэйта шевельнулась, он глубоко вздохнул и медленно открыл глаза. Лицо его было почти таким же белым, как грива седых волос.

Дафф заметил в глубине салона дверь, подошел к ней и открыл. За дверью был небольшой уютный зал с широким просторным диваном посередине.

— Быть может, перенесем сюда вашего патрона, мистер Кеннавэй, — предложил он. — Мне кажется, что он еще слишком слаб, чтобы передвигаться самостоятельно... Вы останетесь пока с ним, — добавил он, когда Патрик Тэйт был бережно уложен на диван, — мы поговорим с вами позже, — с этими словами он вышел, закрыв за собой дверь.

В салоне ему сразу бросилось в глаза изобилие красного бархата и орехового дерева, напоминавшее об амбициях первого декоратора, нанятого Брумом в незапамятные времена. С тех пор ничего не изменилось. В библиотечном шкафу покоились запыленные тома с позолотой на переплетах, на столиках небрежно лежали подшивки провинциальных и лондонских газет, на стенах были развешаны рисунки, изображавшие спортивные сценки минувших времен. Группа людей, принадлежавших к несколько более поздней эпохе, смотрела на инспектора Даффа выжидательно и слегка встревоженно. На улице солнце наконец пробилось сквозь туман и падало теперь прямо на лица тех, кому предстояло в ближайшие дни загадывать инспектору одну загадку за другой.

Дафф обернулся к Лофтону.

— Еще не все?

— Не хватает пятерых. Не считая мистера Тэйта с секретарем и миссис Поттер...

— Плохо. Начнем, не дожидаясь этих пятерых, в таком случае.

Он выдвинул на середину салона журнальный столик и уселся за него, достав из кармана свой блокнот.

— Полагаю, что все уже знают о том, что произошло. Я говорю об убийстве мистера Дрейка из двадцать восьмого номера, которое было совершено этой ночью. — Никто не произнес ни слова, и Дафф продолжал. — Теперь разрешите мне представиться вам. Инспектор Дафф из Скотленд Ярда. Хочу сразу предупредить вас, что всей вашей группе придется не покидать отеля до моего разрешения.

— Еще чего! — вскочил с места низенький мужчина, наделенный тонким писклявым голоском. Золотая оправка его очков возмущенно сверкнула на солнце. — Раз так, то я немедленно отказываюсь от дальнейшего участия в группе. Нечего впутывать меня во всякие там убийства! У нас в Питтсфилде, штат Массачусетс...

— Вот и отлично, — перебил его Дафф. — А то я как раз не знал, с кого начать. Ваше имя?

— Норман Фенуик. — В устах мужчины это звучало как «финик».

— Простите? Будьте добры, по буквам!

— Ф-Е-Н-У-И-К. Обычная английская фамилия, или не слышали?

— Вы англичанин?

— По происхождению — да. Мои предки прибыли в Массачусетс в тысяча шестьсот пятидесятом году. После революции они решили остаться верными своей второй родине.

— Не думаю, что это имеет какое-либо отношение к событиям минувшей ночи, — невесело улыбнулся Дафф. — Вы путешествуете в одиночку?

— Нет. С сестрой, — он указал на неприметную седую женщину рядом. — Мисс Лора Фенуик.

Дафф записал.

— Знаете ли вы или ваша сестра что-либо касающееся этого дела?

Фенуик снова вскочил на ноги.

— Милейший, это что за намеки?

— Да успокойтесь вы, — махнул рукой Дафф. — У меня нет времени на всякую театральщину. Повторяю вопрос: вы слышали, видели, либо знаете что-то такое, что может быть связано с убийством?

— Нет. Это в равной степени относится и к моей сестре.

— Вы уже выходили сегодня утром из отеля?

— Немного прогулялись по центру. Последний взгляд на Лондон. Раз уж мы исходим от британцев, то...

— Ясно. Благодарю вас.

— Минуточку, инспектор! Мы хотим немедленно прекратить наш тур. Немедленно! Я не намерен иметь что-либо общее с...

— Я уже сказал, что в любом случае вам придется, остаться в отеле. Это решено.

— Возмутительно! Я обращусь к нашему послу! Он старый приятель моего дяди и, конечно, не допустит...

— Разумеется, обратитесь. Кто следующий? Мисс Памела... Но с вами я уже побеседовал. И с миссис Спайсер тоже. А вы — с кем имею честь?

— Стюарт Вивиан из Дель Монте, штат Калифорния, — неторопливо ответил загорелый худой мужчина, которого можно было бы назвать красивым, если бы не глубокий шрам поперек лба. — Я полностью разделяю возмущение мистера Фенуика. На каком основании вы ограничиваете из-за этого убийства нашу свободу? Убитый был для меня совершенно чужим человеком, я с ним даже не заговорил ни разу. Я и остальных-то не знаю, — добавил он, оглядывая салон.

— С одним исключением, — напомнил Дафф.

— С каким это? А, ну, это очевидно... С миссис Спайсер мы уже давно знакомы.

— И давно запланировали это путешествие?

— Что за наглость! — воскликнула женщина.

— Вы переходите все границы! — со злостью поддержал ее Вивиан, но тут же взял себя в руки. — Мы оказались в этой поездке вместе по чистой случайности. Я не видел миссис Спайсер около года, и когда в Нью-Йорке я узнал, что она тоже находится в группе доктора Лофтона, это было для меня полнейшей неожиданностью.

— Естественно, — добродушно согласился Дафф. — И об убийстве вам ничего не известно?

— А откуда бы это могло быть мне известным?

— Вы выходили из отеля сегодня утром?

— Да, пошел прогуляться. Заодно хотел купить рубашку у Берлингтон Аркейдс.

— А какие-либо другие покупки вы делали?

— Нет.

— Чем вы занимаетесь?

— Время от времени играю в поло.

— И свой шрам вы, конечно, заполучили во время игры?

— Да. Неудачно упал несколько лет тому назад.

Дафф обернулся к следующему туристу.

— Мистер Хонивуд, к вам у меня только один вопрос.

— Слушаю, инспектор, — рука Хонивуда, державшая сигарету, заметно дрожала.

— Покидали вы сегодня отель?

— Я? Нет-нет, я никуда не выходил. Сразу после завтрака спустился сюда и просматривал старые экземпляры «Нью-Йорк Трибьюн».

— Спасибо. Теперь вы, — взгляд Даффа остановился на мужчине средних лет с ястребиным носом и на редкость маленькими глазками. Он был хорошо одет и свободно держался, но что-то неуловимо выделяло его из всей группы.

— Капитан Роналд Кин, — представился он.

— Военный? — удивился Дафф.

— Ну, в общем... да.

— Разумеется, военный, — вмешалась Памела Поттер, — капитан Кин говорил мне, что служил в британской армии, в составе ее войск, размещенных в Южной Африке.

— Это действительно так? — голос Даффа был полон сомнения.

— Не совсем... — заколебался Кин. — Возможно, на судне я несколько романтизировал ситуацию. Знаете, когда человек попадает в новую компанию...

— Знаю, — кивнул Дафф. — В таких ситуациях хочется произвести впечатление, не особо придерживаясь реальных фактов. Но в армии-то вы вообще служили?

Кин снова заколебался. Но вопросительный взгляд инспектора был слишком серьезен, чтобы далее «романтизировать ситуацию».

— Нет, — признался он. — Капитан это, так сказать, скорее почетный титул, но, конечно, это не означает, что...

— Чем вы занимаетесь?

— Сейчас у меня нет постоянного занятия. Но я был... э-ээ... я был инженером.

— Как вы оказались в группе мистера Лофтона?

— Да так же, как и все. Просто хотел получить удовольствие от путешествия.

— Надеюсь, что вы уже начали его получать. Что вы знаете о событиях этой ночи?

— Абсолютно ничего.

— Полагаю, что и вы не отказали себе в удовольствии утренней прогулки?

— Это была не совсем прогулка. Я получил деньги по чеку в банке

«Америкен Экспресс».

— Вот как? — наклонился вперед Лофтон. — А между тем, я всем предлагал перед поездкой воспользоваться чеками нашего туристского бюро!

— А я предпочитаю «Америкен Экспресс», — возразил Кин. — Это что, запрещено?

— Нет, но я полагал, что мы вправе рассчитывать на лояльность наших клиентов, — в голосе Лофтона звучала обида, однако Дафф уже обернулся к мужчине, сидевшему в углу салона.

— Вы у меня последний. Ваше имя? Занятие?

— Джон Росс, — ответил мужчина. В руке у него была тяжелая трость, похлопывавшая по неподвижно вытянутой ноге. — Делаю деньги на лесном бизнесе в Такоме, штат Вашингтон. Мечтал о таком путешествии давно, но мне и в голову не приходило, что оно может так начаться. Моя жизнь — это открытая книга, инспектор. Только намекните, и я прочту вам любую ее страницу.

— Вы, если не ошибаюсь, шотландец?

— Да. От нашего «рррр» не избавишься до самой смерти, — усмехнулся Росс, — но в Штатах я провел почти всю сознательную жизнь. Вижу, что вы поглядываете на мою ногу. Раз уж вы взялись изучать наши шрамы и наши слабости, то могу признаться, что пару месяцев назад соскользнувший с пня ствол секвойи сломал мне ногу. Срослось чуть хуже, чем надеялся костоправ.

— Сочувствую. Вы знаете что-нибудь о событиях...

— К сожалению, ничего, инспектор. Ни в чем не могу помочь. Этот Дрейк был очень милым человеком. Мы довольно близко познакомились на трансатлантике, он мне искренне понравился.

— Этим утром, вероятно, и вы...

— Да, и я прогулялся. Туман, и все прочее. Лондон показался мне весьма занятным местечком. Такое перенести бы к нам на Тихий океан!

— Да, ваш климат нам бы пригодился, — поддержал эту идею Дафф.

— Вы, что же, бывали в наших краях? — заинтересовался Росс.

— Доводилось бывать, хотя и не слишком долго.

— Ну, и какие у вас впечатления?

— Об этом как-нибудь в другой раз, — улыбнулся Дафф, — сейчас у нас есть более важные темы для беседы. — Он встал и направился к двери. — Я вернусь через минуту. Прошу всех меня подождать.

Фенуик подошел в доктору Лофтону.

— Я требую немедленно вернуть уплаченные за поездку деньги!

— На каком основании? — вежливо спросил Лофтон.

— Неужели вы полагаете, что возможно продолжать тур после того, что произошло?! — возмущенный взгляд Фенуика, казалось, готов был просверлить толстые стекла его очков.

— Тур будет продолжен, — голос Лофтона стал еще более вежливым, — независимо от того, хотите вы присоединиться к нему или нет. Это ваше личное дело. Я работаю в туристском бизнесе уже много лет, и смею вас заверить, что покойники встречаются там не реже, чем в любом другом деле. Правда, со случаем насильственной смерти я встретился впервые. Это печально, но мои планы из-за этого не изменятся. Придется задержаться лишнюю пару дней в Лондоне — тоже печально, но и за это я не несу ответственности. Форс-мажорные обстоятельства предусматривались нашим контрактом: мы отвечаем лишь за то, что произошло по вине фирмы. В данном случае вины фирмы нет, поэтому вы в любую минуту можете покинуть группу, но денег вам не вернут.

— Это возмутительно! — крикнул Фенуик и обернулся к остальным. — Всем нам следует держаться сообща! Мы уведомим нашего посла!

Никто, однако, не поддержал его, и он, раздраженно фыркая, уселся на прежнее место. В сопровождении Эбена вернулся Дафф.

— Я попросил дежурившего этой ночью портье, — начал Дафф, — чтобы он помог мне в опознании человека, который примерно в два часа ночи потерял ориентировку, очутившись на чужом этаже. На том самом, где было совершено убийство.

Эбен по очереди оглядывал сидевших перед ним людей. Лофтон... Хонивуд... Росс... Вивиан... На лице Фенуика его взгляд не задержался и секунды, сразу скользнув дальше.

— Это он, — решительно заявил Эбен, указав на Роналда Кина.

— Что тут происходит? — резко распрямился Кин.

— Происходит то, что я узнал вас, сэр! Я встретил вас во время ночного обхода. Вы мне сказали, что ошиблись этажом.

— Это действительно было так? — спросил Дафф.

— Действительно... — Кин был явно смущен. — Я, видите ли, долго не мог уснуть, и в конце концов решил одолжить какую-нибудь книжку...

— Старый трюк, — хмыкнул Дафф.

— Может, и старый, — кое-как обрел энергию Кин, — но с людьми, умеющими читать, такое все же время от времени случается. Я знал, что секретарь иногда читает Тэйту до поздней ночи, у них масса книжек, ну, а номер у них на третьем этаже, хоть я и не знал в точности, какой именно. Решил, что поднимусь туда, послушаю у двери, и если услышу, что кто-то

читает, то постучу и попрошу какую-либо книгу. Но все было тихо — вероятно, они уже легли спать. Когда я хотел вернуться, то как раз встретился с этим портье.

— Вы сказали ему, что ошиблись этажом, — напомнил Дафф.

— Ну, не обсуждать же мне с портье мои литературные наклонности. Это совершенно его не касалось. Я сказал первое, что мне пришло в голову.

— Это плохая привычка, — заметил Дафф, внимательно приглядываясь к лицу Кина. Лицо негодяя. Оно не внушало инспектору ни малейшего доверия. Но объяснения этого негодяя звучали довольно правдоподобно. Про себя он решил не спускать с него глаз. Лживый, скользкий тип... — Вы можете идти, Эбен, — обратился он к портье, — весьма вам признателен. Всех остальных попрошу остаться в салоне до моего распоряжения, — и, не обращая внимания на хор возмущенных голосов, он быстро прошел к Тэйту, после чего плотно закрыл за собой двери.

Патрик Тэйт сидел на диване в застывшей позе со стаканчиком виски в руке. Кеннавей деловито суетился рядом.

— О, мистер Тэйт, я рад, что вам стало лучше! — инспектор присел напротив.

— Это пустяки, — обычно громкий голос Тэйта сменился почти шепотом. — Обычные пустяки. Такие приступы случаются со мной не так уж редко, потому я и взял с собой мистера Кеннавея. Очевидно, для одного утра у меня было слишком много потрясений, все дело в этом. Убийство! Чего-чего, а этого я не ожидал.

— Никто этого не ожидал, мистер Тэйт, — согласился Дафф. — Если вам стало чуть полегче, то, возможно, вы...

— Минуточку, — поднял руку Тэйт. — Простите мне мое любопытство, но я до сих пор не знаю, кто именно был убит, инспектор!

Детектив с сомнением взглянул на своего собеседника.

— Вы уверены, сэр, что сможете выдержать...

— Уверен, — твердо сказал Тэйт. — У меня в этой группе нет ни друзей, ни родственников. Так кто?

— Мистер Хью Моррис Дрейк из Детройта.

Тэйт опустил голову и с минуту молчал.

— Дружьями мы не были, но все же я знал его много лет, хотя и не слишком близко, — сказал он наконец. — Это был человек с безупречным прошлым, инспектор, с поразительно гуманными взглядами. Кому он мог помешать? Перед вами трудная задача...

— Очень трудная, — подтвердил Дафф. — Об этом я, собственно, и

хотел с вами поговорить. Вы ведь, насколько я знаю, занимаете номер тридцатый, расположенный неподалеку от номера мистера Дрейка. Когда вы легли вчера спать?

Тэйт вопросительно взглянул на секретаря:

— Около двенадцати, не так ли, Марк?

— Возможно, несколькими минутами позднее, — кивнул Кеннавей. — Я каждый вечер прихожу к мистеру Тэйту и читаю ему перед сном. Вчера я начал чтение примерно в десять, а около полуночи мистер Тэйт уже спал. Я вышел потихоньку, чтобы не разбудить его, и вернулся к себе в номер на втором этаже.

— И что же вы читали? — поинтересовался Дафф.

— Детективы, — усмехнулся Кеннавей.

— Человеку со слабым сердцем? Я полагал, что любое нервное возбуждение...

— Но ничего возбуждающего в детективах нет, — вмешался Тэйт, — я ведь адвокат, специалист по криминальным делам, поэтому убийство... — Он внезапно умолк.

— Продолжайте, — предложил ему инспектор. — Вы, наверное, хотели сказать, что убийство для вас — это самая обычная вещь?

— Если это и так, то что из этого?

— Только то, — заключил Дафф, — что для меня в этом случае неясно, чем вас так взволновало именно это убийство. Ваша реакция даже привела к сердечному приступу.

— Что ж, одно дело читать о преступлении в книжке или на страницах судебного дела, и совсем другое — знать, что оно произошло буквально в двух шагах от тебя.

— Верно. Совершенно с вами согласен... — Дафф задумчиво барабанил пальцами по подлокотнику кресла. Внезапно он вышел из задумчивости и обрушил на адвоката лавину вопросов. — Этой ночью вы ничего не слышали?

— Ничего.

— Ни окрика, ни мольбы о помощи?

— Я уже сказал: ничего.

— Мистер Тэйт, давайте сыграем с открытыми картами! Когда я встретил вас в коридоре, вы выглядели абсолютно здоровым. Вы уже слышали об убийстве, только не знали, кто именно был убит. В салон вы вошли уверенным шагом. Затем оглядели собравшихся там людей, и в следующую минуту уже лежали на полу с сердечным приступом.

— Приступы случаются внезапно...

— Возможно. Но возможно и другое: вы увидели в салоне кого-то.

— Нет! Нет!

— Кого-то, чье лицо возможно...

— Говорю вам, что нет! — глаза старого адвоката блестели, рука судорожно сжавшая стакан, дрожала. К ним приблизился Кеннавей.

— Прошу прощения, инспектор, — решительно сказал он, — но мне кажется, что вы заходите слишком далеко! Мистер Тэйт явно нездоров...

— Вижу, — вздохнул Дафф, — и приношу свои извинения. Вы правы. Надеюсь, вы понимаете, что мной руководит только чувство долга, — с этими словами он встал. — И все же, мистер Тэйт, я уверен, что причиной вашего приступа было нечто, увиденное вами в салоне. И я буду настаивать на установлении истины.

— Что ж, строить разные домыслы — это, очевидно, ваша привилегия, — слабо отозвался Тэйт. Выходя, Дафф еще раз взглянул на величественную фигуру знаменитого адвоката, прекрасно гармонировавшую с викторианской обстановкой, и подумал, что его слабость вряд ли явилась следствием приступа.

В коридоре его уже ждал Хэйли.

— Проверили все номера членов группы Лофтона, занятые мужчинами. Никаких следов оборванной платиновой цепочки. Серого пиджака с оторванным карманом тоже нет.

— Если бы они нашлись, то я был бы очень удивлен, — заметил инспектор. — Каждый из этих американских джентльменов решил сегодня утром прогуляться, а вместе с ними, по всей вероятности, прогулялись и обе наши улики.

— Я должен возвращаться на Вайн-стрит, — сказал Хэйли, — зайдешь потом ко мне?

Дафф кивнул головой.

— Ладно. Слушай, что играл этот уличный оркестрик?

— Охотничий марш — кажется, «Дикого зверя поймать нелегко». А что?

— А ведь и впрямь нелегко, как ты считаешь?

— Смотря какой зверь! Уверен, что ты своего поймаешь, старина. До встречи!

Возвращаясь в салон, Дафф увидел стоящую у одной из дверей Памелу Поттер, которая поманила инспектора пальцем.

— Хотите поговорить с мамой? Думаю, что теперь это уже возможно...

— Прекрасно! Через пять секунд я буду у вас, — он прошел в салон,

еще раз предупредил всех о необходимости оставаться в отеле и разрешил раздраженным ожиданием американцам разойтись по своим номерам. — Мне необходимо так же переговорить с отсутствовавшими членами вашей группы, — заявил он Лофтону.

— Безусловно! Я дам вам знать, как только они появятся, — заверил его Лофтон и отправился вниз, сопровождаемый бурно жестикулировавшим Фенуиком, который продолжал настаивать на немедленном возвращении ему всей стоимости тура.

Остановившись у дверей, указанных Памелой, он услышал за ними о чем-то спорившие женские голоса. Едва инспектор постучал, как спор прекратился. Дверь отворила Памела. Все шторы в гостиной были опущены. Когда глаза инспектора привыкли к полумраку, он разглядел на диване полулежащую фигуру женщины.

— Это инспектор Дафф, мама, — представила его Памела. Ее мать отреагировала на это представление слабым стоном. Инспектору стало не по себе.

— Мне весьма неудобно беспокоить вас, но поверьте, что обстоятельства преступления слишком запутанны, чтобы я мог...

— Я понимаю вас, инспектор, — остановила его женщина. — Прошу садиться. Надеюсь, что спущенные шторы вам не слишком мешают. Мне бы не хотелось их поднимать, потому что после этого страшного шока я, вероятно, выгляжу как призрак...

— Я уже беседовал с вашей дочерью, — начал Дафф, пододвигая кресло поближе к дивану, — поэтому я не буду досаждать вам излишними вопросами. Хочу только предупредить, что если вам известно хоть что-то способное помочь следствию, то вы обязаны сообщить мне об этом. Ваша память несомненно содержит гораздо больше фактов о жизни покойного, чем память дочери. Не имел ли, например, ваш отец каких-либо врагов?

— Враги?! О, господи, — простонала миссис Поттер. — Памела, передай мне мои соли... — Девушка быстро протянула матери зеленоватый флакончик. Сделав глубокий вдох, миссис Поттер с видимым усилием заговорила снова. — Это был святой человек, настоящий святой, поверьте, инспектор... Как ты его назвала?

— Инспектор Дафф, мама.

— Если когда-либо по земле ходил настоящий святой, то этим святым был мой отец. У него не могло быть никаких врагов. Даже предположение об этом кажется мне верхом бессмыслицы...

— Но какой-то смысл в произошедшем все же был! И нашей целью является доискаться до этого смысла. Возможно, в прошлом вашего отца

вам вспомнится хоть какая-то зацепка, ведущая к этой страшной ночи? Вот это, например, — он достал из кармана замшевый мешочек с галькой, — не наводит вас на какие-то воспоминания? Будьте добры, — обратился он к девушке, — приоткройте немного шторы!

— Конечно, — она быстро исполнила его просьбу.

— О, зачем, — слабо запротестовала миссис Поттер, — я бы все прекрасно разглядела и так...

Дафф протянул ей мешочек.

— Присмотритесь к нему внимательнее. Мы нашли это рядом с телом вашего отца.

— Что это?

— Мешочек. Замшевый мешочек, — он высыпал часть содержимого на ладонь, — наполненный вот такими обыкновенными камушками. Вам это о чем-то говорит?

— Нет. А вам?

— Тоже нет. Вспомните: не имел ли ваш отец дела с какими-то шахтами?

— Ни разу об этом не слышала.

— А с автомобилями у этих камушков может быть связь?

— Но какая?! Памела, поправь мне подушку...

— Конечно, мама.

Дафф вздохнул и спрятал мешочек в карман.

— В плавании сюда вам доводилось вступать в контакт с другими членами вашей группы?

— Я ни разу не покидала каюты, — уверенно ответила миссис Поттер.

— А вот Памела постоянно куда-то пропадала. И как раз тогда, когда мне больше всего была нужна ее помощь...

На ладони, которую Дафф показал девушке, лежал теперь обрывок платиновой цепочки.

— Не было ли у кого-то, с кем вы встречались на судне, такой цепочки от карманных часов?

— Нет, не могу сказать... Разговаривая с мужчинами, я редко обращаю внимание на такие вещи.

— И этот ключик вам тоже не запомнился?

— В первый раз его вижу.

— А вы, — обернулся инспектор к лежащей женщине, — тоже не видели такого ключа?

— На свете столько разных ключей, — бессильно откинулась на подушку мать Памелы, — боюсь, что эта дорога никуда нас не приведет...

Дафф поднялся с кресла:

— Не буду вас больше беспокоить.

— Еще раз повторяю, что не вижу в случившемся никакого смысла, — почти с упреком заявила миссис Поттер. — Не могу найти даже намека на причину. Я, конечно, не теряю надежды, что вам удастся ее отыскать, но, по правде говоря, мало в это верю.

— Я все-таки не намерен терять ни надежды, ни веры, — поклонился Дафф и покинул полутемную комнату с чувством напрасно потраченного времени. В коридоре его догнала Памела Поттер.

— Не судите маму слишком строго. Я устроила вам беседу с ней только для того, чтобы вы поняли, почему мне приходится говорить от имени всей семьи. Мама никогда не отличалась особой силой характера...

— Понимаю. Постараюсь больше ее не беспокоить. Будем действовать вдвоем — вы и я.

— Будем, — серьезно подтвердила девушка. — Ради деда.

Дафф прошел в двадцать восьмой номер.

— Все готово, инспектор, — поднялся ожидавший его с упакованным уже чемоданчиком дактилоскопист. — В общем-то никакой работы мне не нашлось. Даже странно. — Он протянул инспектору слуховой аппарат. Дафф взял его и осмотрел.

— Что тут странного?

— Ни единого отпечатка. Даже хозяйского. Все вытерто начисто.

— Начисто? Действительно странно... А что если... Если его убили где-то в другом месте, а потом, вместе с аппаратом, перенесли сюда?

— Не понял, инспектор! Зачем?

— Я просто размышляю вслух, — усмехнулся Дафф, — а зачем перенесли... Не знаю... Ну, возвращаемся на работу!

Он не догадывался, что только что держал в руках ключ к загадке убийства Хью Морриса Дрейка. Причиной этого убийства была — в определенном смысле слова — его глухота.

5. Обед в ресторане «Монико»

Пока шофер отвозил дактилоскописта и фотографа в Скотленд Ярд, Дафф приступил к неторопливому обходу отеля, однако, почти сразу же наткнулся на доктора Лофтона, который все еще выглядел мрачным и выбитым из душевного равновесия.

— Остальные пятеро членов группы, наконец, собрались, — сообщил он. — Я сказал им собраться в салоне. Если вы не хотите искушать их терпение, то можете пройти к ним прямо сейчас.

— Именно так я и сделаю, — сказал Дафф и вместе с доктором направился к уже знакомому ему салону.

— Все вы уже знаете, что произошло, — начал Лофтон. — Это инспектор Дафф из Скотленд Ярда. Он хотел бы задать вам некоторые вопросы. Позвольте представить вам, инспектор, мистера и миссис Бенбоу, мистера и миссис Макс Минчин, миссис Лэтимер Люс.

Инспектор с интересом присматривался к маленькой, но явно разнородной группке людей.

— Что за нация эти американцы, — подумал он, — столько рас, столько разных классов, разных привычек, а путешествуют вместе, и вроде бы в полной гармонии... Америка чем-то напоминает тигель, в котором сплавляется все человечество.

Не успел инспектор как следует додумать эту мысль до конца, как к нему подошел Элмер Бенбоу, и, схватив его за руку, начал энергично ее трясти.

— Счастлив познакомиться с вами, инспектор, — выкрикнул он. Будет, о чем порассказать дома в Акроне! Убийство, Скотленд Ярд и мы в качестве подозреваемых! Можно подумать, что мы читаем английский криминальный роман. Я их читаю просто запоем. Жена мне вечно твердит, что на такую литературу она не стала бы тратить и минуты, но, знаете, когда возвращаешься с фабрики как выжатый лимон...

— Минуточку, мистер Бенбоу, — перебил его Дафф. Бенбоу умолк, удивленный сдержанным тоном инспектора. Он был похож на симпатичную пухлую свинку, которую английские карикатуристы часто используют для создания образа типичного американца. Кинокамера в руке Бенбоу ничуть из этого образа не выпадала. — Как называется место, куда вы намерены вернуться после путешествия? — спросил Дафф.

— Акрон. Вы не слышали об Акроне, штат Огайо?!

— Теперь слышал, — флегматично отозвался Дафф, вписывая название города в блокнот. — В путешествие вы отправились ради удовольствия?

— А зачем же еще? Мечтал об этом столько лет! Ну, а в этом году у нас небольшой застой в производстве, вот мне партнер и говорит: «Элмер, полезай-ка в заветный чулок, вытряхивай его как следует и дуй в свое кругосветное приключение, о котором ты мне все уши прожужжал. Если только в твоём чулке что-то осталось после последнего краха на Уоллстрит. Я тут без тебя управлюсь, не волнуйся». Ну, где-где, а в моем чулке крахов не бывает. Спекуляциями я не занимаюсь, так что Уолл-стрит меня не касается. Я предпочитаю надежные инвестиции — это, можно сказать, мой девиз. Поэтому и наша фирма прочно стоит на ногах. Уверен, что дела поправятся еще до того, как я вернусь из путешествия! Вы только посмотрите на шкалу учетного процента, и...

— Я пригласил вас в этот салон, — Дафф выразительно посмотрел на свои часы, — только для того, чтобы узнать, можете ли вы сообщить нам что-то о печальном событии в двадцать восьмом номере.

— Это правда, что печальное, — согласился Бенбоу. — Это вы правильно сказали. Такой был достойный человек! Один из достойнейших в стране, миллионер! Да еще какой! И вот такого человека убивают почему зря! Да это просто пощечина Америке...

— Что вы можете сказать мне о происшествии?

— Что я его не убивал, если вы это имеете в виду. Мы в Акроне производим слишком много автомобильных шин, чтобы убивать наших лучших клиентов — тех, кто делает машины. Для нас с Нетти это дело вообще сплошная загадка. Вы еще не знакомы с Нетти?

Детектив поклонился миссис Бенбоу, красивой, хорошо одетой женщине, у которой, по всей вероятности, было намного больше свободного времени, чем у мужа, — а стало быть, и куда больше возможностей пользоваться материальными благами.

— Очень приятно, — пробормотал Дафф. — Как я понимаю, утром вы были на прогулке?

Мистер Бенбоу высоко поднял кинокамеру.

— Хотел немного поснимать на прощание, но в таком тумане я наверное испортил пленку, и ничего более. Съемки — это мой конек. Когда вернусь в Акрон, то привезу столько пленки, что можно будет целый месяц не звать гостей на бридж: буду проявлять, проявлять и проявлять. Ничего, отдохнуть от гостей это тоже неплохо!

— Значит, сегодняшнее утро вы провели за киносъемкой?

— А разве я этого уже не сказал? Может, что-то и выйдет, особенно после того, как проглянуло солнце. Если бы Нетти не напомнила, что мы опоздаем на поезд, так я бы и сейчас еще снимал. Хотя вряд ли — пленка уже кончалась...

Дафф просмотрел сделанные записи.

— Ваш Акрон, — спросил он неожиданно, — расположен далеко от города Кантон, штат Огайо?

— И пары миль не наберется! — с энтузиазмом ответил Бенбоу. — Вы знаете, что президент Мак-Кинли родом из Кантона? Недаром мы называем наш штат «колыбелью президентов»!

— Гм, — неопределенно хмыкнул Дафф и повернулся к миссис Лэтимер Люс, быстроглазой женщине с рафинированными манерами, из тех, чей точный возраст установить уже невозможно. — Вы можете сказать что-то проливающее свет на утреннее убийство?

— К сожалению, ничего, — у нее был низкий приятный голос. — Хотя большую часть жизни я провела путешествуя, но такого рода неожиданность случается при мне впервые.

— Место вашего постоянного жительства?

— Пасадена, штат Калифорния. Только вряд ли это житье можно назвать постоянным. Там стоит мой дом, но я редко в него заглядываю. Постоянно в моей жизни только одно — разъезды. Женщине моего возраста хочется новых лиц, новых впечатлений... Но, конечно, не таких! Я просто шокирована этой историей — мистер Дрейк был на редкость чарующей личностью!

— Сегодня утром вы покидали отель?

— Да, ходила позавтракать к моей давней приятельнице на Керзон-стрит. Англичанка, с которой я познакомилась в Шанхае лет двадцать тому назад.

Взгляд инспектора скользнул дальше, и в нем сразу же вспыхнуло оживление. Мистер Макс Минчин был смуглым коренастым мужчиной с короткой стрижкой и выдающейся вперед нижней челюстью. В отличие от мистера Бенбоу он не проявил никакого энтузиазма по случаю знакомства с инспектором Скотленд Ярда. Каждая его черта выражала нескрываемую враждебность.

— Где вы живете, мистер Минчин? — спросил Дафф.

— А какое это имеет отношение к делу? — отпарировал Минчин и небрежно поправил волосатой короткопалой рукой бриллиантовую булавку в галстуке.

— Ну, скажи им, Макси, — вмешалась его жена, чьи пышные формы с

трудом вмещались в узкие для них рамки бархатного викторианского кресла. — Стыдиться нам нечего. Мы из Чикаго! — вызывающе взглянула она на инспектора.

— Из Чикаго, точно, — жестко подтвердил муж. — И что из этого?

— Вы можете сообщить мне какую-либо информацию...

— Я что, похож на фараона? — бросил Минчин. — Надеюсь, что нет, а, значит, никакой информации я никому давать не буду. За меня обычно говорят мои адвокаты. Здесь их нет, поэтому я молчу. Ясно?

Дафф перевел взгляд на доктора Лофтона. Поистине странные люди подобрались в этой поездке. Лофтон не скрывал своего смущения. Миссис Минчин тоже стало не по себе от резкости мужа.

— Макси, не бесись! Чего ты злишься? Тебя ведь никто ни в чем не обвиняет.

— Занимайся своими делами, — буркнул муж, — я займусь своими.

— Какими же делами вы занимались сегодня утром? — задал Дафф очередной вопрос.

— Покупками, — был лаконичный ответ.

— Вы только взгляните на это чудо, — поспешила с разъяснениями жена Макси, показывая инспектору сумку с торчащим хвостом громадной копченой рыбы. — Как только я ее увидела, так сразу и говорю Макс, что если он хочет, чтобы я поминала Лондон добрым словом, то он непременно мне ее купит. Он взял и купил — скупым моего Макса никто не назовет. Спросите любого в Чикаго, и он вам скажет...

Дафф вздохнул и решительно поднялся с кресла.

— Не буду вас долее задерживать. Только учтите, что отель пока не разрешено покидать никому из вас.

Пятеро туристов быстро исчезли за дверями салона. Лофтон умоляюще посмотрел на инспектора.

— Что же теперь будет? — спросил он. — У меня чрезвычайно жесткое расписание. Опоздание в любой из пунктов вызовет множество осложнений. И прежде всего с пересадками по всей трассе: Неаполь, Порт-Саид, Калькутта, Сингапур... Если у вас есть основания задержать кого-либо из моей группы, то, Бога ради, сделайте это и позвольте ехать остальным!

Обычно добродушное лицо инспектора слегка нахмурилось.

— Я буду с вами совершенно откровенен, — сказал он. — Ни разу мне еще не доводилось сталкиваться с такой ситуацией. Поэтому я еще не составил плана действий. Хочу вначале посоветоваться с моими старшими коллегами в Скотленд Ярде. Завтра будет формальное рассмотрение дела

коронером, а после этого поездку, вероятно, придется отложить еще недели на две...

— На две недели? — ахнул пораженный Лофтон.

— Весьма сожалею... Постараюсь закончить расследование как можно скорее. Но пока эта загадка не будет разгадана, мне нужно, чтобы вы оставались в Лондоне.

— Но это же немыслимо! — наконец, пришел в себя Лофтон. — Я буду протестовать!

— Это ваше право, — ответил Дафф, и на том они расстались.

В холле его ждал Марк Кеннавей.

— Я мог бы занять у вас несколько минут, инспектор? — спросил он.

Они уселись на узкую резную скамью.

— У вас какая-то дополнительная информация? — в голосе Даффа чувствовалась усталость.

— Не знаю, будет это полезным или нет, но я вспомнил, что когда сегодня около полуночи я выходил от мистера Тэйта, чтобы спуститься к себе на второй этаж, я видел мужчину, укрывшегося в тени за лифтом.

— Мужчину?

— Только не ждите никаких сенсаций, инспектор. Это был капитан Кин.

— Что же, он шел одолжить книжку.

— Может быть. Что ночной лифтер любит читать, это я видел сам, но думаю, что для капитана Кина библиотека лифтера слишком скромна. Да и к чему бы ему скрываться, а не стоять у столика лифтера?

Дафф задумчиво посмотрел на молодого человека. Кеннавей ему чем-то нравился. Все больше и больше.

— Скажите мне, — спросил он, — как давно вы знакомы с мистером Тэйтом?

— Да можно сказать, что примерно с начала этого путешествия. Курс права я закончил в июле прошлого года, но почему-то мгновенного спроса на мои услуги не наблюдалось. Приятель сообщил, что есть возможность подзаработать. Я за нее ухватился сразу, тем более, что мне всегда хотелось посмотреть мир. И тем более, что мне предстояло стать компаньоном знаменитому Тэйту, от которого я надеялся многому поучиться в вопросах судебной практики.

— Ну, и научились?

— Нет. Он оказался неразговорчивым, да к тому же постоянно требующим присмотра. Если такие приступы, как сегодня, станут повторяться часто, то, боюсь, что начну сожалеть о дне, когда дал согласие

на его предложение.

— Это первый приступ за время вашего общения с мистером Тэйтом?

— Первый. До сегодняшнего дня мне казалось, что со здоровьем у него все в порядке.

Дафф откинулся на спинку скамьи и начал набивать трубку.

— А не могли бы вы поделиться со мной впечатлением, которое производят на вас остальные члены группы?

— Временами мне кажется, что целью Лофтона было собрать в одном месте как можно больше разнородных характеров.

— Ну, а каков, например, характер Кина?

— Нудный. Привередливый. Любит совать нос не в свои дела. Откуда он взял деньги на тур? Это удовольствие не для его возможностей.

— Мистер Дрейк вел себя на трансатлантике общительно?

— В общем, да. Правда, его общительность была для собеседников несколько обременительной — из-за глухоты. Ну, в остальном это был совершенно безвредный дед. Мне его глухота не причиняла хлопот, поскольку я привык орать во все горло на университетских бейсбольных матчах.

— А что вы думаете о Лофтоне?

— Такие люди предпочитают держать вас на некотором расстоянии. Вполне профессионален, хорошо образован. Жаль, что вы не слышали, как он рассказывает о Тауэре! Обычно ходит с крайне озабоченным видом. Что, впрочем, не удивительно: забот у него всегда и впрямь хватает.

— Как насчет Хонивуда?

— Впервые заметил его вчера утром. На судне он, по-моему, за все плавание вообще ни разу не вышел из каюты.

— Мне он говорил, что в плавании близко познакомился с Дрейком.

— Может, шутил? Я сам представлял их друг другу. Это было, когда лайнер уже подходил к причалам Саутгемптона. Уверен, что до той минуты они даже словом не обменялись.

— Любопытно... — погрузился в раздумье Дафф. — А сегодня утром вы присматривались к Хонивуду?

— Выглядел как человек, который внезапно увидел привидение, верно? На него просто нельзя было не обратить внимания. Я подумал, что он, вероятно, заболел. Доктор Лофтон как раз обмолвился, что в наше время люди со всяческими хворями любят путешествовать больше всего. Путешествия якобы идут им на пользу. Что ж, — пусть себе путешествуют.

— Мисс Поттер — это сплошное очарование, — заметил Дафф.

— Согласен. Тем более печально, что, принимая во внимание

случившееся, из Лондона ей придется вернуться назад.

— Ну, а какое мнение у вас создалось о Минчине?

— О, этот несомненно был душой всей нашей компании, — оживился Кеннавей. — Деньги текут у него рекой буквально из всех карманов. Трижды предлагал поставить всем шампанское, но воспользовались его предложением лишь Кин, семья Бенбоу, я и старая миссис Люс. Компанейский парень. Говорит, что ни разу в жизни не упустил случая хорошо повеселиться. Так что на первой шампанской вечеринке к Минчину заявилось только пятеро. На следующей был один Кин, да еще какие-то жуткие типы, которых Макс, кажется, вытащил из кочегарки.

— Первая вечеринка прошла весело?

— О, это не то слово! Конечно, если присматриваться к Максусу пристальнее — никакое шампанское не может скрыть определенных его — скажем так — недостатков.

Дафф рассмеялся.

— Спасибо, что припомнили встречу с Кином у лифта, — серьезно сказал он, поднимаясь.

— Не думаю, чтобы это имело какое-то значение, — пожал плечами Кеннавей. — Роль доносчика мне, поверьте, вовсе не улыбается, но бедняга Дрейк был со всеми так добр, что... Догадываюсь, что мы с вами еще увидимся?

— И даже очень скоро, — заверил его Дафф.

Обменявшись парой слов с управляющим, инспектор вышел на улицу, где его уже ждала полицейская машина. Но едва он взялся за ручку дверцы, как услышал позади веселый голос:

— Только одну минуточку, инспектор! Прошу вас обернуться!

Дафф обернулся и увидел на ступенях отеля мистера Элмера Бенбоу, энергично крутившего ручку своей камеры.

— Блестяще, — крикнул жизнерадостный толстяк, широко улыбаясь. Теперь я был бы признателен, если бы вы сняли свой котелок, а то тень чуточку мешает...

Проклиная себя в душе за слабость, Дафф выполнил просьбу американца.

— Грандиозно! Так, теперь улыбнитесь... Это для друзей в Акроне. Подвигайтесь немножко. Можете снова взяться за дверцу. Ага... Они там в Акроне все посходят с ума: прославленный инспектор Скотленд Ярда покидает отель Брума, где он начал следствие по делу о загадочном убийстве американского миллионера, путешествовавшего вокруг света! Теперь садитесь в автомобиль... Великолпно. Можете отъезжать.

Спасибо!

— Вот осел, — буркнул своему шоферу Дафф, чувствуя себя совершеннейшим дураком. — Поезжайте на Вайн-стрит.

Вскоре они остановились перед знакомым Даффу подъездом. Отослав машину, Дафф направился к Хэйли. Участковый инспектор поднял взгляд, оторвавшись от чтения кипы донесений.

— Кончил?

— Знаешь, мне вдруг начало казаться, что это дело никогда не кончится, — признался Дафф. — Сейчас уже почти полдень, может, сходим перекусить в «Монико»?

Хэйли не пришлось уговаривать. Не прошло и пяти минут, как они уже сидели в «Монико» у стойки бара. Дафф заказал два аперитива и погрузился в оцепенелое молчание.

— Ну, твое здоровье! — вывел его из раздумий Хэйли, когда бокалы появились на стойке.

— Здоровье? — очнулся Дафф. — Боюсь, что с таким делом о здоровье не может быть и речи.

— Откуда пессимизм, старина? Не вижу в этом деле ничего особенного. Обычное убийство.

— Само по себе убийство, конечно, обычное, — согласился инспектор. — И в нормальных условиях дознаться до истины не составило бы большого труда. Но если принять во внимание конкретные факты, — он достал из кармана свой блокнот, — то вот что у меня здесь записано: имена и данные пятнадцати людей. Убийца скорее всего находится среди этих пятнадцати имен. И оно бы еще ничего, но дело в том, что эти пятнадцать путешествуют. Причем не более и не менее, как вокруг света. Так что, если внезапно не грянет гром и не случится еще что-то из ряда вон выходящее, то на днях все они начнут дальше и дальше удаляться от места преступления по трассе Париж — Неаполь — Порт-Саид — Калькутта — Сингапур, черт бы побрал расписание доктора Лофтона!

— Ты можешь их задержать!

— Ты так полагаешь? К сожалению, я могу задержать только убийцу, и только тогда, когда соберу достаточно доказательств его вины. А это значит, что я должен собрать их молниеносно, иначе сразу начнутся международные осложнения: вмешательство американского консула, возможно, даже посла, а там и до вызова в министерство внутренних дел недалеко, где меня сразу спросят, на каком основании я задерживаю столько людей? Где конкретные доводы, что хоть один из них совершил преступление? Поднялся бы беспрецедентный шум, потому что

прецедентов подобному делу я не припоминаю. Господи, и почему это дело должно было достаться именно мне, несчастному? А все ты! Спасибо, что подсунул!

Хэйли засмеялся:

— Вроде бы еще вчера вечером ты тосковал по новому делу, а?

— Спокойный человек — это счастливый человек, — пробормотал Дафф, и принялся за поставленные перед ним ростбиф и бутылку портера.

— Неужели это утро не принесло тебе совершенно ничего? — поинтересовался Хэйли.

— Ничего конкретного. Ничего такого, что явственно соединяло бы подозреваемого с покойным. Только всяческие мелкие дразги. На таком основании даже муху задержать нельзя. Во всяком случае ни американского посла, ни моего шефа эти дразги не убедят.

— Однако, ты исписал порядочно бумаги, — заметил Хэйли. — Может, приглядимся к этой группе вдвоем? Кто знает, какие озарения на нас снизойдут!

Дафф раскрыл блокнот.

— Когда я беседовал с первой группой, ты был рядом. Памела Поттер, симпатичная молодая американка, твердо решившая узнать истину. Наш общий приятель доктор Лофтон, который предыдущим вечером поссорился с Дрейком и ремень которого послужил орудием убийства. Миссис Спайсер, весьма сообразительная и интеллигентная особа, которая умеет обходить в своих ответах любые ловушки. Мистер Хонивуд...

— Вот-вот, Хонивуд! — перебил его Хэйли. — Я лично при виде его панически дрожавших рук...

— Дрожащие руки — это плохой аргумент для суда присяжных, — не дал приятелю развить его мысль Дафф. — Дрожащие руки показались подозрительными и мне, но из этого ничего не следует. Закон разрешает любому из нас дрожать сколько ему вздумается.

— С остальными ты тоже говорил?

— Говорил. В том числе и с обитателем тридцатого номера. Патрик Тэйт, так его зовут.

Дафф рассказал о приступе, неожиданно подкосившем Тэйта в дверях салона — первом и единственном за все плавание. Хэйли выслушал его со вниманием.

— Что ты об этом думаешь? — спросил он.

— Думаю, что-то его поразило. Или кто-то. Кто-то, кого он увидел в салоне. Но что с того? Это известный адвокат, специалист по криминальным делам, и узнать у него нечто такое, о чем он не хочет

говорить, — значит совершить чудо. К тому же он может действительно ничего не знать. Как он говорит, такие приступы случаются с ним довольно часто.

— И все же он заслуживает твоего внимания. Как и Хонивуд.

— Заслуживает. Есть и еще один... — Он рассказал о капитане Кине. — Думаю, что ночью его выгнала из собственного номера не одна страсть к чтению. С этого ловкача тоже стоило бы не спускать глаз... Ловкач и лжец, который открыто в этом признается...

— А остальные?

— Пока безнадежны. Симпатичный молодой человек, сопровождающий Тэйта. Некий мистер Вивиан, которого связывают с миссис Спайсер давние приятельские отношения. Хромой торговец лесом с западного побережья по имени Росс. Брат и сестра Фенуики. Он — ноль с претензиями. Был смертельно оскорблен моими расспросами и намерен немедленно отказаться от продолжения поездки.

— Серьезно?

— Да. Но нашего внимания он не заслуживает. Фенуик и кролика бы не сумел убить. Поэтому остаются только четверо, которых не стоит выпускать из поля зрения: Хонивуд, Тэйт, Лофтон и Кин.

— Больше ты ни с кем не разговаривал?

— Разговаривал — без каких-либо намеков на успех. Семейство Бенбоу из Акрона. У него есть фабрика шин и бзик на почве увлечения киносъемкой. Постоянно таскает с собой этот дьявольский ящик с ручкой. Ждет не дождется, чтобы вернуться домой и поразить всех проявленными результатами. С ним связана только одна примечательная деталь: Акрон находится в двух милях от Кантона, штат Огайо.

— Адрес, выбитый на ключике?!

— Он самый. Но я совершенно уверен, что к убийству он никакого отношения не имеет. Не тот тип человека. Есть еще миссис Люс, дама в годах, объездившая весь свет. Такие престарелые путешественницы, насколько я понимаю, имеются в любой туристической группе. Ну, и малоприятная чета Минчинов из Чикаго.

— Из Чикаго? — Хэйли опустил вилку. — Макс Минчин?

— Макс, а что?

— Ничего, кроме того, что пару дней назад это имя повстречалось мне в телеграмме ФБР для Скотленд Ярда. Твой Минчин — крупный чикагский гангстер, которому по причине растущих там междоусобиц пришлось на время прервать свою успешную карьеру в этой области.

— Забавно...

— Не правда ли? Нью-Йоркская полиция советует нам не упускать его из виду, поскольку здесь обосновалась пара его дружков, у которых с ним основательные разногласия по ряду вопросов.

Дафф задумался.

— В таком случае, — решил наконец он, — после обеда есть смысл встретиться с ним еще раз. Хотя тело Дрейка не было пробито пулеметными очередями, но кто знает — возможно, старосветская атмосфера облагораживающе действует даже на Макса Минчина? Да, с ним нужно поговорить.

6. Путешествие продолжается

После обеда Дафф вернулся с Хэйли на Вайн-стрит. Достав из шкафа со справочной литературой атлас мира, оба полицейских офицера склонились над картой Соединенных Штатов.

— Боже мой, что за страна, — вздохнул Дафф, — она слишком велика, чтобы полиция могла чувствовать там себя спокойно. Я лично не согласился бы там работать ни за какие земные блага. Ага, вот он, славный город Макса Минчина... Так, Чикаго здесь, а где Детройт?

— По американским масштабам можно сказать, что Детройт стоит в двух шагах от Чикаго, — палец Хэйли указал на берег озера Мичиган.

— Значит, Дрейк и Минчин жили, так сказать, по соседству, — решил снова поразмышлять вслух Дафф. — Можно предположить, что они знали друг друга. Но что могло объединить миллионера из Детройта с гангстером из Чикаго? Дрейк, судя по всему, был человеком, действительно заслуживающим уважения, чего о Максе никак не скажешь. Быть может, что-то из прошлого? Скажем, контрабанда из Канады через озеро Мичиган алкоголя во времена сухого закона? Ох, это уже настоящий бред... То есть, наш Макси несомненно хорошо заработал на этом законе, но подозревать в этом Дрейка — безумие. Тогда следует предположить заодно и то, что камешки в мешочек они собирали вместе, прогуливаясь по берегу озера в ожидании парохода с контрабандным спиртом! Правда, я слышал, что в Америке все возможно, но боюсь, что такое предположение будет домыслом чистой воды даже для Америки!

Придя к этому неутешительному выводу, Дафф поставил атлас на место и отправился в отель Брума. Мистер Минчин согласился принять детектива прямо у себя в номере, что дало инспектору возможность увидеть чикагскую знаменитость в расстегнутой рубашке, пижамных брюках и домашних тапочках. Столь неофициальный вид гангстер объяснил любовью к послеобеденному отдыху.

— Нет ничего лучше, чем хорошо вздремнуть на полный желудок, — подмигнул Макс Даффу, — отличное средство, инспектор, для восстановления сил!

— Тогда приношу извинения за то, что был вынужден нарушить ваш привычный распорядок дня, — улыбнулся Дафф, отмстив, что послеобеденный сон благотворно сказался на настроении Минчина.

— Считайте, что извинения приняты, — отозвался, с удовольствием

потягиваясь, Макс. — Доставайте ваши раскаленные щипцы, пилы и шипы, я готов к продолжению допроса!

— В Скотленд Ярде пытки не практикуются, — оскорбился Дафф.

— Да ну? — изумился Макс. — А вот у нас в полиции ребята иногда не прочь поработать кулаками. Значит, и Америка может кое-чему поучиться у своей доброй старой мамы Англии. Ну, раз без пыток, то тем лучше. Валяйте, инспектор!

— Прошлой ночью в этом отеле произошло убийство, — начал Дафф.

— Ну и новость! Вы что, думаете я с Луны свалился?

— Дело в том, сэр, что согласно имеющейся у Скотленд Ярда информации как раз убийства были доминантой вашего образа жизни в Чикаго.

— Чем-чем они были?

— Доминантой, мистер Минчин. Иными словами — основным способом улаживать разного рода деловые проблемы.

— А, это вы попали в самую точку, инспектор, — развеселился Макс. — Но те ребята свое заслужили, даю слово. И потом, дело было в Чикаго. А Лондон это не мой район. Верно?

— Верно. Но согласитесь, что поскольку мы знаем, что в группе туристов из США имеется специалист по убийствам, то мы не могли...

— Не заинтересоваться моей скромной особой? Что ж, интересуйтесь. Даром потратите время, только и всего. Поверьте, ребята, вы взяли не тот след!

— Вполне возможно, — согласился Дафф. — Вы знали мистера Дрейка раньше, до начала путешествия?

— Нет. Конечно, я не раз слышал о нем в Детройте, где мне приходилось бывать по делам. Но чести познакомиться с таким человеком ни разу не выпадало. Мы разговорились только на трансатлантике. Старик что надо. Повторяю, если вы думаете, что галстук ему затянул я, то вы здорово ошибаетесь.

— Мой Макси без надобности даже котенка не тронет, — горячо поддержала мужа миссис Минчин, — было, конечно, время, когда ему пришлось утихомирить несколько горячих голов, но ведь это было давно, с этим покончено, раз Макси решил уйти на покой.

— Иначе я не очутился бы в компании доктора Лофтона! И только я начал входить во вкус настоящего отдыха, как кто-то подsunул мне такую свинью. Убийство, а? Ей-богу, если бы дело было дома в Чикаго, то я отыскал бы этого парня без помощи всякого Скотленд Ярда и поговорил бы с ним по-своему. Я бы раз и навсегда отучил его портить людям

кругосветное путешествие!

— Верю, — кивнул инспектор. — Когда вы вчера легли спать?

— Когда? Вечером нас потащили в театр. Актеры там, наверное, ничего себе, но им досталось играть такую тягомотину, что мы с Сэди едва не заснули тут же в ложе. Ну, дел у нас никаких не было, так что мы досидели до конца. В отель вернулись часов около одиннадцати, а в начале двенадцатого уже спали без задних ног. Эта пьеса была почище любого снотворного!

— Я помню, что заснула с мыслью о маленьком Максике, — поспешила добавить свое ценное свидетельство миссис Минчин. — Это наш сын. Ради него я и уговорила Макса отойти от дел. Он поступил в военный колледж, и вы знаете, инспектор, ему так идет форма! А в оружии он разбирается лучше всех на курсе!

— Наверное, это у него наследственное! — захохотал Макс. Инспектор не удержался от невольной улыбки.

— Прошу прощения за то, что потревожил ваш отдых, — сказал он, поднимаясь с кресла. — Моей обязанностью было проверить все, даже самые маловероятные предположения.

— Само собой, — неожиданно поддержал его гангстер. — И хотя помогать полиции не в моих правилах, но, если что, то можете рассчитывать на помощь Макса Минчина. Этого деда прихлопнули без всякого смысла, вот что меня бесит. Он бы вот-вот отдал концы и так, без посторонней помощи. Мне никогда не нравились вещи, в которых нет смысла. — Он тоже встал и дружески хлопнул Даффа по плечу, — короче, начальник, считай, что в этом деле у тебя есть вполне надежный компаньон.

Распрощавшись, инспектор вышел в коридор и подумал, что если ряды его потенциальных союзников будут множиться среди членов группы с такой же быстротой и дальше, то вскоре там не останется места для подозреваемых.

Внизу он встретил доктора Лофтона в обществе весьма элегантного молодого человека с тростью и цветком в петлице.

— О, мистер Дафф, — обрадовался Лофтон, — мы ищем вас добрых полчаса. Это мистер Гиллоу, третий секретарь американского посольства. Он прибыл в связи с событиями минувшей ночи. Мистер Гиллоу, это инспектор Дафф из Скотленд Ярда.

Гиллоу с первого же взгляда можно было отнести к той наиболее блистательной части американской золотой молодежи, которая является непременной принадлежностью любого посольства США, где бы оно ни

находилось. До вечера они спят, затем переодеваются в вечерний костюм и самозабвенно танцуют на дипломатических раутах во славу национальных интересов до утра, чтобы на следующий день повторить ту же программу с самого начала.

— Я правильно понимаю, инспектор, что если до утра на свет божий не всплывет что-то новое, — лениво поинтересовался Гиллоу, — то доктор Лофтон сможет спокойно продолжать свое путешествие?

— Не думаю, — буркнул детектив.

— Не думаете? — удивился дипломат. — А что может этому воспрепятствовать? У вас есть какие-то конкретные причины задержать группу в Лондоне?

— Не совсем так...

— А, значит, вы намерены задержать какого-то одного члена группы? Кто он?

— Я намерен задержать их всех.

Гиллоу удивленно поднял брови.

— Но на каком основании?

Не услышав ответа, он высокомерно улыбнулся.

— Мой дорогой сэр, то, что я только что услышал, называется абсурдом. Поэтому будем считать, что я этого не слышал. Насколько мне известно, в Англии чтут законы. Поэтому у вас нет повода задерживать группу иностранных граждан только потому, что один из них был убит на английской территории.

— Но он был убит кем-то из этой группы!

— Да? А где доказательства? Почему преступление не могло быть совершено кем-то из прислуга...

— Которая носит часы на платиновой цепочке?

— Пусть не прислугой, пусть каким-то пробравшимся в отель маньяком? Эта версия столь же правдоподобна как ваша, но ведь не станете же вы задерживать всех лондонских маньяков подряд? Ситуация, таким образом, предельно проста: либо вы предоставляете соответствующие доводы, либо группа доктора Лофтона в полном составе отправляется далее в Париж и Ниццу.

— Это мы еще посмотрим! — ответил Дафф, хотя в душе понимал, что смотреть ему особенно не на что. Тем не менее, все оставшиеся дни он провел в лихорадочной беготне по ювелирам и портным огромного города, расспрашивая их о джентльмене, который мог бы отдать в ремонт серый пиджак, либо сменить платиновую цепочку на часах. Его усилия, — как он, впрочем, и предполагал, — оказались напрасными: таинственный

джентльмен, очевидно, решил обойтись без помощи лондонских мастеров портновского и ювелирного дела. На предварительном рассмотрении дела коронером никаких дополнительных улик против группы Лофтона не возникло, и вскоре она покинула Англию. Правда, не в полном составе: миссис Поттер решила сопровождать прах своего отца на родину — его внучке пришлось продолжать путешествие самостоятельно. Фенуики в последний момент отказались от дальнейших споров с Лофтоном по поводу возврата денег и присоединились к группе с видом незаслуженно оскорбленных аристократов.

Как раз в тот момент, когда поезд в Дувр отошел от лондонского вокзала Виктория, инспектор Дафф подписал последнее из служебных писем, которые предназначались для направления полиции нескольких американских городов. Все письма содержали один и тот же запрос относительно наличия в прошлом у подозреваемого каких-либо связей с покойным мистером Хью Моррисом Дрейком, автомобильным магнатом из Детройта. Понимая, что тщательная проверка обстоятельств потребует некоторого времени, инспектор не надеялся получить ответы своих заокеанских коллег ранее, чем к концу месяца, и поэтому был как громом поражен, когда шеф срочно вызвал его в кабинет уже через неделю, пояснив по телефону только то, что «поступила дополнительная информация по делу Дрейка».

К удивлению Даффа вместо конверта с американской маркой шеф молча вручил ему телеграмму из Ниццы. В телеграмме было всего несколько строк: *«Желательно незамедлительное прибытие вашего инспектора занимавшегося делом Дрейка связи внезапной смертью туриста той же группы мистера Уолтера Хонивуда. Наша версия предполагает самоубийство. Комиссар Дестэн».*

— Я могу отправляться сегодня же? — спросил Дафф.

— Можете, — голос шефа был сочувственным, — будет хорошо, если вы успеете туда до того, как группа выедет из Ниццы в Сан-Ремо. Как я понял, Лофтон точно следует своему расписанию.

— Оно все более начинает походить на расписание убийств, — заметил инспектор. — Французская версия не вызывает у меня особенного доверия.

— У меня тоже, — согласился шеф. — Но в любом случае я надеюсь, что после вашего пребывания на Лазурном берегу в группе доктора Лофтона больше не будет ни убийств, ни самоубийств. Желаю удачи, инспектор Дафф!

7. Закат в Сан-Ремо

— В отчете французской полиции сказано, что единственными людьми, которые были в саду неподалеку от места самоубийства и слышали выстрел, были вы и мистер Фенуик. Это действительно так?

— Естественно, раз это пишет французская полиция, — доктор Лофтон и не думал скрывать, что к французской полиции он питает примерно те же чувства, что к английской.

— Но здесь, — Дафф еще раз вчитался в строки официального рапорта, — здесь сказано, что вы продолжали разговаривать с Фенуиком и после выстрела!

— Да, продолжали. Это что, наказуемо? Во-первых, мало ли кто может заниматься стрельбой в прибрежном парке — вполне возможно, что это любимое увлечение французов. А, во-вторых, чтобы заставить замолчать Фенуика, понадобился бы выстрел не из револьвера, а как минимум из осадного орудия. Да и то сомневаюсь.

— Но он тоже слышал выстрел?

— Несомненно. Я видел, как он вздрогнул. Но мы поняли, что произошло, только позднее, когда подъехала полиция и нас пригласили в отель.

— Что ж, значит, у вас обоих есть взаимное алиби.

— Было взаимное алиби, — уточнил Лофтон. — До сегодняшнего утра.

— Как это «было»? — не понял инспектор. — Что вы подразумеваете под прошедшим временем?

— Подразумеваю вот эту записку. Прислуга обнаружила ее приколотой к подушке Фенуика и передала мне. Можете прочесть.

На клочке бумаги вкривь и вкось тянулись небрежно нацарапанные плохим вечным пером строчки: *«Уважаемый доктор Лофтон! Я уже предупреждал вас, что при возникновении любых дальнейших неудобств мы категорически откажемся от продолжения поездки. Мне надоели полицейские допросы, которые вы почему-то забыли включить в программу вашего тура. Мы наняли машину и в полночь уезжаем. У вас нет права долее нас задерживать. Мой адрес в Питтсфилде вам известен, и я ожидаю по возвращении застать там чек с суммой, которую вы нам должны за неиспользованную часть тура. В ваших собственных интересах отправить этот чек как можно скорее. Норман Фенуик».*

— «В полночь уезжаем», — повторил Дафф. — Хотел бы я знать, куда именно?

— Прислуга в отеле говорит, что Фенуик расспрашивал их о судах, направляющихся в Нью-Йорк из Генуи.

— Из Генуи? Выходит, он отправился туда по шоссе вдоль Ривьеры и сейчас, по всей вероятности, уже пересек итальянскую границу?

— Надеюсь, что так, — кивнул Лофтон.

— Похоже, мысль об этом доставляет вам удовольствие?

— Огромное, — подтвердил Лофтон. — Скажу вам честно, инспектор, что за все мои пятнадцать лет работы с туристами я еще не встречал такого гнусного типа! Я рад, что от него и след простыл.

— Да, но вместе с ним простыл след вашего алиби!

— А зачем мне алиби? — искренне удивился Лофтон. — Повторяю, у французской полиции нет никаких сомнений в том, что это было обычное самоубийство, какие на Ривьере случаются десятками. Я могу идти, инспектор? Как всегда перед отъездом, у меня масса хлопот.

После ухода Лофтона Дафф погрузился в раздумье. Итак, двое из числа подозреваемых вышли из поля его зрения, причем один — Хонивуд — навсегда... И хотя Фенуик плохо вязался с образом хладнокровного убийцы, но опыт подсказывал инспектору, что поступки людей далеко не всегда гармонируют с их внешним обликом...

Стук в дверь нарушил его размышления. В следующее мгновение Дафф был буквально ослеплен сиянием галунов и нашивок вошедшего комиссара французской полиции. Богато расшитый золотом мундир Анри Дестэна прекрасно вписывался в пышную атмосферу Лазурного берега.

— Счастлив видеть многоуважаемого коллегу из Скотленд Ярда, — горячо пожал протянутую руку инспектора Дестэн. — Я поспешил к вам, не дожидаясь вашего визита в комиссариат, чтобы узнать о первых впечатлениях.

— О, в этом совершенно не было необходимости, мой дорогой комиссар, — развел руками Дафф. — Мне решительно нечего добавить к тому, что я прочел в вашем великолепном рапорте. Узнаю молниеносную проницательность французской полиции, выводы которой полностью совпадают с результатами моей беседы с туристами, включая их руководителя доктора Лофтона.

— О, вы мне льстите, инспектор! — казалось, что от удовольствия комиссар вот-вот замурлыкает, словно хорошо позавтракавший кот. — Мы всего лишь ученики прославленного Скотленд Ярда. Тем не менее, с этим Хонивудом действительно была масса работы. Следы вокруг совершенно

затоптаны толпой зевак, а уж этот злосчастный револьвер хватали все, кому не лень. Отпечаток на отпечатке. Но указательный палец Хонивуда отпечатался на спусковом крючке вполне четко. И кроме того, у нас есть показания оружейника, продавшего Хонивуду этот «Смит и Вессон» за день до случившегося. В общем, если вы намерены вести дальнейшее расследование...

— Не намерен, — заверил его Дафф. — У меня нет никаких оснований подвергать сомнению выводы французских коллег.

— Рад это слышать! — с явным облегчением вздохнул Дестэн. — К сожалению, смерть в этом райском уголке совсем не такое уж редкое событие, — возможно, красота здешней природы слишком контрастирует с нашими собственными тревогами и несчастьями, не правда ли, мсье? Доктор Лофтон говорил мне, что этот бедняга очень тяжело переживал недавний развод со своей талантливой женой — наша поговорка «шерше ля фамм» оказалась справедливой и в этом прискорбном случае! Он уже звонил ей в Сан-Ремо, чтобы сообщить ей о смерти бывшего супруга. По его мнению, она была не слишком потрясена. Таковы женщины, мсье! И все же — разве могли бы мы обойтись без них?

— Трудно сказать, — улыбнулся Дафф.

— Никогда, мсье! Никогда! — воскликнул комиссар. — Самая мысль об этом приводит меня в трепет! Словом, мы оба считаем это дело законченным?

— Несомненно, — кивнул Дафф. — Передать доктору Лофтону, что его группа может готовиться к отъезду в Сан-Ремо?

— О, конечно! Не вижу к тому более никаких препятствий. Всего самого доброго, мой дорогой инспектор. Да, — уже у самой двери Дестэн хлопнул себя по лбу и поспешно сунул руку в карман. — Совершенно забыл! Возможно, кто-то из группы передаст это мисс Сибил Конвей. Мы нашли его рядом с телом ее бывшего мужа. Я колебался, отсылать ли его вместе с прочими его вещами — такая вещь вряд ли могла принадлежать миллионеру. Скорее всего это обронил кто-то из зевак, но — кто знает? Быть может, какой-то сувенир, который он держал в последнюю минуту своей жизни? Словом, мне он не нужен. Еще раз желаю всего наилучшего, инспектор!

На столе перед Даффом сиротливо лежал замшевый мешочек — точь-в-точь такой же, какой был найден рядом с телом задушенного автомобильного фабриканта. Инспектор развязал истертый шнурок, и по матовой поверхности стола раскатились маленькие серые камешки. Инспектор некоторое время молча смотрел на них, затем снова аккуратно

пересыпал в мешочек, спрятал его и потянулся к телефонной трубке.

— Прошу соединить меня с отелем «Палас» в Сан-Ремо. Пригласите там к телефону мисс Сибил Конвей. Да, я буду ждать в номере.

Раздался осторожный стук, и в двери появилось лицо Лофтона.

— Я видел, что от вас спускался комиссар. Он дал окончательное разрешение на наш отъезд?

— Да, — коротко ответил инспектор. — Он считает это дело законченным.

— Он? А вы?

— Мои планы зависят от результатов заказанного мной разговора с мисс Конвей.

— Но... Но я ведь уже звонил ей!

— Я знаю, — Дафф отмстил про себя выражение явной тревоги, появившееся на лице доктора, — но я звоню ей с другой целью.

— Понимаю. Словом, я буду в отеле. Экспресс отходит в четыре тридцать, сборы в основном закончены, и если вам что-либо понадобится мне сообщить, вы найдете меня в номере, либо внизу.

Шаги Лофтона, постепенно удаляясь, стихли в коридоре, и почти сразу же раздался вибрирующий зуммер междугороднего звонка.

— Алло! Алло! — закричал в трубку инспектор, демонстрируя таким образом отсутствие доверия к качеству французской телефонной связи.

— Кто хочет говорить с мисс Конвей? — услышал он в ответ слабый мелодичный голос.

— Это я! Инспектор Дафф из Скотленд Ярда. Я провожу следствие по делу об убийстве...

— Какой инспектор?

— Дафф! ДАФФ!!!

— Не кричите так! Все сливается, и я не могу ничего разобрать.

Только тут Дафф понял, что ревет, как взбешенный бык. Вытерев вспотевший от напряжения лоб, он взял себя в руки и заговорил обычным тоном.

— Меня зовут Дафф. Инспектор Дафф из Скотленд Ярда, ведущий дело об убийстве мистера Дрейка, члена группы доктора Лофтона. Сейчас я в Ницце.

— Понимаю. Но зачем вы звоните мне?

— Прежде всего с тем, чтобы выразить вам свои соболезнования...

— Благодарю вас. Доктор Лофтон уже принес мне соболезнования по поводу самоубийства моего бывшего мужа...

— Это не было самоубийством, — глухо сказал Дафф. — Мистер

Хонивуд был убит.

В трубке наступило долгое молчание.

— Вы слышите меня? — встревожился Дафф.

— Да, — голос звучал еще слабее, чем прежде.

— И я уверен, мисс Конвей, что смерть вашего бывшего мужа связана с лондонским убийством Дрейка.

— Могу вас заверить, что так оно и есть.

— Что вы сказали?! — ошеломленный инспектор не верил собственным ушам.

— Эти обе смерти действительно связаны между собой. Можно даже сказать, что это одно и то же убийство.

— Что вы этим хотите сказать? — Даффу вновь пришлось прибегнуть к помощи носового платка. Вытерев лоб, он напряженно вслушивался в казавшееся бесконечным молчание.

— Будет лучше, если я сама встречусь с вами. Это слишком долгая история. Вы можете приехать в Сан-Ремо с группой Лофтона?

— Конечно! Он говорит, что поезд уходит отсюда в половине пятого, следовательно, в отеле мы будем примерно в половине седьмого.

— Я буду ждать вас. То, что я собираюсь вам рассказать тоже может подождать. Муж не хотел говорить правду, опасаясь, что она повредит моей театральной карьере. Но я думаю, что теперь это уже не имеет значения. Хочу, чтобы зло не осталось безнаказанным, чего бы это мне ни стоило. Я знаю, кто убил моего мужа.

— Вы... вы знаете... — в горле у Даффа совершенно пересохло.

— Знаю.

— Но ради всего святого, зачем тогда рисковать, оставляя его на свободе хотя бы еще на несколько часов? Назовите мне его!

— Я могу только сказать, что это мужчина, путешествующий вокруг света с группой Лофтона.

— Но имя! Его имя?

— Мне неизвестно имя, которое он носит сейчас. Но в те давние уже времена, когда мы были с ним знакомы, его звали Джим Эверхард. В списке группы этого имени, естественно, нет.

— Откуда вы это знаете?

— От мужа. Он написал мне письмо.

— И там нет имени?

— Нет.

— Это тот самый человек, который убил Хью Дрейка?

— Тот самый.

— Об этом вы тоже узнали из письма мужа?

— Да. Это письмо у меня. Вечером я покажу вам его.

— Но кто все-таки этот человек? Вы сможете узнать его несмотря на прошедшие годы?

— Без всякого сомнения.

Дафф не смог сдержать облегченного вздоха. Наконец-то! Уже в который раз он вытер платком разгоряченный лоб.

— Алло! Алло, вы еще слушаете?

— Да.

— Я обязательно буду у вас около половины седьмого. Прибуду вместе со всей группой, — в голове у него промелькнула мысль о Фенуике, но он тут же отбросил ее. И все же на всякий случай добавил: — До моего приезда прошу вас не покидать номер. Я постараюсь организовать все так, чтобы вы смогли присмотреться к группе незамеченной. Обещаю, что никаких хлопот это вам не доставит.

— Спасибо. Я решилась, и готова заплатить любую цену за это решение. Боюсь, что цена окажется для меня высокой, как того и опасался муж, но его убийца должен быть наказан. Можете на меня полностью рассчитывать.

— Я вам бесконечно признателен. Итак, до вечера!

— До вечера. Буду ждать вашего звонка.

Опустив трубку, он погрузился в глубокое раздумье, и когда в дверь постучал Лофтон, он даже не сразу понял, чего тот от него хочет.

— Разговор с Сан-Ремо состоялся, инспектор?

— Разговор? А, да, конечно.

— Узнали что-либо новое?

— Нет.

— Жаль, — вздохнул Лофтон. — Значит, вам придется возвращаться в...

— Нет-нет. В Лондон я пока возвращаться не намерен. Буду благодарен, если вы сможете зарезервировать еще один билет для вашей группы. Я тоже отправлюсь в Сан-Ремо!

За обедом Дафф вновь и вновь обводил пристальным взглядом сидевших рядом с ним туристов. Теперь, когда он точно знал, что убийца находится среди них, неотвязный вопрос «кто?» буквально сжигал его. Лофтон? Вполне возможно. Звонок в Сан-Ремо его несомненно встревожил... Тэйт? Тэйт с его внезапным приступом тоже дает немало поводов к размышлению... Кеннавэй? Молод, слишком молод. Бенбоу? Более, чем сомнительно. А вот Кин — от этого можно ожидать чего

удовольствие... Макс Минчин? Ликвидация неугодных людей, это, разумеется, типично гангстерская сфера, но чем глухой старик мог быть негоден чикагскому гангстеру, да еще удалившемуся от дел? Росс? Вивиан? Фенуик? Дафф тихо чертыхнулся — Фенуик успел от него ускользнуть. Впрочем, что с того? Если нужно, он отыщет его хоть в Питтсфилде, штат Индиана, хоть на краю света. Отыщет и доставит в Лондон...

Поезд отошел от главного перрона Ниццы точно в четыре тридцать. Дафф убедился, что никто из группы не уклонился в последний момент от продолжения путешествия, и только тогда вернулся в свое купе, где молча сидели друг против друга Тэйт с Кеннавэем.

— Ну, что ж, — весело заметил Дафф, — самая волнительная часть переезда окончилась, и можно спокойно наслаждаться видами за окном! После нервотрепки со сборами...

— Если вы о моем слабом сердце, то можете не тревожиться, — буркнул Тэйт. — С ним пока что все в порядке.

— Рад это слышать, — улыбнулся Дафф. — Такой уж у меня характер, что я всегда беспокоюсь обо всем и обо всех.

С минуту он сидел в молчании, всматриваясь в поросшие лесом холмы, мягко переходящие в лазурную морскую гладь.

— Красиво, — рискнул он продолжить разговор.

— Декорация, — так же холодно бросил Тэйт, не отрываясь от парижского издания «Нью-Йорк Геральд».

Дафф обратился к Кеннавэю.

— Это ваше первое дальнейшее путешествие?

— Нет, — покачал головой Кеннавэй. — В университетские годы я уже порядочно побродил по свету. Правда, без больших денег, но и без больших хлопот — только теперь начинаю понимать, что это было за удовольствие...

— Да, мир, к несчастью, состоит не только из удовольствий...

— Вот именно — к несчастью, — подтвердил Кеннавэй, взглянув на своего мрачно настроенного патрона.

— Я действительно рад слышать, что с вашим здоровьем все в порядке, — снова обернулся к Тэйту инспектор. — Когда я увидел вас в тот раз на полу, то уже не надеялся вновь беседовать с вами!

— Тем не менее, вы только этим и занимаетесь, — огрызнулся Тэйт. — Хотя даже вам должно стать очевидным, что подобные беседы не вызывают у меня особого энтузиазма.

— Даже мне? — поднял брови Дафф. — Гм, вероятно, вы правы. Я заслужил вашу шпильку, поскольку так и не смог выяснить целый ряд

вещей. Например, что из увиденного в салоне заставило вас потерять сознание.

— Ничего, мой дорогой инспектор. Ничего! Я уже говорил вам это.

— И впрямь говорили, — добродушно развел руками Дафф. — Я становлюсь забывчивым. Ну, а той ночью, когда был убит Хью Дрейк, до вас не донеслись какие-то стоны, хрипы, шум борьбы?

— Как я мог что-то услышать, если был отделен от номера Дрейка номером Хонивуда?

— Если были отделены, то не могли. Но дело в том, уважаемый адвокат, что Дрейк был убит в номере Хонивуда.

— Что?! — вскрикнул Кеннавэй.

Тэйт слегка побледнел, но продолжал молчать.

— Вы поняли меня, уважаемый адвокат? Дрейк был убит в номере Хонивуда, — терпеливо повторил Дафф.

— Все-таки докопались, — Тэйт с раздражением отбросил газету. — Готов допустить, что в таком случае ваши способности несколько выше моих первоначальных предположений.

— Допускайте. А я в связи с этим допускаю, что вы согласны несколько изменить свои первоначальные показания.

Тэйт помолчал, затем губы его тронула улыбка.

— Идет. Я расскажу вам то, что знаю, хотя вряд ли вы поверите мне. Впрочем, мне это абсолютно безразлично. В ту ночь на седьмое февраля до меня и вправду донеслись из соседнего номера отголоски чего-то, напоминавшего потасовку. Это, как я точно знал, был номер Хонивуда. Думаю, что шум не был слишком долгим, потому что когда я окончательно проснулся, все было уже тихо. Я задумался над тем, что мне следует предпринять. В путешествие я отправился, чтобы обрести покой, и самая мысль, что я окажусь втянутым в споры, которые меня никак не касаются, казалась мне ужасной. Но, разумеется, я и предположить не мог, что рядом произошло убийство. Далее тишина была полной, и я решил, что ничто не мешает мне продолжать спать с чистой совестью. Проснулся на рассвете и вдруг почувствовал искушение выпить где-нибудь в уличном кафе чашечку крепкого кофе. Кофе мне вообще-то строго-настрого воспрещен, но — в конце концов, никто из нас не будет жить вечно, правда? После кофе я в отличном настроении прогулялся по туманному Сент-Джэймс парку, а когда вернулся в отель, то портье приветствовал меня последней новостью: наверху был убит ночью американский турист. Имени туриста портье не знал, но меня тут же осенило — Хонивуд! Ночная потасовка! Я слышал, как убивали моего соотечественника, и ничего не сделал, чтобы помочь

ему, чтобы схватить преступника. Поверьте, для меня это был страшный шок. И почти сразу после этого еще более страшный — переступая порог салона, я знал, что никогда уже не увижу Хонивуда живым, но первым, на кого упал мой взгляд, был именно он! Живой и невредимый. Этого мое сердце не смогло выдержать.

— Конечно, — согласился инспектор. — Как жаль, что всего этого вы не рассказали мне в то же утро...

— Жаль, вы правы. Но когда вы заговорили со мной тогда, я чувствовал себя таким слабым и больным... Моим единственным желанием в тот момент было держаться от этой истории как можно дальше. Покой — вот все, о чем я мечтал. Больше мне сказать нечего. Вы, конечно, имеете все основания мне не верить. Как хотите...

— Хочу верить, — усмехнулся Дафф. — А что до оснований, то будущее покажет.

— Могу только повторить, — голос адвоката утерял былую сухость, — что ваши способности несомненно выше моих прежних предположений. И я искренне этому рад, инспектор!

— Спасибо... Что это? Уже Сан-Ремо?

Пока автобус доставлял группу в отель, доктор Лофтон методично знакомил туристов с планами на ближайший день, завершив инструкцию словами:

— А, главное, не вздумайте опаздывать. Выезд из отеля в порт завтра ровно в полдень. Чтобы не возиться лишний раз с багажом, распаковывайте сейчас только то, что вам действительно необходимо. Понимаю, что это может причинить вам некоторые неудобства, но уходящий из Генуи лайнер не станет нас ждать.

Через несколько минут все они уже находились в холле отеля «Палас». Дафф выбрал себе номер на первом этаже, почти рядом с уходящей ввысь цилиндрической клеткой лифта, забранного не слишком плотной сеткой. При виде лифта сердце инспектора забилось чуть быстрее: пройдет совсем немного времени, и этот лифт доставит его к разгадке тайны лондонского убийства... Он осмотрелся. Отель «Палас» явно не принадлежал к числу ультрасовременных туристских гигантов, снискавших славу Сан-Ремо, но его малые размеры ничуть не портили общего впечатления комфорта и благополучия. До ужина оставалось еще около получаса, и повсюду в коридорах царил тишина, характерная для фешенебельных курортных отелей в те минуты, когда постояльцы готовятся появиться к столу в безукоризненных вечерних уборах от лучших портных старого и нового континентов.

Убедившись у портье, что Сибил Конвей находится в своем номере на четвертом этаже, инспектор прошел к себе и снял трубку телефона. Ему казалось, что диск крутится мучительно медленно. Наконец он услышал уже знакомый ему мелодичный голос, не раз вызывавший аплодисменты у бесчисленных театральных зрителей.

— Да?

— Это инспектор Дафф из Скотленд Ярда, — почти прошептал он.

— Слава Богу, что вы уже здесь. Почему-то мне стало страшно. Но я готова вам помочь, не сомневайтесь.

— Хорошо. Нам нужно встретиться сейчас же. Все участники группы разошлись по номерам, и с минуты на минуту они спустятся сюда в ресторан. Ожидая их, мы сможем поговорить.

— Понимаю. Я принесу письмо, о котором я говорила. Муж послал мне его из Лондона. Оно многое для вас прояснит, а потом...

— Потом мы сможем понаблюдать за участниками группы, идущими в ресторан. В холле есть уютное местечко — несколько глубоких кресел, почти скрытых пальмами. Там мы и устроимся. Ваш номер далеко от лифта?

— Совсем рядом.

— Тогда выходите из номера, я поднимаюсь за вами, и мы отправимся на наш наблюдательный пункт. Ваш номер сорок?

— Да. Сейчас я выйду.

Дафф решительным шагом направился к лифту и нажал кнопку вызова. Кабина спускалась с величественной неторопливостью, и пока ее ярко освещенный цилиндр достиг первого этажа, инспектору показалось, что прошла целая вечность. Затем столь же плавно и важно кабина пошла вверх.

Золотые волосы поджидавшей его женщины прекрасно гармонировали с золотистой парчой вечернего платья. И хотя коридор тонул в полумраке, лицо Сибил Конвей навсегда запомнилось Даффу сочетанием классических черт и очарованием ясной одухотворенной печали.

— Я рада вам, инспектор! Вот оно, письмо от мужа, — она протянула ему конверт, который Дафф, не открывая, бережно положил в карман.

— Спасибо. Мы прочтем его внизу. Заходите, пока лифт не ушел.

Он вновь перевел стрелку рычажка на единицу, пол кабины дрогнул, и они начали медленно, как бы неуверенно спускаться.

— Мне было так плохо, — призналась актриса, — но я знаю, что должна, должна...

— Тс-с! — улыбнулся детектив. — Не сейчас. У нас еще будет время,

чтобы...

Его прервал негромкий, но четкий хлопок близкого выстрела. Что-то мягко ударило его в плечо и упало на пол кабины. Он хотел взглянуть, что это, но в следующую секунду ощутил, как тело Сибил Конвей всей тяжестью оседает ему на руки. На золотой парче вечернего платья быстро расплывалось темное пятно.

— Вот и все... — выдохнула женщина еле слышно. Дафф попытался крикнуть, но не мог. В немом отчаянии он следил, как слабо освещенный коридор третьего этажа неторопливо уплывает вверх...

Воспоминания об этой жуткой минуте преследовали инспектора всю жизнь. В его присутствии убили женщину. Он был здесь, рядом, в этой же проклятой клетке, которая остановится теперь только на первом этаже. И когда он выйдет, наконец, из этой клетки, то будет уже поздно, безнадежно поздно...

На первом этаже из дверей выглядывали встревоженные выстрелом люди. Дафф осторожно перенес тело Сибил Конвей на широкий кожаный диван. Ему хватило одного взгляда, чтобы понять, что она мертва. Тогда он бросился назад к лифту и поднял предмет, который сиротливо лежал на полу кабины. Это был маленький потертый мешочек из замши. Инспектор не стал его открывать. Он точно знал, что находится внутри: камешки. Обыкновенные ничего не значащие камешки, собранные на каком-то пляже.

8. Глухота мистера Дрейка

Как только Дафф замкнул дверцу, наверху звякнул звонок вызова, и кабина, поскрипывая, ушла к верхним этажам. Только теперь, глядя на ее освещенные сильным плафоном очертания, Дафф понял, какую великолепную цель представлял собой любой пассажир этого легкомысленного сооружения. Сквозь редкую сетку ограждения можно было бы легко просунуть даже ствол небольшого орудия, а сама кабина представляла собой скорее корзину с барьером примерно на уровне пояса. Платье из золотистой парчи в этих обстоятельствах было мишенью, в которую не смог бы промахнуться даже ребенок. Момент, когда прозвучал выстрел, практически исключал всякий риск: кабина с пассажирами как раз исчезала с уровня погруженного в сумрак этажа. Теперь все это было совершенно очевидно, но предвидеть случившееся, вероятно, не смог бы даже человек, наделенный самой буйной фантазией. Инспектор тихо выругался, ощущая в душе почти восхищение дьявольской предусмотрительностью убийцы.

Тяжело отдуваясь, к Даффу подошел директор отеля, которому, чтобы достичь столь необъятных размеров, по всей вероятности, пришлось поглотить целые горы спагетти. Рядом с директором пританцовывал от волнения худой, как жердь, администратор. У обоих было одинаково озабоченное выражение лиц. Раздвинув своим мощным корпусом толпу, директор остолбенело уставился на труп женщины, затем перевел взгляд на Даффа. Услышанное от инспектора заставило его пошатнуться.

— Убита в лифте?! Но кто мог это сделать?

— Не знаю, поскольку в тот момент я тоже был в этом лифте.

— Вместе с убитой?! — изумление директора перешло все границы.

— В таком случае вы не тронетесь с этого места до прибытия полиции.

— Само собой не тронусь. Меня зовут Дафф. Я инспектор Скотленд Ярда. Убитая была важной свидетельницей по делу о другом убийстве, совершенном в Лондоне.

— Свидетелем? Тогда я начинаю понимать... Бедняжка! Но как это плохо для моего отеля... Вито, сбегай за доктором! Хотя... Доктору, как я вижу, тут делать уже нечего... Расходитесь, расходитесь, синьоры, умоляю вас, бедной даме вы все равно ничем не поможете. Вито, ты еще здесь? Тогда позови с поста наряд муниципальной полиции. Только запомни: полиции, а не карабинеров! Не скажи тебе вовремя, так ты самого

Муссолини сюда притащишь...

Худой администратор умчался. Инспектор двинулся было к лестнице, но толстяк живо преградил ему дорогу.

— Куда синьор направляется?

— По делу, синьор директор. По делу об убийстве. Я ведь уже сказал вам, что представляю здесь Скотленд Ярд. Сколько у вас сейчас в отеле гостей?

— Ровно сто двадцать — отель полон.

— Сто двадцать... — Дафф мрачно огляделся. — Я вижу, что муниципальной полиции хватит забот с опросом свидетелей...

Про себя он подумал, что забот по горло хватит и тому, кто знает, что убийцу следует искать только среди путешествующих с Лофтоном американцев... По лестнице он поднялся на третий этаж. Коридор был совершенно пуст. Рядом с лифтом не было видно ни малейших следов чьего бы то ни было присутствия. Дафф с тоской подумал, что идеальные убийства, вероятно, все же существуют... С трудом, словно ощущая на плечах непомерный груз, он заставил себя подняться еще на этаж. Остановившись у сорокового номера, он робко постучался. Дверь открыла горничная с бледным лицом. В нескольких словах он объяснил девушке, что произошло. Горничная тихо ахнула.

— А ведь она знала, что это должно произойти, синьор! Все утро она очень переживала и непрерывно повторяла мне, что я должна сделать, если ее вдруг не станет.

— И что же вы должны сделать?

— Выслать телеграммы друзьям в Нью-Йорк, чтобы они перевезли в Соединенные Штаты ее и бедного мистера Хонивуда.

— Телеграммы друзьям или же семье?

— Никогда не слышала, чтобы хозяйка упоминала что-либо о своей семье. О семье мистера Хонивуда она тоже ничего не говорила.

— Прошу показать мне список друзей, о которых она сказала. Потом сойдете на первый этаж и скажете директору, где я нахожусь. Вероятно, тело вскоре принесут сюда.

— Вы инспектор Дафф?

— Да, это я.

— Она вспоминала о вас сегодня. Несколько раз. Все ждала, когда вы приедете...

Когда за горничной закрылась дверь, инспектор перешел из прихожей в гостиную. Письмо, переданное за минуту до убийства, жгло ему грудь, но он твердо решил осмотреть номер до того, как появится итальянская

полиция. После этого у него уже не было бы свободы действий. Он принялся за работу с присущей ему быстротой и методичностью. Сначала просмотрел не слишком многочисленные письма от американских подруг и приятелей — и не нашел там ничего заслуживающего внимания. Проглядел ящики стола и незапертые чемоданы. Когда он стоял, склонившись над сумочкой Сибил Конвей в ее спальне, то вдруг почувствовал на себе чей-то взгляд. Обернувшись, инспектор увидел майора муниципальной полиции, застывшего в дверях с выражением удивления и неудовольствия на смуглом лице.

— Синьор производит здесь обыск? — спросил итальянец.

— Инспектор Дафф из Скотленд Ярда, — представился детектив. — Британский консул может подтвердить вам, что я нахожусь здесь в связи...

— Из Скотленд Ярда? — поразился итальянец. Это название, очевидно, произвело на майора благоприятное впечатление. — Так это вы находились с этой несчастной синьорой в лифте в момент выстрела?

— Я, — кивнул Дафф. Признаться в этом было нелегко. — Положение у меня, как вы сами понимаете, не из тех, каким завидуешь.

Он бегло ознакомил майора с последовательностью событий, не слишком вдаваясь в детали, так как не решил еще, стоит ли ему сотрудничать с местной полицией. О группе Лофтона он не упомянул ни словом.

Майор слушал его с каменным лицом. Когда Дафф кончил, он с важностью кивнул.

— Признателен за сведения. Надеюсь, что вы не покинете наш город без договоренности со мной?

— Конечно, нет, — инспектор невесело усмехнулся, вспомнив, сколько раз сам делал точно такие же предупреждения в тех случаях, когда дело заходило в тупик.

— Вам удалось что-то найти при обыске?

— Нет, — быстро ответил инспектор. — К сожалению, нет даже намека на улики. — Сердце его внезапно кольнуло: что если этот майор прикажет его обыскать? И найдет письмо Хонивуда? Как-никак, итальянец вправе делать у себя дома все, что заблагорассудится... Мужчины молча смотрели друг на друга. В конце концов импозантный вид инспектора британской полиции одержал верх, и майор вежливо поклонился.

— Буду счастлив вновь встретиться с уважаемым синьором! — Это звучало как недвусмысленное предложение удалиться. Что Дафф и сделал. С величайшим облегчением.

В своем номере он закрыл двери на ключ, пододвинул кресло поближе

к неяркому свету настольной лампы и достал из нагрудного кармана конверт, переданный ему актрисой. В левом верхнем углу конверта виднелась затейливая эмблема отеля Брума. Судя по штемпелю, письмо было отправлено из Лондона пятнадцатого февраля, через восемь дней после убийства Хью Дрейка — как раз перед отъездом группы Лофтона в Париж!

Содержимое конверта было солидным: хотя Уолтер Хонивуд обладал на редкость убористым почерком, его письмо жене занимало несколько исписанных с обеих сторон страниц. Дафф с нетерпением погрузился в чтение.

«Милая моя Сибил! Уже из почтового штемпеля ты поняла, что я сейчас в Лондоне, куда я приехал с группой, о которой тебе уже писал. Врач тогда сказал, что такое путешествие мне просто необходимо, помнишь? Но вместо отдыха поездка обернулась для меня такими страшными переживаниями, которые даже трудно себе вообразить. Со мной в группе оказался Джим Эверхард! Я узнал об этом при ужасающих обстоятельствах. Когда в Нью-Йорке я поднимался на палубу трансатлантика, имена остальных участников тура мне еще не были известны. Я только знал, что тур проводит доктор Лофтон, который представил нас друг другу за обедом. Но и при этом я не узнал Джима Эверхарда. Ничего удивительного — ведь я видел его лишь раз в жизни, и то при свете керосиновой лампы в твоей комнате. Так много лет прошло с тех пор! Пожав всем руки, я пожал также и его руку. Руку человека, который поклялся, что убьет и тебя, и меня. Повторяю, я ничего не заподозрил, и у меня не было никаких дурных предчувствий. Потом мы отплыли. Погода была отвратительной. Я практически не покидал своей каюты до самой Англии. В Лондоне мы пробыли вместе несколько дней, были на разного рода экскурсиях, но и тут я не смог понять, с кем меня свела судьба. Вечером шестого февраля я сидел в салоне нашего отеля. Ко мне подошел мой сосед по номеру, престарелый джентльмен из Детройта, почти совсем глухой, но в остальном чрезвычайно симпатичный человек — Хью Моррис Дрейк. Мы завели разговор. Я рассказал ему о своем нервном истощении и пожаловался, что последние ночи подолгу не могу заснуть из-за того, что в соседнем номере кто-то постоянно громко читает. Помню, я сказал еще, что несмотря на усталость не испытываю

желания лечь, боясь, что попытка чтения возобновится. Тогда мистеру Дрейку пришла в голову мысль, которая показалась ему замечательной. Он предложил поменяться со мной номерами, сказав, что при его глухоте никакое чтение ему не мешает, а переселиться в соседний номер не составит никаких особых хлопот. Я принял это предложение с благодарностью, сказав однако, что мы обменяемся только спальнями, и только на одну ночь — мне было бы неудобно причинять этому достойному джентльмену излишнее беспокойство. В постели я проглотил сонный порошок, предписанный мне моим врачом в Штатах, и уснул как ребенок, наслаждаясь благословенной тишиной. Я проснулся в половине седьмого в отличном настроении и через соединявшие два наших номера двери прошел в спальню мистера Дрейка, который просил меня разбудить его пораньше — нам в то утро предстоял отъезд в Париж. На кресле лежала одежда, на ночном столике — слуховой аппарат. Все окна и двери были плотно закрыты. Я подошел к постели. Мистер Дрейк лежал мертвый. Его шея была туго стянута ремнем. Сначала я не мог думать ни о чем, кроме этого бессмысленного убийства. И только потом заметил лежащий рядом с телом замшевый мешочек. Ты помнишь? Один из тех трех, что мы оставили в тайнике Джиму Эверхарду. Я опустился на стул и стал лихорадочно думать. Мне было ясно, что Джим Эверхард находится в отеле Брума. Он узнал меня и решил исполнить свою давнюю клятву. Пробрался в мою спальню, чтобы убить ненавистного соперника. Но он не знал, что в ту ночь я спал в другом месте. Поэтому был убит Хью Дрейк — только за то, что был глух и оказал услугу соседу! Что за ирония судьбы... Ситуация была для меня поистине страшной. Но я сумел взять себя в руки. Я понимал, что для Дрейка все равно уже ничего не смогу сделать. Хотя охотно отдал бы жизнь, чтобы вернуть этого бедного доброго старика людям. К сожалению, было слишком поздно... Боже мой, Боже — но ведь я тоже хотел жить, увидеть еще хоть раз тебя, услышать твой дорогой голос! Я так тебя люблю! Я всегда тебя любил, с той самой минуты, как впервые увидел. Если бы не эта любовь, то вполне вероятно, что ничего из случившегося с нами так никогда бы и не произошло. Но я ни о чем не жалею и жалеть не стану. Я надеялся, что смогу как-то выкрутиться. Прежде всего, нельзя было оставлять тело Дрейка в моей спальне — вряд ли полиция

приняла бы на веру мои объяснения об обмене! Поэтому я перенес его в его собственную спальню. А заодно и мешочек с камнями, усмехнувшись при мысли, что Джим носил его столько лет, но так и не смог вернуть его прежнему хозяину. Правда, у него оставались еще два. В коридоре никого не было, и это дало мне возможность выскользнуть из спальни Дрейка наружным путем, замкнув с его стороны дверь между нашими номерами. Естественно, что одежду и слуховой аппарат я тоже перенес к Дрейку, стерев после этого с аппарата все следы пальцев. Хорошо, что я не позабыл это сделать. Затем я спустился в холл и стал ждать завтрака. Завтрака и встречи с Джимом Эверхардом. О, на этот раз я его узнал! Есть в человеческом взгляде нечто такое, что не меняется со временем. Имя он сменил, но не смог сменить взгляд. Даже потом, разговаривая с инспектором Скотленд Ярда, я продолжал мучительно искать единственно правильный выход из этого кошмара. Отказаться от продолжения тура и вновь затеряться в Штатах? Но кто позволил бы мне уехать? А следствия мои нервы не вынесли бы, в этом я был уверен. И тогда все, что погребено в прошлом, вновь всплыло бы на поверхность. Этого нельзя было допустить. И я принял решение ехать дальше. Рядом с человеком, который поклялся меня убить и который не повторил бы однажды сделанной ошибки. Каждую ночь после этого я баррикадировал дверь своей спальни и проводил бессонные часы, вслушиваясь в неясные шорохи и проклинал свою судьбу. Постепенно у меня родился определенный план действий. Во-первых, я решил, что приобрету где-нибудь на континенте револьвер для собственной обороны — таможенники никогда не проверяют багаж у путешествующих классом «люкс» американцев. А, во-вторых, я хочу выбрать момент и сказать Джиму, что мной отправлен в надежное место конверт с точным указанием на убийцу мистера Дрейка, и если со мной что-либо случится, то этот конверт в тот же день очутится в Скотленд Ярде. И я действительно приготовил такое письмо! Но по размышлении не стал его никому оставлять: ведь разыгравшийся скандал навсегда погубил бы твою карьеру, милая моя Сибил, а на это я не согласился бы ни за какую цену. Даже за цену собственной жизни. Но Эверхарду я сказал, что письмо уже отдано мной на хранение. Он ничего на это не сказал, только продолжал молча и с нескрываемой ненавистью на меня

смотреть. Все-таки я думаю, что он остережется что-либо предпринимать в ближайшее время — а в Ницце я твердо решил оставить группу и выехать машиной в Сан-Ремо, к тебе. Скотленд Ярд, похоже, не намерен далее сопровождать нас, поэтому я думаю, что никто не станет препятствовать моему отъезду — сошлюсь на нервы, на климат, или еще на что-нибудь. Уверен, что в свете случившегося все наши прежние мелкие недоразумения не стоят даже того, чтобы о них вспоминать! Я так горжусь тобой, так хочу, чтобы мы снова были счастливы! Зная твою импульсивную натуру, я не называю тебе имя убийцы Дрейка — ведь если он убьет и меня, ты способна ради меня поставить на карту и свой великий талант, и свое будущее. Умоляю тебя — ни в коем случае не делай этого! Если меня не станет — немедленно уезжай из Сан-Ремо, держись как можно дальше от группы Лофтона! Бери машину до Генуи и там первым же судном возвращайся в Штаты. Сделай это для меня! Не губи свою жизнь! Пусть прошлое останется навсегда погребенным. Сохраняй спокойствие, так, как сохраняю его я. Моя рука не дрогнула ни разу, пока я писал это необычное письмо. Все кончится хорошо, верю в это. Дату приезда я сообщу тебе телеграфом. Приеду — и у нас начнется второе свадебное путешествие! А прошлое и Джим Эверхард уйдут от нас навсегда. Теперь уже навсегда.

Любящий тебя Уолтер»

Инспектор Дафф задумчиво собрал прочитанные странички и снова вложил их в конверт. Им овладело странное чувство тоскливой безнадежности. Быть буквально в нескольких шагах, в нескольких минутах от разгадки — и снова очутиться ни с чем! То, что убийство Хью Дрейка не было преднамеренным, его не слишком удивило — он подозревал это с первого же дня. Преднамеренное или умышленное, но убийца, троекратный убийца, должен быть опознан и схвачен. И этот убийца постоянно присутствует между строк письма Хонивуда! Кто он? Тэйт, Кеннавэй, Вивиан? Росс? Минчин? Бенбоу или Кин? Быть может, Фенуик? Нет, Фенуик покинул группу еще в Ницце и не мог стрелять в жену Хонивуда... Он должен найти ответ на все эти «кто?» — либо остаться посмешищем лондонской полиции до конца дней... Стиснув зубы, он встал, спрятал конверт в карман и вышел в холл. Единственным человеком, которого он там застал, был доктор Лофтон. Лицо руководителя тура было

белым как мел. Он неуверенно шагнул к инспектору.

— Портье сказал, что произошло убийство... Кто?

— Жена Хонивуда. Застрелили в лифте. Бок о бок со мной. За минуту до того, как собиралась указать мне убийцу Дрейка и Хонивуда. Убийцу, который находится среди членов вашей группы.

— Моей группы? — отчаяние Лофтона было неподдельным. — Да, теперь и я в это верю. И раньше верил, но внушал себе, что это невозможно. — С отрешенным видом он развел руками. — Что ж, дальше ехать нет смысла. Это конец.

Дафф встряхнул его за плечи:

— Это не конец, доктор! Вы должны продолжить поездку! Верю, что вы не подведете меня. Послушайте: последняя жертва вообще не была членом группы. Поэтому, теоретически рассуждая, ни вас, ни ваших туристов это убийство никак не касается. Если местная полиция кем-то из них на минуту и заинтересуется, то только в качестве возможных свидетелей. Через пару дней или даже раньше итальянцы вас отпустят, и вы спокойно продолжите путешествие!

— Спокойно?!

— Да. Убийца уже сделал свое дело, и если вы отправитесь дальше, то он почувствует себя в полной безопасности. Остальное предоставьте мне и Скотленд Ярду.

— Хорошо, — склонил голову доктор Лофтон. — Раз вы считаете, что так будет лучше... Но сегодняшняя смерть окончательно выбила меня из колеи. Три смерти — это слишком для одного тура...

— Понимаю, доктор Лофтон. И все-таки держитесь!

Он без аппетита доедал жаркое, когда в ресторан вошла Памела Поттер, направившаяся к его столику.

— Хотите новость? Мистер Кеннавэй и я сразу после приезда в отель пошли прогуляться. Мистер Тэйт решил вздремнуть перед ужином, так что у Марка выдались свободные полчаса. Когда мы выходили из «Паласа», то у подъезда притормозил большой автомобиль. Сама не знаю, почему, но я задержалась, чтобы взглянуть, кто в этой машине приехал.

— Ну, и кто же?

— Наши добрые старые друзья. Фенуики!

— Господи! — поразился Дафф. — Вы не ошиблись?

— Они самые! Страшно спешили. Но успели удивиться при виде меня с Марком. Сказали, что не ожидали видеть нас здесь так рано.

— В котором часу это было? — спросил инспектор.

— Минуты две восьмого. Не позже, потому что когда мы с Марком

встретились в холле, часы как раз пробили семь.

— Минуты две восьмого... — медленно повторил Дафф. Кивнув, Памела Поттер перешла к соседнему столику, за которым сидела миссис Люс. Дафф вернулся к еде и размышлениям: выстрел в жену Уолтера Хонивуда был произведен ровно без четверти семь...

9. Экспресс в Геную

Почти всю оставшуюся часть ужина Дафф провел в раздумьях о Фенуике, и, таким образом, не смог воздать должного внимания шедеврам итальянской кухни. Быть может, подсунуть эту парочку итальянскому майору? Майор, конечно, не преминул бы заняться ими, но что толку? Никаких конкретных доводов против Нормана Фенуика не существовало. К тому же нацелить на Фенуика итальянскую полицию означало одновременно нацелить ее на группу Лофтона в целом, а этого инспектору совсем не хотелось. За кофе Дафф окончательно решил не упоминать майору о внезапном появлении этой нелепой пары.

В правильности этого решения он убедился, вновь встретившись с озабоченным и растерянным шефом муниципальной полиции, на измученном лице которого не было и тени прежней самоуверенности. По собственному признанию майора, чем больше свидетелей он опрашивал, тем менее ясной становилась картина преступления. К тому же это был классический случай преступления без улик: ни следов, ни орудия убийства, ни гильзы, ни непосредственных свидетелей. Если не считать, конечно, Даффа, подозревать которого не было смысла. Посочувствовав майору, находившемуся на грани нервного истощения, Дафф отправился подышать воздухом на террасу, где наткнулся на сидевших в плетеных креслах Памелу Поттер с Кеннавэем.

— Сказочное местечко для приятной беседы! — заметил детектив, усаживаясь рядом.

— Сказочное, — согласился Кеннавэй. — Смотрите, какая громадная луна! А запах апельсиновых рощ! Мы как раз опасались, не добавят ли нам все это к счету за гостиницу. По соглашению с бюро путешествий Лофтона мы обязаны платить за дополнительный сервис, типа стирки, вина в номер и так далее. Может, луна и цветы тоже входят в понятие «дополнительный сервис»?

— Неудобно портить вам столь романтическое настроение, — усмехнулся инспектор, — но я должен кое-что срочно выяснить. Мисс Поттер упоминала, что перед ужином вы отправились на прогулку. Это правда?

— Для лучшего аппетита, — пояснил Кеннавэй. — В таких поездках возникает ощущение, что мы только и делаем, что едим — а это способно отбить аппетит даже к лучшей в мире кухне.

— Мистер Тэйт не протестовал, узнав, что вы оставляете его?

— Напротив, он полностью поддержал мою идею прогуляться, но сам не пошел, поскольку был изрядно утомлен дорогой. Возможно, он не хотел, чтобы я путался у него под ногами — номера в этом отеле никак не назовешь просторными.

— На каком этаже ваши номера?

— На третьем.

— Далеко от лифта?

— Совсем рядом.

— А в шесть сорок пять вы еще были в отеле? Слышали звук выстрела?

— Был и слышал.

— Где вы в это время находились?

— Внизу, в холле. Ждал Памелу. Вообще-то мы договорились на семь, но патрон почти выгнал меня из номера.

— Кого из группы вы видели во время ожидания мисс Поттер?

— Никого. Только гостиничный персонал. А выстрел я хоть и слышал, но не разобрал, что это такое. Звук донесся со стороны лифта, а поскольку мне уже довелось воспользоваться этим чудом итальянской техники, то я решил, что в следующее мгновение корзина рухнет, вниз, вся в огне и дыму! — он рассмеялся.

— Значит, в момент выстрела мистер Тэйт находился у себя в номере?

— Конечно. К этому времени он, вероятно, уже храпел вовсю.

— Вероятно... — согласился Дафф.

На террасе появилась высокая гордая фигура Тэйта в элегантном вечернем костюме. Дафф поймал себя на мысли, что всегда думал об адвокате, как о старом человеке, тогда как в действительности его возраст вовсе не был таким уж преклонным. Больной — возможно, озабоченный — почти наверняка, но старый? Нет!

— Я вас искал, — заметил он Кеннавэю.

— Присаживайтесь с нами, — пригласил его Дафф. — Полюбуйтесь, какой великолепный вечер!

— Не вижу ничего великолепного, — хмуро отозвался Тэйт. — Я бы хотел снова очутиться в Нью-Йорке. Когда работаешь всю жизнь без перерыва, то это безделье с ума может свести...

«Уж не собирается ли и он прервать поездку?» подумал про себя инспектор.

— Пойдем в номер, Марк, — решительно сказал Тэйт. — Я собираюсь лечь. Но долго читать сегодня не будем, не волнуйтесь.

— Снова детективы? — поинтересовался Дафф.

— Нет. Как я вижу, здесь хватает убийств и без детективов. Теперь мы занялись русской литературой. Марк решил, что она поможет мне засыпать гораздо быстрее. А ему, соответственно, останется больше времени для дам и прогулок. — Он повернулся и направился назад, к освещенному подъезду отеля. — Идете, Марк? — бросил он через плечо.

— Долг зовет! — улыбнулся, поднимаясь, Марк Кеннавэй. — Ничего не поделаешь, надо идти. Так что, если пришлют счет за луну и цветы, то, увы, придется платить тебе самой. Доброй всем ночи!

— Приятный молодой человек, правда? — спросил Дафф, когда силуэт секретаря Тэйта скрылся в подъезде.

— Очень, — живо поддержала его девушка. — Хотя временами... Но сегодня он и впрямь был выше всяких похвал.

— А что «временами»?

— Ну, наверное, у каждого человека бывают эти «временами». И тогда он смотрит на меня так, словно снисходит с высоты своего аристократического величия до такой неотесанной особы, как я. Он ведь из Бостона, а кто я такая? Какая-то замарашка со среднего Запада... Хотя вам эти различия, вероятно, ни о чем не говорят?

— Боюсь, что ни о чем, — признался англичанин. — Поэтому лучше расскажите мне, как восприняли члены группы это последнее убийство.

— Мне кажется, что довольно спокойно. Человек ведь ко всему привыкает... Вы думаете, нас здесь надолго задержат?

— Трудно сказать. Смотря какая полиция за вас возьмется. Здесь их целых три: государственная, муниципальная и карабинеры. У каждой свой устав, свой кодекс и своя бюрократия. Но я постараюсь убедить майора, что дело не выходит за пределы компетенции его молодцов из муниципальной полиции, а если возникнут какие-то затруднения, то пусть смело валит их на меня.

— Скажите, инспектор, — девушка понизила голос, — вам не кажется, что мой дед и эта женщина стали жертвами одного преступника?

— Для меня это несомненно, мисс Поттер. Только к ним следует добавить еще и мистера Хонивуда.

— Так это не было самоубийство? — глаза Памелы расширились. — Но кто же он? Кто?

— Как говорил один мой добрый китайский приятель, «придет час, и спадут все покровы»... Быть может, вы встретитесь с ним, когда будете в Гонолулу. Но пока покровы тайны еще не спали. Всему свое время. — Девушка ничего не ответила, и инспектор продолжал, — я хотел

встретиться с вами именно так, наедине, чтобы сказать, что часть нашей загадки уже решена. Письмо, которое лежит у меня в кармане, может подтвердить, что ваш дед погиб в результате роковой ошибки.

Девушка вскочила с кресла.

— Я должна его видеть! Что это за письмо?

— Когда мы завтра встретимся? — спросил он, передавая ей конверт.

— В... В восемь, в холле. — Она почти бегом поспешила в отель.

Дафф неторопливо вернулся к подъезду, где встретился с совершенно отчаявшимся майором. После продолжительной беседы ему удалось убедить своего достойного итальянского коллегу, что это преступление является столь же загадочным, как и предыдущее лондонское убийство в отеле Брума, а следовательно, распутать всю серию обязан тот, на чьей территории она началась, то есть Скотленд Ярд. Майор расстался с инспектором значительно повеселевшим.

Следующий день напоминал собой рекламную открытку итальянского туристского бюро: глубокая синева неба, спокойное зеленоватое зеркало моря и золотое солнце, ослепительное, как новенькая монета. Но красота утра на Ривьере никак не отразилась в глазах Памелы Поттер, спустившейся к инспектору в холл ровно в восемь. Бессонная ночь и слезы оставили в этих глазах только неутоленную боль. Она молча вернула письмо инспектору.

— Мне нужно было как-то сообщить вам обо всем, — со вздохом сказал Дафф. — Я не знал, как это лучше сделать, поэтому просто отдал вам это послание Хонивуда. Наверное, это было жестоко... Простите меня.

— Нет, я благодарна вам, — тихо ответила она. — Вы избрали самый правильный путь. Бедный мой дедушка... Умереть только потому, что бескорыстно оказал помощь первому встречному — так, как он делал это всю свою жизнь...

— Ваши слова могли бы стать достойной эпитафией на его надгробном камне.

— Да... — Глаза девушки внезапно блеснули. — Но я не собираюсь ставить на этом точку! Убийца должен быть наказан. И я не успокоюсь, пока мы не найдем его!

— И я, — как эхо повторил инспектор. Ему припомнилось то страшное мгновение в лифте, и он жестко добавил, — даже если это будет последним делом в моей жизни, Джим Эверхард от закона не уйдет! После прочтения письма у вас не появилось каких-то подозрений?

— Я не спала ни минуты. Все думала и думала. Никто не подходит на эту роль. Даже Макси Минчин. Вивиан? Как я поняла, его в этом туре

интересует исключительно миссис Спайсер. Капитан Кин? Вид у него действительно не из честных, да и ведет он себя иногда довольно подозрительно, но... По-моему, он просто мелкий жулик. Мистер Тэйт? Все его капризы и смена настроений это скорее всего результат усталости, может быть, и болезни... Мистер Росс? Совершенно открытый и ясный человек, ни во что не вмешивается, со всеми дружен... Что до Бенбоу, то этот в жизни не сделает ничего такого, что нельзя было бы отнять и показать потом приятелям в Акроне. Остаются только доктор Лофтон и этот буффон Фенуик. Абсурдно даже думать, что он способен на...

— В этом деле нельзя упускать ничего — в том числе и абсурд, — заметил инспектор. — Но вы забыли о последнем мужчине группы!

— О ком?

— О Марке Кеннавэе.

Она улыбнулась.

— Не смешите меня!

— Я уже сказал вам, что в этом деле нельзя упускать ничего и никого. Тем более, что вам предстоит роль моего агента.

— Как это?

— Очень просто. На какое-то время мне придется всех вас покинуть. Боюсь, что если я отправлюсь с Лофтоном, то не смогу принести делу никакой пользы. Из Лондона мне будет гораздо легче наводить различные нужные мне справки. А вам достанется честь представлять мои интересы в оставшейся части поездки. То есть писать мне из попутных портов обо всех новостях, и даже обо всех сплетнях. У женщин такие письма получаются очень удачно! Ну, а если вы откроете нечто важное и срочное, то вам придется потратиться и на телеграмму. Адрес прост: Лондон, Скотленд Ярд, мне.

— Что ж, — кивнула Памела, — я пишу примерно двадцати американцам, почему бы не включить в список и одного англичанина?

— Чрезвычайно польщен честью оказаться в этом списке, — поклонился инспектор.

Подошла миссис Люс.

— О, молодежь уже на ногах! Приятно видеть вас, милочка, в столь безопасной компании. Не смотрите на меня так, инспектор — я уверена, что в сердечных делах вы не менее опасны, чем любой другой мужчина, но, как я догадываюсь, вы занимаетесь с мисс Поттер отнюдь не флиртом?

Дафф рассмеялся:

— Отличный день, не правда ли, миссис Люс?

— Вот как? — сощурилась старая дама. — Я лично родом из южной

Калифорнии, и здешние красоты на меня особого впечатления пока что не производят.

— Вам хорошо спалось? — спросила Памела.

— Мне всегда хорошо спится, при условии, что я достаточно часто меняю спальню! И никакие убийства мне не мешают, если вы это имели в виду. Помню, однажды в Дели на моих глазах... Впрочем, вам это вряд ли интересно. Что вы обнаружили в связи со вчерашним выстрелом, инспектор?

— Все еще ничего, — мрачно признался Дафф.

— Я этому не удивляюсь. Вы ведь не сверхчеловек, верно? Только сверхчеловек смог бы без долгих слов схватить за шиворот мерзавца, который выказывает такой дьявольский талант в деле убийства безо всяких следов! Идешь завтракать, Памела?

— Иду. Просто умираю от голода!

Уже к полудню стало ясно, что итальянская полиция не собирается никого задерживать. Туристский престиж Ривьеры был слишком дорог, чтобы рисковать им из-за сомнительных следственных экспериментов. Поэтому точно в назначенный час все чемоданы членов тура доктора Лофтона были собраны у подъезда отеля, откуда их должны были перевезти на вокзал к экспрессу на Геную, отходившему в два часа. Доктор Лофтон, стряхнув прежнюю растерянность, вновь двоился и троился, давая всем советы, инструкции и строгие предупреждения.

Преобразился и вид майора муниципальной полиции, только что получившего из Рима известие о передаче всего следствия Скотленд Ярду. Поблескивая золотыми эполетами, он величественно прогуливался по Корсо, восхищая отъезжающих дам мужественным выражением загорелого лица. В этом деле он несомненно не знал равных.

Инспектор Дафф, напротив, чувствовал себя далеко не наилучшим образом. Ему приходилось мирно прощаться с группой туристов, среди которых, как ему было точно известно, находился хладнокровный убийца. Теперь этот убийца будет удаляться от него все дальше и дальше, следуя намеченной доктором Лофтоном экзотической трассой Неаполь — Александрия — Бомбей — порты Дальнего Востока...

На вокзале вся группа сбилась в кучку, нетерпеливо ожидая прощального гудка. Сэди Минчин была донельзя раздосадована, узнав, что их багаж не будет досматриваться перед погрузкой на судно — она так надеялась поразить таможенников роскошными результатами своих набегов на ювелирные магазины французской и итальянской Ривьеры. Остальные «лофтоновцы» были оживлены и, по наблюдениям инспектора,

вполне могли сойти за идеально безмятежных туристов. Внезапно миссис Спайсер издала сдавленный вопль.

— Боже мой! Как это я раньше не обратила на это внимания!

— Что случилось? — обеспокоился доктор Лофтон.

— Нас здесь тринадцать!

— Не стоит тревожиться из-за таких пустяков, — ободряюще коснулся ее плеча Макс Минчин. — У нас в Чикаго...

— Вас ровным счетом двенадцать! — авторитетно перебил гангстера Лофтон. — Тринадцатый это я, а руководитель группы не считается.

— Как вы можете верить в такую чепуху, Ирен? — удивился Стюарт Вивиан. — Это же типичный предрассудок!

— Почему бы у меня не быть предрассудкам? — отпарировала миссис Спайсер. — Они есть у всех!

— У всех? Только у полных невежд.

Взгляд, которым американка одарила своего упрямого оппонента, заставил вздрогнуть всех, кто успел его перехватить: зеленые глаза Ирен Спайсер буквально метали молнии.

— Не отношу себя к полным невеждам, но предрассудков и у меня хватает, — примирительно заметила миссис Люс. — Тринадцать, например, всегда было для меня счастливым числом, но зато мне страшно не везло с черными котами. Однажды в Шанхае на Бабблинг-Уэлл-роуд моему рикше перебежал дорогу черный кот. Напрасно я уговаривала его ехать другой улицей — он, по-моему, даже не понял, чего я хотела. Что же? У следующего перекрестка на нас налетает автомобиль! Как я тогда осталась цела, совершенно не представляю! А вот с тринадцатую у меня приключилась совсем противоположная история, миссис Спайсер...

Но оскорбленная миссис Спайсер уже демонстративно прошла в свое купе. Дафф помог Памеле Поттер и миссис Люс с их багажом, воспользовавшись случаем, чтобы еще раз напомнить девушке о ее обещании.

— Будьте уверены, что я не подведу, — успокоила его она. — Письма — это второе мое любимое занятие после чтения!

Инспектор соскочил на перрон, когда двери уже закрывались. Экспресс на Геную тронулся, и мимо Даффа поплыли в открытых окнах хорошо знакомые ему лица. Он еще успел подмигнуть широко улыбавшемуся Бенбоу, не переставая крутившему ручку своего аппарата, помахал рукой Россу, отсалютовавшему инспектору своей неразлучной тростью черного дерева, затем промелькнула хитрая усмешка Кина, нетронутое солнцем Ривьеры бледное лицо Тэйта...

Несколько минут он еще смотрел вслед удаляющемуся последнему вагону экспресса, затем круто повернулся и зашагал к кассе, узнать, когда уходит ближайший поезд в сторону Лондона.

Двое суток спустя он стоял перед своим шефом и, багровый от стыда за понесенное поражение, докладывал о развитии событий. Шеф, однако, если и был разочарован, то ничем этого не выдал.

— Подобное могло случиться с любым из нас, — философски заметил он. — Так что не стоит принимать эту историю так уж близко к сердцу.

— Стоит, — упрямо возразил инспектор. — Я не отступлюсь, сэр, пока убийца Дрейка не окажется в наручниках. Пусть даже это займет у меня целый месяц или два.

— Ясно, — кивнул шеф. — Понимаю ваши чувства и готов поддержать их в профессиональном плане. Но прошу помнить, что для английского суда имеют значение только те доказательства, которые касаются убийства в отеле Брума. Опирайтесь на них и только на них. Насколько я знаю наших присяжных, убийства иностранцев, совершенные иностранцем на иностранной территории не представляют для них никакого интереса.

— Вы совершенно правы, сэр. Я тоже думаю над этим от самой Ниццы.

— У вас наметился какой-то план действий?

— Хотелось бы сначала посоветоваться с вами, сэр!

— Прекрасно. Оставьте мне свои записки, я просмотрю их и подумаю. Зайдите ко мне... ну, скажем, в пять. И повторяю: не переживайте так! То, что произошло в лифте, даст вам, если это перевести на спортивный язык, лучший старт.

— Если начальство тебя понимает, то это уже половина успеха, — подумал Дафф, покидая кабинет шефа в несколько более оптимистичном настроении, чем то, с которым он туда зашел.

После обеда в компании Хэйли, который также выказал полное понимание чувств своего друга, настроение инспектора окончательно пришло в норму, и ровно в пять часов он привычно уверенным пружинистым шагом переступил порог кабинета главы Скотленд Ярда.

— Прошу садиться! — приветствовал его шеф. — Я внимательно ознакомился с вашими трудами. У меня лично не возникло ни малейших сомнений относительно кандидатуры на главного героя будущего процесса. Как, несомненно, и у вас тоже.

— Не понимаю, сэр, о ком вы говорите, — искренне озадачился Дафф.

— Тэйт!

— Тэйт?

— Но ведь это, же ясно! Его версия правдива, но это только полуправда. Он думал, что задушил Хонивуда, а когда увидел его целым и невредимым, то рухнул без чувств. Иначе с чего бы ему так безмерно поразиться смерти совершенно незнакомого ему человека? Столь сильный шок наступил именно потому, что задуманное им убийство провалилось! Его враг остался жив!

— Я думал над таким вариантом... — осторожно начал Дафф.

— И правильно сделали! Ну, а теперь, что касается до наших дальнейших планов. Вы обоснованно отказались от продолжения путешествия с группой. Вас там уже знают, да и вряд ли преступник окажется настолько глуп, чтобы тут же добавить что-то к уже имеющейся у нас информации. Расписание круиза Лофтона нам известно досконально, поэтому оставим их пока в покое. «Пока» означает до Калькутты. К тому времени убийца решит, что мы окончательно махнули рукой на его бывшие шалости и, возможно, утратит часть своей обычной бдительности. Воспользоваться этим нам поможет сержант Уэлби, которого я намерен пристроить на их пароход в Калькутте в качестве стюарда или матроса. На мой взгляд, это один из лучших наших агентов — умеет разговорить кого угодно и о чем угодно. А в части наблюдательности я просто не знаю ему равных.

— Верный выбор, шеф, — согласился инспектор.

— Если Уэлби наткнется на нечто важное, то вы сразу же вылетите к нему и произведете соответствующие действия. Тем временем вы займетесь проработкой всей информации, поступившей из Штатов. И прежде всего проверите данные, касающиеся прошлого супругов Хонивуд. Нам требуется обязательно доискаться до значения этих проклятых мешочков из замши. Сомневаюсь, что ключ под номером 3260 способен нам оказать хоть какую-то услугу, но — кто знает? Попытайтесь связаться с фирмой-изготовителем. Если потребуете выехать в Соединенные Штаты, я ничего не буду иметь против. В этом случае спланируйте свое пребывание в Америке таким образом, чтобы быть в Сан-Франциско к моменту возвращения туда группы Лофтона. Если ничего не появится у Уэлби, то что-то появится у вас. В любом случае — в Сан-Франциско у нас должен наступить финал. Результат общих усилий. Если он наступит раньше — что ж, тем лучше.

— Это хороший набросок дальнейших действий, — согласился Дафф, но мне хотелось бы изменить в нем одну деталь.

— Какую именно?

— Сэр, я предпочел бы ожидать группу Лофтона не в Сан-Франциско, а на Гавайях. В Гонолулу.

— Почему?

— Это дало бы мне возможность провести вместе с группой последний отрезок пути до американского континента. Понаблюдать за ними после того, как они от меня отвыкнут. А кроме того...

— Да?

— А кроме того у меня в Гонолулу есть друг, который, я думаю, будет нам весьма полезен. Вы, возможно, помните его имя: инспектор Чарли Чен.

— Тот самый сержант из Гонолулу, который отправил на виселицу убийцу моего предшественника? Да, я помню этого человека. Вы думаете, что он вам чем-то поможет?

— Уверен в этом, сэр! — без колебаний ответил Дафф.

— В таком случае ваша поправка к общему плану действий принимается. Разрабатывайте Америку, а затем присоединяйтесь к Лофтону в Гонолулу.

10. Ювелир с улицы Чоуринджи

Для Даффа наступили дни беспокойного ожидания. Он просматривал десятки справок, телеграмм, копий метрических свидетельств, но сердце его почему-то все время было по-прежнему там, среди горстки путешествующих по южным морям и странам американских туристов. Сержант Уэлби, сопровождаемый подробными напутствиями Даффа, отбыл на лайнере компании «Пи энд Оу» в Калькутту. В отличие от большинства агентов Центрального следственного бюро Уэлби происходил не из провинции, а из самого Лондона, получив тем самым право на звание потомственного кокни. В Лондоне прошла и вся его жизнь — далекие моря и океаны были для него чем-то вроде другой планеты, о которой он ничего не знал и даже ничего не читал. Тем не менее показанные ему Даффом мешочки из замши вызвали у него почти детское любопытство. Ради них он даже согласился заглянуть в географический атлас, прикидывая, откуда они могли появиться. «В этих штуках — ключ ко всему, сэр!» — неустанно повторял он инспектору, снова и снова перебирая на ладони гладкие маленькие камешки. Пожалуй, именно благодаря этим таинственным камням он впервые в жизни покинул родной Лондон без малейшего чувства сожаления.

Дафф проводил его до причала Тилбэри и неспешно вернулся через мост Воксхолл к центру. Ощутив дыхание морского ветра, насыщенного в этот час отлива острым запахом соли, инспектор вновь вспомнил лицо своего младшего коллеги, плывущего на встречу с Великой Неизвестностью. Не испытывая ревности, Дафф от души пожелал в душе сержанту удачи и успеха...

Примерно через две недели пришло первое письмо от Памелы Поттер. На конверте стоял штамп Адена. Аккуратно вскрыв письмо, инспектор приступил к чтению.

Дорогой инспектор Дафф! Простите, что пишу только сейчас. У меня было благое намерение выслать первый «рапорт» еще из Порт-Саида, но дни так заняты, а ночи так чудесны, что... Словом, мы плывем дальше. Ходим на базары, полюбовались на знаменитых сфинксов. Кстати, я задала сфинксу вопрос, на который мы с вами ищем ответ, но он, конечно же, промолчал. Мы посетили Порт-Саид, который, по слухам, является самым

аморальным местом на всем Ближнем Востоке, но, к сожалению, миссис Люс не позволила мне проверить, так ли это на самом деле. Сказала, что расскажет мне все лично. И исполнила обещание, но только тогда, когда Порт-Саид уже остался за кормой. Вообще, ее рассказы — просто чудо. Но когда она о чем-то говорит, то под рукой следует иметь крупномасштабную карту мира. По-моему, нет такого места, где бы она не побывала. У нас в группе она любима всеми. Кажется, даже Кин от нее без ума. Теперь Суэцкий канал уже давно позади — полоска илистой воды, редкие карликовые деревца среди океана песка и такие же редкие фигурки людей, обслуживающих шлюзы. У меня вдруг появилась однажды дикая мысль выбраться у шлюза на берег и прочесть им лекцию о Морисе Шевалье. Несомненно они приняли бы меня за сумасшедшую. Впрочем, в такую жару это никого бы не удивило. Зато какое облегчение приносит прохлада ночного ветерка! Вчера к нам на палубу выпрыгнула летучая рыба. У нее было такое выражение, словно она несказанно рада нас видеть. Я выбросила ее обратно. Вечерами солнце походит на громадную раскаленную сковороду. Я даже прислушиваюсь, не зашипит ли оно, когда коснется воды. Нет, не шипит! Послушная вашим приказам, я стараюсь быть в курсе общих разговоров и общих сплетен. Особенно, если это разговоры и сплетни между мужчинами. Это дорого мне обходится. Боюсь, что наши дамы в конце концов меня возненавидят. Сэди Минчин даже вбила себе в голову, что я собираюсь увести ее мужа! Что ж, — пожалуй, он у нее самый компанейский и забавный из всех. Элмеру Бенбоу я позировала столько раз, что его жена едва выдрала у него камеру прямо из рук. Но наибольшим успехом я пользуюсь у Стюарта Вивиана. Помните ту прелестную стычку с его приятельницей по поводу предрассудков? Так вот: с тех пор они больше друг с другом не разговаривают! То есть сначала не разговаривала только она, но потом и он отказался от попыток восстановить былую дружбу. И тогда в его жизнь прочно вошла я! Я решила, что раз мы практически ничего не знаем о его прошлом, то стоит заняться им всерьез. Когда миссис Ирен обнаружила мой живейший интерес к брошенному ею Вивиану, она тотчас поспешила сменить тактику, а ко мне, разумеется, вспылала праведным гневом. В результате мистер Вивиан смирился и дал себя вновь поработить — хотя и не без вздоха сожаления. Он уж

было совсем решил, что интерес, проявленный мною к его прошлому одновременно подразумевает и интерес к нашему совместному будущему. Ах, уж эти сорокапятiletние мужчины!

Ну, это все, конечно, пустяки, а теперь о серьезных вещах. Вчера около полуночи, когда я возвращалась в каюту после приятной беседы на палубе с очередным кандидатом в убийцы (как видите, я образцово исполняю агентурные обязанности), я внезапно увидела у двери каюты Вивиана капитана Кина, который что-то делал с замком. Заметив меня, он пробурчал нечто невнятное и быстро улетучился из коридора. Как видите, он верен себе. Вечно одни и те же жульнические фокусы. И все же — это не тот, кто нам нужен! Не могу не упомянуть и о совместных длительных беседах с мистером Россом и доктором Лофтоном на крайне содержательную тему о лесных разработках в Такоме — в годы юности мистера Росса и теперь. Как я поняла, раньше деревьев в Такоме было намного больше, а бизнесменов намного меньше. От частого повторения слова «древесина» у меня совершенно одеревенели мозги. Остается Тэйт. Тут я потерпела полное поражение: мое очарование на него совершенно не действует. Со мной он неизменно сух и немногословен, так что о нем я пребываю в прежнем неведении. Возможно, он злится на меня за то, что я то и дело забираю у него Марка? А что делать? Марк так молод, а я так прелестна...

Итак, вы убедились, что ни один мужчина группы не был мною проигнорирован. Результат — ноль. Ни горячих следов, ни холодных. Разве что, этот вчерашний случай с Кином...

Мы приближаемся к пассажирскому причалу Адена. Миссис Люс обещала меня сводить там на ужин в свой любимый ресторанчик. Не сомневаюсь, что она будет называть там старшего официанта по имени и спрашивать, как поживают дети и внуки остальных десяти. Она знает всех и повсюду. Мне лично вид Адена напоминает тигель с расплавленным металлом, который кто-то поставил в печь и забыл оттуда убрать. До меня уже долетают первые ароматы Востока. Если они усилятся, то придется закрыть иллюминатор. Правда, миссис Люс утверждает что я непременно их полюблю: когда она припоминает хоть один такой аромат, то тотчас сдает свою виллу в Пасадене, кому-нибудь внаим, а сама мгновенно заказывает билет в очередной восточный круиз. Об ароматах я надеюсь написать вам более

подробно в следующем письме.

Только что ко мне зашла Сэди Минчин, сменившая ради предстоящей высадки гнев на милость. Она спрашивает, много ли в Адене ювелирных лавок. Откуда мне знать! Боюсь, что если дело пойдет теми же темпами и дальше, то ее Максусу придется закупить вдобавок к багажу пару несгораемых сейфов для покупок Сэди... Ах, я сама вижу, что из меня плохой детектив. Не сердитесь на меня! Быть может, в Индийском океане мне повезет на что-нибудь действительно заслуживающее вашего внимания. С уважением —

Памела Поттер.

Дафф показал это послание Хэйли, и он сделал тот же вывод, что и автор письма: детектива из нее действительно не получилось.

— Первый раз в жизни я решил положиться на женскую интуицию, — меланхолично констатировал Дафф, — и был за это наказан. Эти сведения не стоят бумаги, на которой они написаны.

— Несомненно, она очень непосредственна, — попытался утешить приятеля Хэйли. Но тот не пожелал утешиться.

— Что толку в ее непосредственности? Она не настолько непосредственна, чтобы убийца почувствовал при виде ее угрызания совести и признался ей, что это он, к сожалению, задушил ее деда! Мне нужна информация, а не лирика...

— Когда Уэлби собирается к ним присоединиться?

— Еще нескоро, — вздохнул Дафф. Меланхолия все больше овладевала им, и долгое ожидание новых вестей ничуть ее не рассеяло.

Почти каждый вечер он заново изучал маршрут, сообщенный ему доктором Лофтоном. Мысленно он сопровождал группу через Индийский океан в Бомбей, оттуда в Дели и Агру, затем в Лакнау, в Бенарес и далее в Калькутту. Именно из Калькутты он неожиданно получил от Памелы странную телеграмму:

«Если поблизости есть кто-нибудь из ваших друзей, то пусть немедленно встретится со мной. Живу в отеле «Грейт Истерн», вскоре отплываем на пароходе «Малайя» рейсом на Рангун, Пенанг и Сингапур».

Уже на следующий день просьба Памелы была передана резиденту

Скотленд Ярда в Калькутте. Он же должен был продублировать эту телеграмму для Уэлби. Затем наступило долгое молчание. Инспектор молчаливо проклинал тот день и час, когда согласился прибегнуть к помощи девицы, у которой в голове — теперь Дафф в этом нисколько не сомневался — не было ничего кроме ветра.

Когда письмо все же пришло, то на нем уже стоял штемпель Рангуна. Изменив обычной методичности, инспектор с нетерпением разорвал конверт.

Дорогой инспектор! Знаю, что из меня вышел никудышный корреспондент. Несомненно моя телеграмма вызвала у вас сердечный приступ, а последующее отсутствие объяснений — тропическую лихорадку. Что поделаешь, — это вина почты и расстояний. Не могла же я пересказывать вам в телеграмме все! Сами понимаете: таинственный Восток, где повсюду скрываются шпионы, ну, и так далее.

На чем это я остановилась в прошлом письме? Кажется, на нашем прибытии в Аден. Настроение там у всех было так себе. Сами знаете, как это бывает: люди выезжают как одна счастливая семья, а приезжают совершенно чужими. Хотя, наверное, бывает и наоборот. К нам это «наоборот» не относится. Дошло до того, что никто не войдет в комнату или каюту, не посмотрев сначала, нет ли там его «личных врагов».

В этой милой атмосфере мы пересекли Индийский океан, распрощались в Бомбее со вконец опротивевшим нам корытом, добрались враскачку до отеля «Тадж Махал» — и кого же мы там встретили? Несравненного мистера Фенуика с его молчаливой сестрицей. Они, видите ли, решили путешествовать вокруг света сами по себе. Уселись в Неаполе на какой-то чудо-пароход, который плавает вокруг света, не заставляя пассажиров шататься по грешной земле на всяких там поездах и междугородних автобусах — и теперь достойная пара вне себя от счастья. Во всяком случае так нам сказал мистер Фенуик. Мы его супер-лайнер видели потом в порту — действительно, красавец! Мистер Фенуик поинтересовался, много ли у нас было убийств в его отсутствие, а также подробно разъяснил преимущества его способа путешествовать над нашим. Но мы были так рады увидеть хоть одно новое лицо, что охотно простили ему приступ мании величия. Пробыв в Бомбее несколько дней, мы двинулись

через Индию в Калькутту. Добрались мы туда совершенно угнетенные мыслью, что на свете могут быть такие противоестественные сочетания красоты и нищеты как Индия. В Калькутте произошло то, что послужило причиной моей телеграммы.

Утром нашего последнего дня пребывания в Калькутте доктор Лофтон привел нас в ювелирный магазинчик на Чоуринджи-роуд. Полагаю, он получает какой-то процент от продажи, поскольку на эту прогулку он уговаривал нас дня два. Хозяина этого примечательного заведения зовут Имри Исмаил. Когда я очутилась в его магазине, то перестала жаловаться на долгую дорогу по закоулкам: чего только там не было! Таких красивых драгоценностей я еще нигде ни видела. Сапфиры, рубины, бриллианты, топазы! Вас это, вероятно, не интересует, но Сэди Минчин при виде всей этой роскоши просто ошалела. Даже мужественный Макс побледнел при виде покупок жены! Большинство, однако, просто побродило по углам и вышло на улицу дожидаться немногих энтузиастов ювелирного дела. Я на свою беду увидела бриллиантовое кольцо, которое лишило меня остатков силы воли. Заметив это, ко мне тут же прицепился — совершенно, как репей — ужасный субъект с громадными усами и бандитской физиономией. Я уже покачнулась над пропастью, но тут подошел Стюарт Вивиан, который посоветовал мне повременить с окончательным решением. Он заявил, что как человек, понимающий толк в бриллиантах, он не советует мне их брать за такую грабительскую цену. Гнусный пират, увидев прибытие к противнику свежих сил, начал сбавлять цену с поразительной быстротой, после чего доблестный мистер Вивиан разрешил мне закрепить свою победу покупкой. Тут в магазин вошла Ирен Спайсер, которую, видимо, беспокоило столь длительное отсутствие ее кавалера. Она тут же решительно потащила его к выходу. А теперь внимание! Пока пират снимал с моего кольца ценник с первоначальной бесчеловечной суммой, за прилавок прошел другой продавец и начал что-то шептать на своем языке усатому разбойнику. Из потока чужих слов я уловила только два. Но зато какие! Этими словами были «Джим Эверхард»! Клянусь, я не ошиблась! Он выговорил их с четкостью радиодиктора.

Сердце мое упало. Заплатив за кольцо, я спросила у своего

пирата (боюсь — дрожащим голосом): «Вы, значит, тоже знакомы с Джимом Эверхардом?» Только тут я поняла, какую непростительную ошибку совершила! Мне нужно было спросить это не после, а до расчета. Теперь же я интересовала его не больше выброшенного ценника. Он сделал вид, что слышит английскую речь впервые в жизни и выпроводил меня на улицу.

Я размышляла, что же мне теперь делать. Но ничего гениальнее отправки вам телеграммы, к сожалению, на ум не пришло. Во второй половине дня мы прогулялись с Марком Кеннавэем по Райским садам, а оттуда проехали прямо в порт, откуда мы должны были тем же вечером отбыть в Рангун. Было уже довольно поздно, мы поднялись на палубу последними из нашей группы. Почти у самой палубы нас едва не сбил с трапа сбегавший на берег индус, в котором я сразу узнала того продавца из ювелирного магазина, который упоминал о Джиме Эверхарде. Быть может, он к нему и приходил? А, может, просто хотел продать кому-нибудь еще что-то из своих сокровищ?

Когда поздним вечером мы вышли в море, ко мне подошел на прогулочной палубе стюард и сообщил, что меня желает видеть некий его товарищ из каюты номер два. Донельзя удивленная, я последовала за ним и обнаружила в крохотной каютке, предназначенной для обслуживающего персонала, человека, который вначале показался мне несколько странным, но затем завоевал мое полное доверие. Это был сержант Уэлби из вашего криминального отдела. У него ужасно смешной лондонский акцент, но в остальном он произвел на меня редкостно приятное впечатление своей интеллигентностью и дружелюбием.

Я рассказала ему о своем утреннем приключении в ювелирной лавке и о последующей встрече на трапе. К моему удивлению, он знал, о ком я говорю: при отплытии старший стюард уже сообщал ему, что некий индус посетил каюту, где разместились два члена группы Лофтона.

Само собой, мне сразу же захотелось узнать, к кому именно заходил этот индус, но мистер Уэлби только поблагодарил меня за рассказ, который, по его словам, намного облегчал выполнение его задания. Он также поинтересовался, действительно ли мистер Вивиан показался мне знатоком в области бриллиантов. Тут я ничем не могла ему помочь, потому что в нашем присутствии любой мужчина обычно стремится показать себя знатоком во всех

областях, какие только существуют на свете. Мистер Уэлби посмеялся над такого рода наблюдением и дал мне понять, что более не смеет меня задерживать. Перед тем как попрощаться, он сказал мне, что доберется с нами до Гонконга, где уже есть договоренность устроить его стюардом на наше следующее судно. Еще он попросил меня не разговаривать с ним при встрече, только если он сам не заговорит со мной первым. Я отвечала, что никогда не пристаю к незнакомым мужчинам, и на этой шутке мы с ним расстались. С тех пор я его больше не видела.

Так вот мы себе потихоньку и путешествуем, дорогой инспектор. Сейчас стоит жаркая апрельская ночь. Мы уже два дня стоим в Рангуне. Возвращаясь к теме ароматов Востока: теперь я знаю о них все! Эти ароматы состоят из вони узких улочек, забитых отбросами, плюс вонь гниющей на солнце дохлой рыбы, выброшенной прибоем на берег, плюс вонь копры, плюс вонь мази от москитов, плюс вонь слишком большого числа людей, загнанных в слишком маленькие клетушки. И ко всему этому я героически привыкла! С гордо поднятой головой жду прибытия в Китай и Японию — я уверена, что мой нос не сдастся ни перед чем!

Думаю, что теперь напишу вам из Сингапура. Прошу простить мне затянувшееся послание, но зато теперь вы смогли убедиться в моей легкомысленной болтливости! Самые горячие (ох, какие горячие!) пожелания успехов от вашей

Памелы Поттер.

И Даффа, и инспектора это письмо, естественно, заинтересовало намного больше предыдущего.

— Плохо только, что Уэлби, похоже, решил справиться со всем в одиночку, — заметил шеф.

— Быть может, ему пока просто нечего нам сообщить? — предположил Дафф. — Во всяком случае, ничего конкретного? Зная Уэлби, я склонен думать, что он вступит с нами в контакт не ранее, чем будет располагать какими-то точными данными. Девушка ведь могла и дофантазировать знакомое словосочетание «Джим Эверхард» — мало ли в чужом языке похожих сочетаний звуков!

— А почему он спросил ее о Вивиане?

— Возможно, не хочет оставлять без внимания даже случайные

аспекты ее информации? Он ведь у нас всегда был весьма дотошным служакой! Что, если направить в Калькутту телеграмму о снятии показаний у ювелира?

— Подождем. Трудно что-либо предпринимать, пока мы не знаем планов Уэлби. Допросить ювелира недолго, но если он успеет предупредить Эверхарда об опасности? Да и что нам этот допрос даст? Молодчик скажет то же самое, что сказал девушке: он понятия не имеет, о чем идет речь!

Дафф взглянул на расчерченный карманный календарик.

— Сегодня Лофтон прибывает со своей группой в Гонконг. Там недельная стоянка, за которую они также совершат краткий выезд в Гонконг. Ну, я моя бумажная работа закончилась — к сожалению, без особых открытий. Время выезжать в Штаты, а оттуда — в Гонолулу.

— Не сидится на месте? — усмехнулся шеф. — И когда же вы полагаете туда отправляться?

— Хоть сразу же, если найду судно!

Судно нашлось на следующее утро. Каждый оборот винта скоростного трансатлантика звучал музыкой в ушах инспектора, приближая его к решению растянувшейся на полсвета загадки.

В Нью-Йорке он начал с исследования прошлого семьи Хонивудов, но не смог добавить что-либо новое к уже имевшимся у него сообщениям американской полиции. Друзья Сибил и Уолтера знали лишь то, что супруги прибыли в Нью-Йорк лет пятнадцать назад, но откуда — неизвестно. Вообще, у Даффа создалось впечатление, что американцев — в противоположность англичанам — интересует только сегодняшний день. Прошлое для них как бы не существует вообще, и любые вопросы о давно минувших днях вызывают не доуменные взгляды: кому и зачем нужны ушедшие призраки? Такие же взгляды вызвали и показанные Даффом замшевые мешочки — люди явно видели их впервые.

Ключ от сейфа за номером 3260 тоже не принес инспектору ничего, кроме разочарований. С помощью нью-йоркской полиции он установил, что этот номер не совпадает с номерами сейфов Тэйта и Лофтона. А любезный шеф криминального отдела привлек внимание своего британского коллеги к тому факту, что любой американский гражданин может располагать любым количеством сейфов в любых банках страны, а также за ее пределами. — Это несколько расширяет район поиска, не так ли? — с улыбкой заметил он, глядя на вытянувшееся лицо инспектора.

И все же инспектор не собирался опускать рук. Он съездил в недалекий Бостон, где выяснил лишь факт принадлежности Марка

Кеннавэя к весьма почитаемому роду первопоселенцев штата. Питтсфилд тоже не принес Даффу никаких сенсаций — отсутствие Фенуиков ничуть не помешало их немногочисленным знакомым (таким же чванливым и претенциозным, как и сами Фенуики) сообщить инспектору, что эта достойная пара всегда принадлежала и будет принадлежать к цвету питтсфилдского общества. В Акроне Дафф был тут же посажен компаньоном Бенбоу за семейный обеденный стол. В ходе обеда выяснилось, что «парня душевнее и честнее, чем Бенбоу, не сыскать во всех сорока восьми штатах». Кроме того компаньон просил инспектора передать Бенбоу, чтобы тот не вздумал задерживаться во всяких там Китаях, потому что дома дела снова пошли в гору.

Круг знакомых Макса Минчина в Чикаго оказался самым молчаливым из всех, с какими ему пришлось иметь дело. Друзжки знаменитого гангстера улыбались, пожимали плечами, приглашали инспектора почаще бывать в лучшем городе мира (под которым они, разумеется, имели в виду Чикаго) — и только. Не выяснив о прошлом Макса ни единой подробности, Дафф, тем не менее, сумел понять, что отъезд мистера Минчина не вызвал здесь ничьих горьких слез.

Джон Росс пользовался в Такоме всеобщим уважением — и в качестве процветающего торговца деревом, и в качестве завсегдатая наиболее респектабельных деловых клубов. Таким же уважением друзей и знакомых пользовался в Сан-Франциско Стюарт Вивиан, о прошлом которого, однако, никто ничего не знал — точь-в-точь, как и в Нью-Йорке. Вечером того же дня Дафф подвел в номере приморского отеля «Фэрмонт» итоги своего трансамериканского путешествия. Это были очень неутешительные итоги: за исключением Макса Минчина все члены группы Лофтона были у себя на родине вполне достойными и уважаемыми людьми, и за исключением Марка Кеннавэя он по-прежнему ничего не знал об их прошлом. Но как раз Минчин и Кеннавэй представлялись ему наименее вероятными кандидатами в убийцы. Почему — этого инспектор объяснить не мог.

Одного человека из группы Дафф обнаружить вообще не смог. Имя капитана Кина не оставило ни малейших следов на американском континенте! Это было по меньшей мере странно, но и в этом случае инспектор был склонен разделить мнение Памелы Поттер: Кин может быть жуликом, шулером, аферистом, — но Хью Дрейка задушил не он.

Дафф встал и подошел к окну. С верхнего этажа отеля ему были хорошо видны огоньки китайского квартала, освещенные движущиеся островки паромов, силуэты небоскребов на противоположном берегу

залива. Когда-то они любовались всем этим вместе с Чарли Ченом...

В дверь постучал рассыльный, вручивший инспектору телеграмму от начальника. В ней было всего несколько слов.

«Уэлби сообщает из Кобе, что близок к завершению дела. Сдаст вам вашего человека в Гонолулу. Отправляйтесь туда немедленно».

Эти две строки буквально вернули инспектора к жизни. Итак, Уэлби все же преуспел в том, что не удалось ему! Ревности Дафф по-прежнему не ощущал — Скотленд Ярд всегда ставил культ результата несравненно выше культа конкретного исполнителя. Жаль, конечно, что удача опознать убийцу выпала не ему, но вполне возможно, что в следующий раз детективное счастье улыбнется именно Даффу — не это главное. Главное, что убийце не удалось уйти от возмездия.

Два дня спустя Дафф отплыл в Гонолулу на лайнере «Мауи». По его подсчетам, он должен был оказаться на Гавайях приблизительно за двадцать часов до прибытия туда из Иокогамы группы Лофтона.

Вполне достаточно, чтобы встретиться с Чарли, рассказать ему о событиях, которые привели его на край света, вспомнить о добрых старых временах. И затем — сразу к делу! Вернее, к финальной точке в этом деле... Он решил не уведомлять Чарли о своем прибытии — пусть это будет для него полнейшей неожиданностью!

Два дня, прошедшие с отплытия, Дафф наслаждался отличной погодой и отличным самочувствием. Утром третьего дня ему передали из радиорубки узкий продолговатый бланк служебной радиограммы.

«Уэлби убит в Иокогаме. Обнаружен в доках после отплытия группы Лофтона. Эверхард должен быть доставлен в Лондон живым или мертвым».

— Лучше мертвым, — подумал Дафф, представив себе жизнерадостное открытое лицо английского паренька, так мечтавшего открыть тайну мешочков из замшевой кожи.

11. Стук в двери Чарли Чена

Здание городского суда Гонолулу было заполнено народом. Судили трех мужчин — португальца, корейца и филиппинца, — обвиняемых в устройстве азартных игр на улице. На скамье свидетелей восседал флегматичный добродушного вида китаец. На Востоке полнота неизменно пользуется глубоким почтением окружающих; испокон веку влияние любого мандарина была прямо пропорциональна объему его талии. Исходя из этой традиции, мужчину, сидевшего на свидетельской скамье, можно было бы без колебаний отнести к наиболее почитаемым гражданам столицы Гавайев.

— Прошу вас, инспектор Чен, — сказал судья. — Расскажите нам, как было дело.

Свидетель сидел недвижно, как каменное изваяние Будды. Затем узкие щелочки его черных глаз приоткрылись чуточку шире, и он заговорил.

— Иду по аллее Паава. За мной идет практикант Кашимо. Видим толпу у рыбной лавки Халекау. Идем быстрее. Толпа нас боится, толпа немножко разбегается. Перед нами трое обвиняемых. Ругаются недостойными словами, бросают кости, снова ругаются, снова...

— Чарли, ближе к делу, — не сдержал улыбки судья. — То есть, прошу прощения, инспектор Чен, вы очевидно хотели сказать высокому суду, что обвиняемые играли в кости, так?

— К несчастью обвиняемых, именно так, — согласился Чен.

— Что значит, «к несчастью»?! — вскочил с места адвокат. — Свидетель говорит так, словно вина моих подзащитных уже доказана! Я бы просил мистера Чена впредь воздерживаться от подобных комментариев.

— Приношу извинения достойному коллеге, — чуть склонил голову свидетель, — но еще великий Конфуций учил нас: «что неизбежно, то обязательно случится...» — Не обращая внимания на возмущенный адвокатский возглас, Чен продолжал: — Эти трое поднимают глаза вверх. Что они видят? Они видят меня и практиканта Кашимо. Что они делают? Они бросаются наутек. Я бегу за ними. Я их догоняю. И вот они здесь.

— Вы хотите сказать высокому суду, — защитник смерил внушительную фигуру инспектора недоверчивым взглядом, — что ваш почтенный вес не помешал этой погоне?

— Покойный отец говорил мне, — вежливо сообщил свидетель, — что быстрее всегда бежит тот, у кого чистая совесть.

— А что в это время делал практикант? — спросил адвокат.

— То же, что делает обычно. Выполнял мои указания. Он собрал неопровержимые улики преступления. Кости.

— Где же эти неопровержимые улики?

— В кармане полицейского практиканта Кашимо, который... — начал было Чарли Чен, но остановился на полуслове. Кашимо — совсем еще молодой щуплый японец — подбежал к инспектору и принялся что-то горячо шептать ему на ухо. Все с тем же каменным выражением лица инспектор кивнул и снова обратился к суду.

— С печалью вынужден сообщить, что я ошибся. У Кашимо больше нет улик. Он их потерял.

Зал потряс взрыв оглушительного хохота. Улыбался даже лысый судья, призвавший присутствующих ударом молотка к порядку. С трудом скрыв победную усмешку, защитник снова поднялся с места.

— Высокий суд! Вношу предложение о прекращении дела ввиду отсутствия улик преступления. Надеюсь, что даже высокочтимый инспектор Чен не станет вносить протест по столь очевидным оправдательным обстоятельствам.

— Не стану. Кашимо — это очень убедительное обстоятельство, — подтвердил свидетель и с достоинством направился к выходу из зала. В коридоре он увидел понуро сидящего на скамейке Кашимо, взял его за ухо и повел на улицу.

— Ты вновь погрузил меня в озеро позора! — констатировал он, закрыв за собой дверь суда. — Где набраться терпения, когда судьба сводит человека с таким бездельником, как ты?

— Мне очень стыдно, учитель, — прошептал Кашимо.

— Стыд течет из тебя легко, словно вода из крана, — вздохнул Чарли. — Где у тебя украли кости?

Сокрушенный Кашимо признался, что накануне суда зашел в парикмахерскую Кимото и оставил там свой плащ в гардеробе.

— А до этого ты, конечно, похвастался своей ловкостью в сборе улик всем, кто находился в салоне?

— Не всем... — снова залился краской стыда Кашимо. — Только самому Кимото. Но он честный человек, пылинку не украдет. Пока я стригся, одни клиенты входили, другие выходили. Я расплатился, надел плащ, побежал в суд. И только тут обнаружил, что карманы плаща пусты. Мне, правда, очень стыдно, — повторил он.

— Пусть в следующий раз тебе будет стыдно где-нибудь в другом месте. Где-нибудь как можно дальше от меня. Потому что когда ты рядом

со мной, у меня начинается шум в ушах, перед глазами прыгают огненные сверчки, и в результате всего этого я с трудом владею собой.

Не одарив погруженного в безмерное отчаяние Кашимо ни единым словом снисхождения, инспектор Чен завернул за угол и очутился в комиссариате полиции. В конце длинного коридора находился его маленький кабинет — источник величайшей гордости недавнего сержанта. Плотной затворив за собой дверь, он в задумчивости отодвинул бамбуковую оконную штору. Вид полусонной тихой улочки не успокоил его.

Лицо инспектора оставалось так же бесстрастно, но сердце было переполнено едкой горечью утреннего поражения. По сути дела это была кульминация целого года непрерывных неудач. Или это был явный знак судьбы, подсказывавшей инспектору Чену, что его время ловить рыбу окончательно ушло и настало время сушить сети? Да и сама рыба, которую он пытался ловить, была мелкой, недостойной настоящего рыбака. Подвыпившие водители, мелкие шулеры, торговцы самодельным пальмовым ромом — разве это добыча для уважающего себя детектива? Да и о каком уважении можно говорить, если над ним только что хохотал весь зал? А он так любил этот город и этих людей...

Тяжело вздохнув, он уселся за свой рабочий стол. Его поверхность была почти пуста, как это бывает со столами очень старых ветеранов, давно вышедших на пенсию... Что ж, раз он не может гордиться собой, то остается гордиться детьми. Вот Роза — разве она не лучшая студентка своего факультета в далекой Америке?

Чувство горечи снова затопило его. Она — лучшая, а он, ее отец? Неужели все в прошлом?

Осторожный стук в дверь вывел его из задумчивости. Наверное, это Кашимо пришел в сотый раз умолять о прощении. Или, того хуже, шеф решил поинтересоваться, как прошло утреннее заседание суда?

— Войдите, пожалуйста, — сказал инспектор Чен.

Дверь отворилась, и на пороге возникла фигура его старого приятеля — инспектора Скотленд Ярда Даффа.

12. Обед на Панчбоул Хилл

Хоть и говорят, что китайцам в целом и китайским детективам в особенности свойственно умение скрывать чувства, но, очевидно, даже из столь непреложного правила существуют свои исключения: при виде Даффа глаза Чарли Чена расширились, а открывшийся рот свидетельствовал о величайшей степени изумления. Однако, уже в следующую секунду он пришел в себя и, сорвавшись с кресла с кошачьей стремительностью, бросился к двери. Их руки встретились в крепком мужском рукопожатии.

— Инспектор Чен!

— Инспектор Дафф!

— Вот я и приехал, Чарли! Устроил тебе маленький сюрприз, а? Мечтал об этой минуте от самого Сан-Франциско!

— Кажется, боги одолжили мой разум... В переводе на английский это означает, что я совсем ошалел от радости! — Он пододвинул гостю кресло, а сам уселся на стул рядом. С сомнением посмотрел на ладонь. — Если бы не тепло твоей руки, то я бы подумал, что у меня галлюцинации! Чтобы окончательно убедиться в обратном, позволь задать тебе традиционный вопрос: сэр, как вам понравился наш город?

— Гонолулу? — удивился Дафф. — Очень приятное местечко...

— Бурный поток столь неприкрытого энтузиазма убеждает меня, что передо мной действительно мой старый друг, — засмеялся Чен. — Ты, как всегда, предпочитаешь слову действие. И к нам, как я догадываюсь, тебя тоже привели действия, а не слова. Ты не очень похож на тех, кто путешествует от нечего делать!

— Угадал, — развел руками Дафф.

— Надолго?

— Жду «Президента Артура», с которым отплыву назад в Сан-Франциско.

— «Президент Артур» будет в порту только завтра утром. И все равно — это слишком мало. Но я понимаю. Служба есть служба... Подозреваемый находится на «Президенте»?

— Восемь подозреваемых, — вздохнул Дафф. — Причем они непрерывно меняют местопребывание. То в отелях, то на пароходах, то на поездах. Я уже начал чувствовать себя не детективом, а чем-то вроде бродячего туристского агентства Кука. Это дело затянуло меня как тряпина

— и ни дюйма твердой почвы под ногами! Жуткая история. Я тебе все расскажу.

— Готов слушать, даже если рассказ занял бы целую неделю.

— Из письма я понял, что в твоих делах застой?

— Индийского философа, отдохавшего под придорожным деревом ровно двадцать лет, можно по сравнению со мной считать титаном трудолюбия!

— Ну, значит, у тебя найдется время для мудрых советов, — заявил Дафф. — Потому что моя мудрость явно куда-то испарилась.

— Что москит может посоветовать льву? Но сначала скажи мне, в чем подозреваются твои восемь подозреваемых?

— В убийстве. Которое совершено в отеле Брума, в самом центре Лондона, в ночь на седьмое февраля. После этого первого убийства последовала серия других, но мне нужны улики именно этого, лондонского убийства. — Он методично посвятил Чарли Чена во все обстоятельства своего расследования.

Чен умел слушать. Посторонний наблюдатель мог бы даже подумать, что рассказ его совершенно не интересует: он сидел неподвижно, с видом сонного безразличия, на лице его за все время рассказа не дрогнул ни единый мускул. Только сузившиеся черные глаза продолжали внимательно следить за Даффом, словно впитывая каждое его слово.

— А теперь к этому добавилась еще и смерть Уэлби, — завершил свое долгое повествование Дафф. — Паренек, впервые покинувший пределы Лондона, был найден мертвым в доках Иокогамы. Очевидно, он смог, наконец, разгадать тайну Джима Эверхарда и поплатился за это. Но теперь платить по счетам будет преступник. Я заставлю его сделать это, даже если мне придется спуститься за Эверхардом в ад!

— Я всего лишь сторонний слушатель, — сказал Чен, положив руку на плечо друга, — но полностью разделяю твои чувства. И, раз уж мы заговорили о счетах: могу я угостить тебя обедом за свой счет?

— А, может, лучше за мой? — спросил Дафф, слегка сбитый с толку такой резкой сменой темы. — Насколько я понял, ресторан в отеле Янга...

— Хорошо, пусть отель будет твой, — согласился Чен, — но счет будет мой, и никаких дискуссий мы устраивать не станем. Неужели ты преодолел тысячи миль по суше и по морю для того, чтобы угостить меня обедом? Это было бы неслыханным оскорблением традиций гавайского гостеприимства! Одним словом, идем. Ресторан — твой, счет — мой.

— По рукам! Погоди, что если я оставлю свои бумаги в твоём сейфе?

— Конечно! Они будут там в полной безопасности. Надеюсь, что уж

сюда-то твой Джим Эверхард не доберется, — засмеялся Чарли.

С Бетел-стрит они свернули на главную магистраль Гонолулу — Кинг-стрит, где находился отель Янга. Укрывшись от полуденного солнца в прохладном полумраке ресторанный зала, Дафф облегченно вздохнул и поспешил вернуться к своей наболевшей теме.

— Что ты скажешь по поводу этой истории, Чарли? Что тебе подсказывает твой прославленный восточный инстинкт, китайское шестое чувство?

— Оно мне подсказывает, — серьезно ответил Чен, — что ни один суд в мире, включая лондонский, не захочет принять во внимание такой странный довод, как шестое чувство старого китайца. Даже если этот китаец работает в полиции и живет на Гавайских островах!

— Ты прав, друг, — вздохнул Дафф. — Отсутствие конкретных улик и мотивов мучает меня больше всего. Я не сомневаюсь, что рано или поздно доберусь до Эверхарда, но что если я не доберусь до улики? Я могу привести убийцу в суд — и этот суд тут же его оправдает, если я не представлю осязаемых доводов против него. А доводов нет!

— Да, пока я не стану тебе завидовать, — согласился Чарли. — Но тем больше мы порадуемся, когда ты все-таки найдешь эти доводы! Ты ведь разыскиваешь двух людей, не так ли?

— Двух? — от удивления Дафф даже отложил в сторону ложку. — Каких двух?

— Один ваш писатель, которого я очень люблю, написал книжку под названием «Доктор Джекилл и мистер Хайд». Два человека в одном. То же самое мы можем сказать и о Джиме Эверхарде. Сейчас это несомненно весьма почтенный член общества, не нарушающий никаких законов и живущий строго по установленным для всех правилам. Но есть у него и второе, невидимое взору «я», темное, мстительное, порожденное давней враждой. Что вызвало это страшное «я» из прошлого? Почему оно готово убивать, уничтожая тем самым и свое нынешнее «я»? Как только мы поймем это — загадка будет разгадана. Как тебе этот цыпленок?

— Внешность у него весьма аппетитная!

— Внешность обманчива. То есть наши цыплята, как мне кажется, правдивы, но когда завтрашним вечером ты отплывешь вместе с Эверхардом в Сан-Франциско, помни, что мед на устах может быть отравлен ядом в сердце!

— Чрезвычайно полезный совет, — кисло усмехнулся Дафф. До сих пор он не замечал за своим приятелем склонности к чтению морали. Он ждал от него совсем другого. Возможно, жара и безмятежная гавайская

жизнь свели на нет прежнюю проницательность Чарли Чена?

— Если руководствоваться твоей теорией об обманчивой внешности, — заметил Дафф, — то первым отпадает Макс Минчин: ничего хорошего о его внешности не скажешь. В той же компании оказывается и капитан Кин. Что оставляет в числе подозреваемых — не считая руководителя группы Лофтона — людей с безупречной внешностью: Тэйта, Вивиана, Росса и Бенбоу. И Кеннавэя, хотя он слишком молод, чтобы питать застарелую вражду к Хонивудам.

— А Фенуик?

— Что Фенуик?

— Он постоянно кружится вокруг группы, словно ворон в ожидании падали. Собирается оставить Лофтона в Лондоне, но едет дальше. Оставляет его в Ницце, но внезапно возникает из ниоткуда в Сан-Ремо. Снова исчезает, чтобы воскреснуть в отеле «Тадж Махал» в Бомбее.

— Но в Йокогаме-то он не воскресал, — возразил Дафф, подивившись про себя профессиональной памяти китайского детектива. — И в лавке ювелира его тоже не было.

— Откуда такая уверенность?

— Уверенности у меня вообще ни в чем нет, — признал правоту приятеля Дафф, — кроме, пожалуй, того, что убийца принадлежит к мужскому полу. Но почему тебе кажется, что именно Фенуик...

— Я не говорю, что это именно Фенуик. Просто его поведение невольно привлекает внимание. Как ты смотришь на шоколадное мороженое? Подойдет для десерта?

После обеда Чарли Чен вернулся в комиссариат, чтобы с гордостью представить коллегам своего лондонского друга. Дафф произвел должное впечатление на всех, за исключением Кашимо, погрузившегося в пучину беспросветной меланхолии.

— Практикант Кашимо, — пояснил Чен, — мечтает стать таким же профессионалом, как прославленные детективы Скотленд Ярда, но, к несчастью, судьба противится его мечте. Не далее как сегодня утром я позволил себе предположить, что Кашимо нужен полиции примерно так же, как зеркало слепому. Но по зрелом размышлении я все же склоняюсь к мысли, что практикант Кашимо сумеет выстоять в борьбе с судьбой. Он человек упорный, а это много значит, — и он похлопал не верившего своим ушам японца по плечу.

После визита в комиссариат Чарли без ложной скромности вывел из гаража свой новенький лимузин, сверкавший на солнце точно так же, как и счастливое лицо его владельца, и устроил Даффу долгую — почти до

самого вечера — экскурсию по Гонолулу, завершившуюся роскошным ужином в отеле «Ройал Хавайан», где Чарли Чен вновь играл роль гостеприимного хозяина. И хотя это был для инспектора Даффа очень насыщенный и увлекательный день, чувство внутреннего беспокойства по-прежнему не покидало его ни на минуту. Ему казалось, что время движется невыносимо медленно, а завтрашнее утро так никогда и не наступит...

Тем не менее, оно наступило, и ровно в десять Дафф с Чарли Ченом, смешавшись с толпой зевак, наблюдали, как белоснежный корпус «Президента Артура» медленно сближается с набережной. Дафф настоял на присутствии Чарли, чтобы тот смог собственными глазами присмотреться у группы Лофтона — в глубине души инспектор продолжал надеяться на знаменитое шестое чувство китайцев... С лайнера спустили трап, и говорливый туристский ручей начал стекать на берег. Впрочем, там были не одни только туристы: разного калибра дельцы, бледнолицые миссионеры, сгибающиеся в поклонах китайцы, прибывшие навестить родственников, горделивые британские бизнесмены, уверенные в непоколебимой власти своих банков над любым уголком земного шара. Дафф следил за этим людским Вавилоном с жадным нетерпением, Чен — с чисто восточной невозмутимостью.

Наконец, на трапе появился доктор Лофтон в белом тропическом шлеме на голове, за которым потянулась нестройная цепочка американских туристов. Когда Лофтон ступил на набережную, Дафф подошел к нему, протянув руку для рукопожатия. Руку доктор пожал, однако выражение его лица при этом не имело ничего общего с радостью.

— Инспектор Дафф! Каким образом...

Но Даффу уже спешили пожать руку прочие окружившие его американцы — семейство Бенбоу, Минчины, миссис Спайсер и Вивиан, Росс, Кеннавэй и все прочие. Последним руку инспектора пожал Тэйт, выглядевший более усталым и нездоровым, чем когда-либо.

— Поздравляю с возвращением на американскую землю — пусть даже и такую далекую, как Гавайи! — сказал инспектор. — Если позволите, то мне хотелось бы представить всем вам моего доброго старого друга, инспектора здешней полиции Чена. По-моему, он является лучшим офицером следственным отделом всей тихоокеанской части планеты. Говорю это без преувеличений, исходя из опыта нашего бывшего сотрудничества.

— И как долго вы собираетесь пробыть в достойной компании вашего друга? — спросил Вивиан.

— Гораздо меньше, чем мне бы этого хотелось, — ответил Дафф. — Я

должен буду отплыть вместе с вами, если, конечно, никто из вас не имеет что-либо против такого совместного плавания.

— О, напротив, это просто захватывающая перспектива! — с неожиданной язвительностью заявил Вивиан. Шрам на его лбу побагровел, что было особенно заметно в беспощадных лучах гавайского солнца.

— Нас уже ожидает автобус, — вернулся производивший разведку Лофтон. — Мы едем на пляж Ваикики, а прямо оттуда — на обед в отель «Ройял Хавайан».

Взгляд Даффа упал на стоявшую поодаль Памелу Поттер. В простом белом платье девушка выглядела свежей и очаровательной. Увидев в ее глазах немой вопрос, он подошел к ней ближе.

— Путешествия явно идут вам на пользу, — улыбнулся он и вполголоса добавил, — прошу вас не отходить от группы. Увидимся в течение дня.

— Мы должны остановиться в отеле Янга, — быстро проговорила она. — Но, ради Бога, скажите мне, куда исчез...

— Потом, я все расскажу вам потом, — отозвался Дафф, видя, что к нему подходит миссис Люс.

— Честное слово, нам вас все время не доставало, инспектор! Мы объехали почти целый свет, а нас почему-то больше никто не убивает! Я уже начинаю тревожиться! Не останетесь ли вы без работы?

— Не тревожьтесь, — успокоил ее Дафф, — до Сан-Франциско еще немало миль! Возможно, какая-нибудь работенка все же подвернется.

Приглашение Лофтона разделить с ними обед в «Ройал Хафайан» (правда, сделанное без особого энтузиазма) инспектор вежливо, но твердо отклонил.

— Я еще успею надоесть вам на судне, — заметил он.

Помахав вслед отъезжающему автобусу, они с Чарли двинулись в направлении Кинг-стрит.

— Ну, и как тебе понравились мои подопечные? Кто из них более всего подходит в кандидаты на должность убийцы?

— Печать Каина от частого употребления, очевидно, сильно поистерлась, — пожал плечами китаец. — Зато можно было без труда заметить, что при виде тебя никто не разрыдался от восторга. Особенно далек от счастливых слез был доктор Лофтон.

— Я этому не удивляюсь. Никаких приятных воспоминаний у него со мной не связано. Полиция еще никому не делала хорошей рекламы.

Они пообедали снова вместе, только платил теперь Дафф. Потом Чарли отправился на службу, а Дафф вернулся в свой отель, где увидел в

холле миссис Люс и Памелу. Миссис Люс отказалась от экскурсии, поскольку и так знала Гонолулу наизусть, а Памела едва могла дождаться обещанной ей встречи с инспектором.

Дамы выбирали себе на оставшуюся часть дня номера для отдыха «с балконом и ванной попросторнее». Дафф поднялся, спустя несколько минут, в номер Памелы.

— Ну, наконец-то! — приветствовала она его. — Я уж начала бояться, что так вас и не увижу до самого отплытия! Присаживайтесь!

— Сначала несколько вопросов, — кивком поблагодарил инспектор девушку, усаживаясь рядом с ней на низенький диван. — Когда вы в последний раз видели Уэлби?

— А откуда пришло мое последнее письмо?

— Из Рангуна.

— Я писала после этого из Сингапура и Шанхая! И о Уэлби тоже.

— Не получил. Наверное, они все еще догоняют меня.

— Надеюсь, что догонят. Это были просто шедевры эпистолярной прозы! Вы много потеряете, если их не прочтете.

— Обещаю, что прочту от первого слова до последнего. Там было что-то о нашем общем деле?

— Боюсь, что ничего слишком важного. Мистера Уэлби я не видела до самого отхода из Гонконга. На судно он был взят стюардом, под началом которого было около десяти кают, в том числе и моя. По правде говоря, лучшего стюарда я еще не видела! Но это все, что я могу о нем сказать, потому что до Иокогамы он со мной ни о чем не разговаривал.

— А в Иокогаме?

— Там у нас была запланирована экскурсия на целый день, но я так устала от непрерывной беготни, что не выдержала и уже к обеду вернулась на судно. Миссис Люс тоже пошла со мной. Мы...

— Минуточку! А остальные члены группы? Кто-то еще был с вами за обедом на судне?

— Да. Мистер Тэйт. Он плохо себя чувствовал, и вообще не сходил на берег. Кеннавэй, естественно, был с ним. Других я не видела. Хотя, возможно, такие и были, но мне они не попадались.

— Хорошо. Продолжайте, прошу вас.

— Когда я выходила из ресторана, то заметила в пустом коридоре мистера Уэлби. Он кивнул мне. Я прошла за ним на прогулочную палубу, где в этот час никого не было. Встали у поручней, глядя на зажигающиеся огни Иокогамы. И вдруг он сказал: «Мисс Поттер, сегодня я поставил точку. Задание выполнено.» Я спросила, что он имеет в виду. «Я узнал,

кому принадлежит второй ключ под номером 3260», — ответил мистер Уэлби. «Кому?» — почти крикнула я. «Убийце, которого я сдам в Гонолулу инспектору Даффу!» Как я ни умоляла назвать мне его имя, он наотрез отказался. Сказал, что так будет безопаснее для меня самой. Я уже давно заметила, что у него типично старомодный взгляд на женщин, — он уверен, что нам нельзя доверять никаких секретов. Он собирался сойти перед ужином на берег и сообщить обо всем вам телеграммой. После этого на судне я его больше не видела.

— Знаю, — коротко сказал Дафф.

— Знаете? Так он прибыл вместе с вами?

— Нет. Он был найден мертвым в доках вскоре после того, как вы вышли в открытое море.

— Мертвым?!

— Да. — Инспектор не без удивления увидел, как у девушки внезапно хлынули из глаз слезы. Она даже не пыталась их скрыть.

— Боже, да что же это за зверь? Что за выродок? Неужели он так и будет безнаказанно убивать людей? Неужели вы дадите ему снова ускользнуть? Неужели... — рыдания помешали ей говорить.

Инспектор молча встал и подошел к окну. Внизу в лучах вечернего солнца лежал, вытянувшись под стволом пальмы, загорелый до черноты подросток в немыслимых лохмотьях и что-то лениво наигрывал на гитаре. — Быть может, это и есть настоящая жизнь? — устало подумал Дафф. — Никаких забот, никаких трудов, никаких обязанностей?

В дверь постучали. Вошла миссис Люс, сразу заметившая на щеках Памелы мокрые дорожки.

— Милочка, да вы плакали! Что тут у вас произошло? — встревожилась она.

Памела, все еще всхлипывая, рассказала ей о смерти Уэлби.

— Наш маленький стюард с великолепным лондонским акцентом?! — искренне огорчилась старушка. — Из сотен стюардов, с которыми мне довелось на своем веку иметь дело, этот несомненно был самым симпатичным. Во всяком случае лучшего я уже не встречу — чувствую, что в мои семьдесят две года пора и на покой. Разве что в Австралию еще разик съезжу. Или в Китай...

— Но вам никак не дашь семьдесят два! — горячо запротестовал инспектор. — Самое большее — пятьдесят.

— Вы так считаете? — оживилась миссис Люс. — Тогда, возможно, я еще передумаю. Да! Я же еще ни разу не была в Патагонии! Как я могла о ней позабыть?

— Раз уж мы заговорили о путешествиях, — подхватил Дафф, — то не мог бы я предложить прекрасным дамам одно скромное, но я надеюсь, приятное путешествие, которое не отнимет у нас много времени? Мой китайский друг, которого вы видели сегодня на набережной, приглашает нас к себе домой на ужин перед отплытием. Я был бы счастлив слышать ваше согласие.

Прекрасных дам не пришлось уговаривать, и в половине седьмого все трое отправились в такси на Панчбоул Хилл. Вечерняя прохлада овеивала город, словно замерший в золотистом мареве солнечного света, который постепенно ослабевал под натиском громоздившихся на востоке этажей иссиня-черных грозовых туч.

Чарли уже поджидал их на ланаи — аккуратно подстриженной лужайке перед домом. Одетый в свой лучший американский костюм, он выглядел весьма импозантно. Его округлое лицо сияло счастьем.

— Без сомнения сегодня великий день в истории моего рода! — оповестил он вступившую на ланаи троицу. — Судьба послала мне честь принимать в своем недостойном доме не только прославленного друга из Лондона, но и двух его несравненных спутниц из страны, оказавшей гостеприимство моей дочери. Поистине радость моя сегодня не знает границ!

Повторяя традиционные извинения за бедность и убогое убранство своих скромных владений, Чарли с поклонами проводил их в дом, гостиная которого заставила Памелу ахнуть от восхищения: вокруг царственно широкого старинного дивана живописно красовались резные столики, фарфоровые винные кувшины и вазы для цветов, освещенные уютным мягким светом разноцветных китайских фонариков, свисавших с потолка. В гостиной была только одна картина: нарисованная на шелке ветка яблони с сидящей на ней птицей. Памела с интересом взглянула на Чена: вкусу китайского офицера полиции мог бы позавидовать не один американский декоратор.

Потом к ним вышла супруга Чарли, одетая в строгий черный костюм из жесткого шелка, а с ней и несколько старших детей, представленных гостям с надлежащей гордостью и одновременным сожалением о том, что обучающаяся в американском университете Роза не может разделить со всеми счастье этого вечера.

Появившаяся в дверях старая служанка возвестила о чем-то тонким пронзительным голосом, и Чарли пригласил всех в столовую, где компанию уже поджидали шедевры гавайского кулинарного искусства. Вскоре некоторая первоначальная скованность уступила место всеобщему

веселому оживлению, так что в конце концов разговорилась даже немногословная госпожа Чен, сильно стеснявшаяся своего заметного акцента. Гвоздем вечера несомненно были туристские воспоминания миссис Люс, собранные ею со всего света.

— Но самой моей любимой нацией всегда были и останутся китайцы! — безапелляционно заявила она, подводя итог мемуарам.

— Не считая американцев, само собой, — поднял палец Чарли.

— Ничего подобного! Чем больше я живу среди американцев, тем больше хочу переселиться в Китай! Китайцы — это истинные аристократы Востока. Вы можете попасть в Малайю, в Сиам, куда угодно, и всюду китайцы будут принадлежать к самым уважаемым членам любого общества: купцы, банкиры, политики, люди, олицетворяющие богатство и власть. Человечество может по праву гордиться ими!

— Слова уважаемой гостьи — музыка для моих ушей, — улыбнулся счастливый хозяин. — Дочь пишет мне, что на вашей великой родине нас знают в основном по прачечным, но ведь и это скромное занятие тоже требует трудолюбия, чтобы в нем преуспеть, верно?

— Разумеется! — подтвердила миссис Люс. — А когда вы были на своей великой родине, мистер Чен?

— О, еще совсем молодым! Это было давно, очень давно. Но и по сей день у меня осталось в душе впечатление безмятежно спокойной страны.

— Теперь она уже не такая, — вздохнула Памела,

— Да, Китай болен, — согласилась с девушкой старая дама.

— И все же воздержимся от мрачных прогнозов, — заметил Чарли. — Мой отец любил говорить, что тот, кто спешит посылать больному соболезнования, чаще всего умирает раньше его. Такое уже не раз случалось в нашей долгой истории — возможно, случится и еще не раз...

Мощный порыв ветра заставил дом содрогнуться, и вслед за этим во дворе раздался ровный слитный шум хлынувшего ливня.

— Похоже, это надолго, — Чарли опустил бамбуковые шторы, и шум дождя сразу стал глуше.

Дафф взглянул на часы.

— Не хотел бы быть невежливым, старина, но «Президент Артур» отходит в десять, а сейчас уже половина девятого. И уходить от тебя не хочется, и опаздывать на судно мне нельзя, сам понимаешь, так что покажи мне, где у тебя телефон, и я попробую вызвать такси...

— Никаких такси! Конечно, мой «Шевроле» не столь роскошен, как ваши «Роллс-Ройсы», но уверяю тебя, что четыре особы смогут там разместиться с полным комфортом. Даже если это такие солидные особы,

как я! И ни слова о невежливости — я знаю, какой груз лежит у тебя на плечах. Собираемся, и я отвезу всех вас в моей абсолютно водонепроницаемой машине к отелю Янга, а оттуда в порт.

— Это был самый лучший вечер за все путешествие, — призналась Памела Поттер, обнимая зардевшуюся хозяйку дома.

Через несколько минут Чарли уже вез их через залитый потоками воды город к отелю. Погрузив в багажник собственный чемодан и саквояжи обеих женщин, Дафф внезапно хлопнул себя по лбу.

— Ну и болван! Чарли, я же забыл забрать из твоего сейфа свои бумаги!

— Ты забыл, а я нет, — усмехнулся Чарли. — Я как раз собирался заехать в комиссариат по дороге к причалу. Пока ты собираешь свою канцелярию, я отвезу дам на судно, чтобы Лофтон не вздумал заняться их поисками, а затем вернусь за тобой, чтобы выкурить по прощальной трубке. Идет?

— Великолепный план, — признал инспектор.

Сердечно распрощавшись на причале с обеими женщинами, Чарли развернул машину и поехал назад, всматриваясь в дорогу сквозь заливаемое дождем ветровое стекло, по которому с максимальной скоростью скользили маятники обоих «дворников». Поднимаясь в знакомый подъезд комиссариата, он ощутил на сердце странную гнетущую тяжесть. Да, приезд друга был счастливым событием, но завтра вновь потянутся будни, где каждый новый день неотличим от предыдущего... Он миновал приемную, бюро, коридор и открыл дверь собственного кабинета. Там его ожидала вторая неожиданность за последние тридцать шесть часов.

На полу, рядом с креслом, распростерлось тело инспектора Даффа. С возгласом отчаяния Чарли склонился над ним. Лицо лежавшего было смертельно бледным. Опытная рука Чена мгновенно проверила пульс: инспектор еще жил! Одним прыжком Чарли пересек кабинет и набрал номер скорой помощи.

— Срочно машину с врачом в комиссариат полиции! — крикнул он. — Во имя неба, как можно скорее!

Положив трубку, он обратил внимание на то, что окно было распахнуто. За ним в темной аллее шумел ливень. Вероятно, Дафф открыл его, чтобы не сидеть в духоте, и тогда... На столе лежала открытая папка Даффа. Ее содержимое казалось нетронутым, только несколько блокнотных листков, вероятно, сдутых порывом сквозняка, сиротливо лежали у ножки стола. Привлеченный телефонными криками Чарли, в кабинет вошел шеф — и замер на пороге в немом удивлении. В этот момент инспектор

пошевелился. Чарли опустился рядом с ним на колени. Англичанин открыл глаза и увидел над собой лицо своего старого друга.

— Чарли, — прошептал он, — продолжай то, что мне не... Продолжай, — повторил он и снова потерял сознание.

Чен встал и начал аккуратно собирать в папку лежавшие на полу листки.

13. Из Гонолулу в Сан-Франциско

Шеф все с тем же изумлением продолжал смотреть на происходящее.

— Что все это значит, Чарли? — наконец, спросил он.

— Выстрел, вероятно, был произведен из аллеи, — Чарли указал на полуоткрытое окно. — Пуля в спину. Плохо. Вчера инспектор Дафф приезжает в наш тихий, спокойный город, чтобы искать убийцу, а сегодня убийца сам находит его.

— Покушение на убийство в нашем комиссариате полиции! — шеф был совершенно ошеломлен. — Неслыханная наглость!

— Более того, — уточнил Чарли. — Инспектора Скотленд Ярда ранили в моем собственном кабинете, которым я так гордился. Я не смогу больше работать здесь, пока тот человек не будет найден.

— Ну, это уже предрассудки, — не согласился шеф. Ничего не ответив, Чарли сложил все подобранные листки в папку и туго завязал ее шнурок. — Что ты намерен предпринять, Чарли?

— То, что завещал мне мой друг. Буду продолжать. Сегодня же я буду на борту «Президента Артура».

Подъехала машина скорой помощи. Санитары бережно уложили Даффа на носилки, пока шеф набирал номер лучшего хирурга Гонолулу Джереми Лэнга. Тот оказался дома и обещал прибыть в клинику еще до того, как «скорая» привезет туда раненого. В свою очередь Чарли связался с сыном.

— Это ты, Генри? Мне повезло, сегодня ты дома раньше обычного. Хороший знак будущей удачи. Слушай внимательно. Через час я отплываю на континент. Собери мне в дорогу чемодан. Да, все как обычно. Решешь сам, что отцу может понадобиться в плавании. Забирай чемодан в свою машину, забирай мать и подъезжай к трапу «Президента Артура». Не расспрашивай ни о чем — у нас почти нет времени. Судно отходит в десять. Я буду ждать.

Положив трубку, Чарли обнаружил, что шеф с сомнением покачивает головой.

— Чарли, ты достаточно хорошо все обдумал? — Чен молча кивнул. — А как я объясню твой отъезд в полицейском управлении?

— Можете объяснить его моей просьбой об отставке.

— Этим я объяснять ничего не собираюсь. Ладно с начальством мы как-нибудь уладим. Скажем так: отпуск по служебным обстоятельствам.

Но... Не проще ли оставить это дело тому, кто им занимался с самого начала — Скотленд Ярду? А тебе хватает работы и тут!

— Ловить мелких шулеров и карманников? Это не работа.

— Разве это плохо, если жизнь спокойна?

— Хорошо. Но сегодня она для меня кончилась. — Чен подошел к сейфу и выгреб с его верхней полки тоненькую пачку банкнот. — Те двести долларов, которые у меня были на служебные расходы, я забираю с собой. Отчитаюсь, когда вернусь. А если вам удастся выслать телеграфом в Сан-Франциско еще немного, то я смогу вернуться домой без промедления. Считайте их моими отпускными — или просто долгом, который я верну сразу, как только сойду на берег. Сейчас я заеду в клинику, а оттуда в порт. Пожелайте мне удачи!

— Еще нет. Я увижу тебя у причала.

Засунув подмышку папку с бумагами Даффа, Чен прошел в машину и, разбрызгивая лужи, на полной скорости помчался в направлении клиники. По дороге ему повезло: поднявший руку мужчина в морской форме оказался пассажирским помощником с «Президента Артура» Гарри Линчем. По дороге он объяснил моряку, что произошло. Попытка убийства инспектора Скотленд Ярда не оставила Линча равнодушным.

— У капитана была радиограмма из Лондона о том, что мистер Дафф должен прибыть на наше судно в Гонолулу, — подтвердил он. — А история с Уэлби была для всех нас настоящим шоком, такого с нашими стюардами никогда не случалось! И вот теперь инспектор...

Впрочем, капитан ничего не будет иметь против смены английского офицера полиции на гавайского. Легкой работы вам ждать, конечно, не приходится, но я думаю, что вы с ней справитесь. Об успехах инспектора Чена мне доводилось до сих пор читать только в газетах, буду рад присутствовать при очередном успехе лично!

— Боюсь, что времена моих успехов скрыты завесой многих неудач, — откровенно признался Чарли. — Но тем приятнее встретить людей, чей взор еще прорывает сквозь эту завесу!

— И чьи обязанности на борту, — весело подхватил моряк, — позволят предоставить вам самую удобную из всех свободных кают.

«Шевроле» затормозил у клиники. Снедаемый тревогой, Чен поднялся к операционной, откуда вскоре вышел доктор Лэнг.

— К счастью, пуля попала в ребро, — сообщил он, — так что у вашего британского коллеги есть все шансы благополучно выкарабкаться из этой маленькой неприятности. Уверен, что операция будет удачной. Но если бы не это ребро — моя помощь могла бы уже не понадобиться.

— Не мог бы я его увидеть, хотя бы на минуту-другую? — робко спросил Чен. — Через полчаса мне придется оставить Гонолулу, и, возможно, довольно надолго...

— Ладно, — снизошел доктор, — пройдемте в операционную. — У него бред, так что вряд ли вам удастся поговорить с ним...

— Инспектор, — с расстановкой сказал Чен, когда они с Лэнгом остановились у каталки, на которой лежал укрытый простыней Дафф. — Инспектор, вы узнали того, кто стрелял в вас? Кто это был?

— Тэйт, — тихо, но совершенно явственно выговорил Дафф. — И Фенуик. Где теперь Фенуик? Потом идет Вивиан. И Росс. Кин...

Напрягшийся было Чарли вздохнул: его друг просто повторял в бреду имена подозреваемых одно за другим...

— Наверное, лучше не беспокоить его, — сказал хирург.

— Да, вы правы. Но когда он придет в себя, то передайте ему, что Чарли Чен продолжает! И пусть он будет уверен: убийца от меня не уйдет. Клянусь.

— Ну, а мы клянемся вам, — серьезно сказал Лэнг, — что к вашему возвращению ваш коллега сможет ответить на любые вопросы, какие только вы пожелаете ему задать!

Без четверти десять «Шевроле» Чена остановился у ярко освещенного трапа «Президента Артура». Чарли вышел из машины и сразу увидел жену со старшим сыном.

— Там все ваши любимые рубашки, — миссис Чен передала супругу чемодан. — Опять вы в пути. И опять так внезапно. Я боюсь за вас.

— У дороги судьбы нет окольных тропинок, — мягко привлек ее к себе Чарли, — так говорил отец, и мы с тобой всегда умели понимать его. Так, как ты понимаешь меня теперь.

— Если будет время, то навестите Розу. Скажите ей, что не было дня и часа, чтобы я не вспомнила ее.

Послышался визг тормозов. Чарли обернулся и увидел бегущего к нему шефа.

— Вот, это тебе, — он протянул ему пухлый сверток десяти- и двадцатидолларовых банкнот. — Все, что успели насобирать в управлении. И за деньгами на обратный путь дело не станет. Ребята считают, что затронута честь полиции Гонолулу, то за дело надо браться всерьез. Чарли, мы рассчитываем на тебя! Твой друг успел тебе что-то рассказать?

— Он еще не приходил в сознание. Поэтому я не знаю, с чего начать...

— Начните с меня, учитель! — внезапно услышал он рядом знакомый тенорок.

— Кашимо? И ты пришел со мной попрощаться?

— Не попрощаться, учитель, нет. Я принес вам... эту... а, информацию!

— Информацию? Ты все-таки узнал, кто украл у тебя из плаща кости?

— Я шел в комиссариат на ночную практику. Выстрела я не слышал. Был дождь, была гроза. Но я видел, как из аллеи, что под окном вашего кабинета, вышел человек. Высокий. В плаще с капюшоном. Я тогда не подумал ничего плохого, но я его запомнил.

— Ты видел его лицо?

— Лица не видел, учитель. Лицо не нужно. Он хромал, вот так, — Кашимо весьма похоже изобразил ковыляющую походку незнакомца. — И у него была трость. Темная трость.

— Ты не представляешь, Кашимо, как я тебе обязан, — тихо сказал Чен, полузакрыв глаза. — Ты еще будешь полицейским, теперь я знаю. Ты быстро учишься.

— Я буду еще быстрее, — заверил его ошарашенный Кашимо.

Ожила судовая трансляция, предложив всем провожающим покинуть «Президент Артур». Чарли попрощался с женой, крепко пожал руку сына, — и в этот момент Кашимо внезапно разразился потоком быстрых умоляющих слов, обращенных к шефу комиссариата. Шеф успел разобрать из них только последние:

— Учитель говорил, что у меня талант к обыскам! Я обещаю для него весь пароход до самого дна и найду все, что учителю потребуется!

— Ага, — наконец, понял шеф. — Очевидно, практикант Кашимо непременно хочет проходить практику только в твоей компании, Чарли. Что ты на это скажешь?

— Сынок, — наставительно сказал Чарли, — подумай сам, что будет с нашим бедным Гонолулу, если из него одновременно исчезнут два таких специалиста по розыску, как мы с тобой? Волна преступности сметет его с лица земли! Поэтому не торопись отправляться в море. Тебе еще есть чему поучиться на берегу.

К удивлению Чена практикант не стал с ним спорить, наскоро распрощался и исчез в толпе сошедших на причал провожающих.

На палубу «Президента Артура» Чарли Чен поднялся в числе последних. Послышался лязг поднимаемой якорной цепи, и буксиры начали медленно отводить лайнер от причала. Мерно заработала машина парохода, и вскоре удаляющуюся группу людей поглотил мрак тропической ночи. По правому борту проплыла многоцветная цепочка огней пляжа Ваикики. Чарли неоднократно любовался ею со своей ланаи, но со стороны

моря увидел ночью впервые.

Судно набрало скорость, и посвежевший ветерок заставил Чарли зябко поежиться. Гавайи остались за кормой, — теперь он находился совсем в ином мире, маленьком и враждебном, где ему предстояло вступить в схватку с безжалостным противником. С противником, который до сих пор успешно убирал со своего пути всех, кто ему мешал, от почти беспомощного глухого старика до инспектора Скотленд Ярда. Теперь на пути убийцы в полном одиночестве встать ему...

Кто-то осторожно коснулся его плеча, и Чарли Чен резко обернулся.

— Кашимо?

— Учитель, это я! — практикант с виноватой улыбкой склонился в глубоком поклоне.

— Где ты взял денег на билет?

— Откуда у Кашимо деньги, учитель? Кашимо едет просто так.

— Просто так — означает зайцем. Плавать умеешь?

— Нет, учитель. Я сразу утону.

— Жаль, — вздохнул Чарли. — Мой покойный отец говорил, что человек, который умеет улыбаться под самыми тяжкими ударами судьбы, непременно будет вознагражден богами. Ты понял?

— Да, учитель.

— А теперь внимательно смотри: я попробую улыбнуться!

14. Трость черного дерева

Уже в следующее мгновение Кашимо с облегчением перевел дух: сила воли, очевидно, одержала полный триумф во внутренней борьбе, терзавшей Чарли Чена, и лицо инспектора осветила широкая искренняя улыбка.

— Ты не должен сердиться на меня, сынок, за первоначальное желание как можно скорее выкинуть тебя за борт. Просто у меня перед глазами слишком живо возникла вчерашняя сцена в суде. И я подумал, что второй такой сцены мне уже не перенести. Особенно если она разыграется на глазах у сотен туристов со всего света. Поэтому ты уж постарайся, чтобы этого не произошло, сынок, ладно?

— Я понял, учитель!

— А раз понял, то будем считать, что здесь мы заняты одним делом. Было бы неразумно отказываться от помощи человека, который сочетает талант к обыскам с талантом столь бесшумно подкрадываться!

— Просто вы очень задумались, учитель.

В осветившемся прямоугольнике двери возникла фигура пассажирского помощника.

— Инспектор Чен, я сдержал слово: лучшая из свободных кают в полном вашем распоряжении, так что можете брать чемодан и... — взгляд его остановился на Кашимо. — А... А это кто?

— Позвольте представить вам мистера Кашимо, сотрудника комиссариата полиции. Один из самых способных наших людей. Я надеюсь, что у вас найдется местечко и ему? Его подключили к операции в последний момент.

— Подключили к операции? — озадачился помощник. — Так он тоже плывет в качестве пассажира?

— Мистер Кашимо специализируется на негласных ревизиях, — внушительно произнес Чарли, — поэтому будет лучше, если мы дадим ему возможность действовать самостоятельно, — ну, скажем, предоставив ему временную работу уборщика кают, стюарда, рассыльного, на худой конец. В отличие от меня он будет действовать инкогнито.

— Прекрасно! — лицо помощника просветлело. — На «Артуре» действительно не хватает уборщика в палубных каютах первого класса, так как он списался у вас на берег. Проблем с работой, таким образом, не будет.

— А у вас не будет проблем с мистером Кашимо, — заверил его Чарли. — Работа всегда была у него на первом месте. Ночевать он пока может у

меня в каюте.

— Я предупрежу старшего стюарда, утром он познакомит вас с вашими обязанностями на судне. Главное, чтобы они не вступили в противоречие с вашими, так сказать, профессиональными обязанностями. Понимая всю сложность вашего задания, я все же не могу допустить, чтобы ваши э-ээ... ревизии вызвали какие-либо скандалы. Этого компания не может себе позволить.

— Скандалов не будет, — успокоил его Чарли, хотя про себя он вовсе не был в этом так уж уверен.

Проводив инспектора и Кашимо в каюту, помощник добавил, что капитан просил инспектора утром зайти к нему, и удалился.

Каюта оказалась просторной и уютной. Чарли подумал, что в таком месте, должно быть, хорошо думается. Именно этим ему и предстоит заниматься в ближайшие шесть суток.

— Я скоро вернусь, — сказал он Кашимо и вышел.

Поднявшись по пустынным трапам на верхний мостик, он постучал в радиорубку. Через несколько минут с «Президента Артура» в адрес комиссариата полиции ушла радиограмма:

«Если вас огорчит отсутствие Кашимо, то знайте, что его присутствие радует меня.»

— Ну вот, я сообщил шефу, что ты присоединился к операции, — сказал он Кашимо, вернувшись в каюту. — Все устроилось наилучшим образом: тебе не придется платить за билет, а мне не придется ломать себе голову над одним деликатным вопросом.

— Над каким, учитель? — живо заинтересовался практикант.

— Оставим его на завтра.

— Значит, сегодня можно спать, — обрадовался Кашимо.

Чарли одолжил ему одну из двух своих пижам, в глубинах которой щуплый практикант превратился в совершеннейшего невидимку.

— У меня такое чувство, словно эта пижама ходит сама собой, — заметил Чен при виде Кашимо, направляющегося из ванной к дивану.

— Мне все равно, в чем я сплю, учитель, — возразил Кашимо и, пожелав инспектору доброй ночи, мгновенно доказал справедливость своего утверждения на деле.

Чен включил настольную лампу, разложил на столе содержимое папки Даффа и приступил к внимательному чтению. В его воображении, словно в некоем прокручиваемом в обратную сторону фильме, вновь возникли

улочки Бомбея, отели средиземноморской Ривьеры, окутанный туманом Лондон. Обо всем этом он уже слышал от своего друга — но друга в равной степени интересовали все члены группы Лофтона, а Чарли Чена — только один из них.

— Росс... — прошептал он, закончив чтение. — Все время где-то на третьем плане, спокойно хромает себе по всем этим листкам, донесениям и письмам... Похоже, что у Скотленд Ярда он не вызвал каких-то особых подозрений. Да и у меня тоже — если бы не Кашимо... Что ж, практикант, придется нам с тобой заняться этим специалистом по лесному делу.

В ответ Кашимо громко всхрипнул и окончательно исчез в недрах необъятной пижамы своего учителя.

Утром инспектор разбудил своего нежданного сотрудника ровно в половине седьмого. Судя по превосходному настроению, Кашимо видел только счастливые сны. Перед тем, как отправить его на инструктаж к старшему стюарду, Чарли посвятил практиканта в суть «деликатного вопроса».

— Мне нужен ключ от сейфа, Кашимо. С номером 3260. Если он уже не на дне океана, то он в каюте у одного из этих людей, — инспектор вручил Кашимо список мужской части группы Лофтона, — но учти, что излишнее рвение в поисках может нам только навредить. Поэтому лучше не торопись и проявляй свои способности лишь тогда, когда ты будешь уверен в полной безопасности. Все результаты своих поисков будешь сообщать мне только здесь, после работы, — о нашем с тобой сотрудничестве пока никто не должен знать.

— Понял вас, учитель, — коротко ответил практикант и вышел.

День обещал быть чудесным. Сквозь открытые иллюминаторы в каюту врывался напоенный солью бриз, на небе не было ни облачка, покрытое солнечной рябью море то тут, то там перечеркивалось сияющими молниями летучих рыб. Когда Чарли закончил бритье, в дверь постучали, и рассыльный передал ему только что полученную на мостике радиogramму:

«Операция прошла успешно, самочувствие пациента хорошее, примите искренние соболезнования всего комиссариата по поводу Кашимо».

Чарли усмехнулся и в превосходном настроении вышел на кормовую палубу. Несмотря на ранний час он встретил там двух пассажиров, очевидно, совершавших свой утренний моцион. Это была Памела Поттер и Марк Кеннавэй. При виде инспектора глаза девушки широко раскрылись.

— Мистер Чен?! Что вы здесь делаете?

— То же, что и вы — наслаждаюсь прекрасной погодой!

— Я не подозревала, что вы тоже отправитесь в Сан-Франциско...

— Я тоже не подозревал об этом до вчерашнего вечера, когда мне внезапно пришлось заменить инспектора Даффа.

— Заменить? — Девушка вздрогнула. — Вы имеете в виду, что его...

— Всего лишь ранили, мисс Поттер. Но он жив и поправляется, — в нескольких словах Чарли изложил последовательность вечерних событий.

— Неужели у этого никогда не будет конца? — со страхом прошептала девушка.

— То, что однажды началось, обязательно однажды кончится, — спокойно ответил Чарли. — Мне только жаль, что вчерашний вечер, который так хорошо начался, завершился так трагически.

— Да, я как раз рассказывала Марку о вашем доме и о вашей замечательной семье. Пусть завидует, что его не пригласили — у них в Бостоне все просто помешаны на аристократических приемах!

— О, я бы считал для себя величайшей честью видеть в своем доме мистера Кеннавэя! Я с удовольствием порасспросил бы его о Бостоне, в котором, увы, никогда не бывал, и о котором слышал множество лестных отзывов. Но не буду мешать вам продолжать утренний променад. Поскольку мой друг представил меня всем вам вчера, если можно так выразиться, в официальном качестве, то думаю, что нет смысла скрывать от членов вашей группы цель моего пребывания на «Президенте Артуре». Я полагаю, что будет уместным сообща поговорить со всеми об этой цели и о том, что произошло вчера вечером.

— Всюду одно и то же, — хмыкнул Марк. — На протяжении всего пути нас собирают, допрашивают, отпускают, а затем все в том же порядке повторяется в очередной гостинице сначала... Но с вами, я думаю, все встретятся с удовольствием: по крайней мере новое лицо.

— Благодарю вас, — поклонился Чен. — Хотя я подключаюсь к следствию в последний момент, и к тому же столь необычным способом, но у нас в Китае есть старинная поговорка: «Черепашка, которая вползает через заднюю дверь, попадает к столу первой».

— Быть может, в виде супа? — предположил Марк.

— Старинные поговорки следует понимать только в их философском смысле, — рассмеялся инспектор, — а пока что самое время заняться исследованием здешней кухни в самом прямом кулинарном смысле. До встречи после завтрака!

Судовая кухня пришлась Чарли вполне по вкусу — как в части

качества, так и в части количества блюд. После обильного завтрака он направился к выходу из ресторана, задержавшись у крайнего столика, за которым сидел доктор Лофтон.

— Доброе утро, уважаемый доктор! Могу я надеяться, что вы еще не успели меня забыть?

Мало кто мог смотреть на улыбающегося Чарли Чена без ответной улыбки, но, очевидно, доктор Лофтон принадлежал именно к таким исключениям.

— Вы, кажется, из полиции?

— Да. Инспектор Чен из полиции города Гонолулу. Позвольте присесть на минутку за ваш столик?

— Прошу, — буркнул Лофтон. — Только не упрекайте меня в отсутствии энтузиазма по поводу нашей встречи. Беседами с полицией я уже сыт по горло. Вы путешествуете вместе с инспектором Даффом, как я догадываюсь?

— Вы не знаете о том, что с ним произошло вчера вечером?

— А откуда бы я мог об этом знать? Под моей опекой целая дюжина людей, которые занимают все мое время и платят мне за это. Поэтому на разные сплетни и слухи у меня не остается ни минуты. И что же стряслось с вашим приятелем? Тоже был убит?

— Еще нет. — Не отрывая взгляда от лица доктора, Чен сообщил ему о покушении на Даффа. На бородатой физиономии Лофтона он не увидел и тени сочувствия.

— Значит, теперь он надолго успокоится, — хладнокровно констатировал Лофтон, когда Чарли кончил. — И что дальше?

— Дальше продолжать буду я, — твердо ответил Чарли.

— Вы?! — с откровенным пренебрежением изумился Лофтон.

— А почему бы нет?

— Ох, действительно, почему бы нет? Ради Бога простите мою невежливость. В последние месяцы нервы совсем сдали... Скорее бы уже дойти до Сан-Франциско и покончить со всем этим проклятым туризмом раз и навсегда...

— Это ваше личное дело, — не согласился Чарли, — но не может быть личным делом помощь в распознавании убийцы, который осчастливил нас всех участием в вашем туре вокруг света! Поэтому прошу вас собрать всех своих подопечных в салоне, в десять.

— Опять?! — выкрикнул доктор в ярости. — Да когда же в конце концов все это прекратится?

— Постараюсь, чтобы это прекратилось как можно скорее.

— Я говорю не о том, что вы имеете в виду! Сколько я еще могу собирать туристов на ваши допросы, которые всегда оканчиваются ничем? До сих пор от них не было никакого толку. И не будет, если вас интересует мое мнение.

— А если бы толк все же был, вас бы это сильно огорчило?

— Сильно! — Лофтон и не думал скрывать свою враждебность. — Уж если я решил кончать с туризмом, то предпочитаю сделать это без шума и огласки. Меня вполне поэтому устроит, если ваше бесконечное следствие умрет естественной смертью. Как видите, я с вами абсолютно откровенен.

— Глубоко вам за это признателен, уважаемый доктор, — встал из-за столика Чен.

— Группу я соберу, но помимо этого прошу не ожидать от меня какой-либо иной помощи.

— Ожидание без надежды — это пустая трата времени, говорят у нас в Китае, — вздохнул Чарли.

— Правильно говорят, — бросил Лофтон и, не допив кофе, решительно пошел к двери.

На капитанском мостике инспектора ждал гораздо более сердечный прием. Старый морской волк принял все рассказанное Чарли весьма близко к сердцу.

— Можете рассчитывать на мою помощь! — заявил он. — Но прошу вас учесть, что любые ошибки с вашей стороны должны быть исключены. Если я приму участие в аресте невинного человека, то компанию затаскают по судам, и это окончится для нее полным банкротством. Я знаю немало таких случаев.

— Человек, который командует таким пароходом, как этот, должен быть всегда уверен в справедливости своих действий. Справедливость всегда оставалась самой важной вещью и в моей жизни. Мы понимаем друг друга. Я буду очень осторожен.

— А я и не сомневаюсь, — усмехнулся капитан. — За те десять лет, что я плаваю в этих водах, я не раз слышал о вашей работе. Причем только хорошее. Доверяю вам во всем и надеюсь, что вы не обиделись на мое упоминание об интересах компании. В ее интересах было бы вообще арестовывать преступника не здесь, а где-нибудь в Сан-Франциско, подальше от борта «Президента Артура». Но я лично ничего не буду иметь против, даже если вы арестуете его прямо у меня на мостике!

— Благодарю за такой оптимизм! — улыбнулся Чарли. — Так или иначе, справедливость обязательно восторжествует!

— Желаю вам в этом всяческих удач! — капитан крепко пожал

инспектору руку.

Чарли вернулся на прогулочную палубу, повстречав по дороге Кашимо в новенькой белоснежной униформе с золотыми пуговицами, которая была бы ему весьма к лицу, если бы не была пошита по крайней мере на двух Кашимо. Кашимо прошел вниз, даже не взглянув в сторону инспектора.

— А ваша приятельница, миссис Люс еще не встала? — поинтересовался инспектор у расположившейся в шезлонге Памелы Поттер.

— Думаю, что нет. Она говорит, что на море ей всегда спится особенно сладко. Вы хотели с ней поговорить?

— Конечно. Она произвела на меня впечатление очень наблюдательной и остроумной собеседницы. А пока с вашего позволения я возьмусь за вас. Вчера вечером я привез вас на причал около девяти. Кого из членов группы вы видели до того, как отправились к себе в каюту?

— Да, пожалуй, почти всех... Дело в том, что в каюте было очень душно, и мы с миссис Люс почти сразу же вернулись на палубу. Мы как раз стояли у релинга, совсем рядом с трапом. Первыми на судно поднялись с берега Минчины, и Сэди сразу бросилась как обычно показывать мне свои покупки. Гвоздем ее набегов на магазины было на сей раз укулеле, которое она собирается подарить сыну. Не могу себе представить, зачем кадету военного колледжа укулеле?! Потом мимо прошел Марк, но он сразу отправился в каюту к своему патрону, думая, что тот попросит его что-нибудь почитать перед сном. Марк ему всегда читает по вечерам, вы, вероятно, знаете. За Марком с берега вернулись Бенбоу, с целой коробкой наконец-то проявленных кассет. Элмер был по этому случаю на верху блаженства. Вот, кажется, и все... Да, через пару минут вернулся Марк. Сказал, что мистеру Тэйту нездоровится и ему не до чтения. Он после обеда вообще не сходил на берег.

— Вы уверены, что не пропустили никого?

— Сейчас подумаю... О, конечно, был еще мистер Росс. Он вернулся на пароход одним из первых — я еще подумала, что он изрядно устал, потому что хромал сильнее обычного.

— В каком часу это было?

— Приблизительно в четверть десятого. Миссис Люс окликнула его, но он, не оборачиваясь, проковылял дальше. Нас это удивило, потому что он всегда был образцом вежливости. И он так стучал своей палкой!

— Такая трость есть только у него одного?

— Что вы, инспектор, — засмеялась девушка. — Мы ведь три дня пробыли в Сингапуре. И нас не выпустили бы оттуда живыми, если бы все

наши мужчины не купили себе по примерно одинаковой трости черного дерева.

— В таком случае откуда вам известно, что мимо вас прошел мистер Росс?

— Он хромал!

— Чтобы воспроизвести этот недостаток, не требуется быть великим актером. Подумайте хорошенько: какие еще особые приметы могли быть у мистера Росса?

— Гм... — девушка надолго погрузилась в молчание. — Кажется, я тоже понемножку становлюсь детективом: у всех палок, купленных в Сингапуре, были металлические наконечники. А на трости мистера Росса наконечник из толстой резины, чтобы не производить при ходьбе шума.

— Но вы говорите, что этот хромой человек сильно стучал!

— Да, но стук был мягкий, глухой! У металлического наконечника при соприкосновении с металлом трапа звук был бы звонким и резким. Значит, это был действительно мистер Росс! Ну, что, выйдет из меня детектив? О, смотрите, вот к нам приближается живая улика! Доброе утро, мистер Росс!

— Доброе утро, Памела! Доброе утро, сэр! — хромая, лесоторговец прошел мимо них и скрылся за углом надстройки. Девушка ошеломленно посмотрела на инспектора: трость Росса издавала ярко выраженный металлический звук и на конце ее посверкивал на солнце высокий никелированный стаканчик.

— Ничего не понимаю, — растерянно сказала Памела.

— Что же тут непонятного? У трости мистера Росса имеется металлический наконечник, только и всего!

— А где же в таком случае резиновый?

— Вот это и впрямь загадка. Но не огорчайтесь: я с детства любил разгадывать трудные загадки.

15. Наклейка отеля «Грейт Истерн»

За несколько минут до десяти к инспектору подошел Лофтон, отнюдь не утративший смертельно оскорбленного выражения лица.

— Мои люди собрались в курительном салоне, — сообщил он. — В этот час там никого кроме нас не будет. Возможно, застоявшийся запах сигаретного дыма не слишком приятен, но тем больше шансов, что наша встреча не затянется. Предлагаю начать ее прямо сейчас. Уверяю вас, что удерживать всю группу в полном составе на одном месте — занятие не из легких.

Чарли обратился к Памеле Поттер:

— Вы, надеюсь, тоже идете с нами?

По дороге в салон он спросил Лофтона:

— В салоне собрались абсолютно все?

— За исключением миссис Люс, — кивнул Лофтон. — В море она предпочитает сон завтраку. Но если это так уж крайне необходимо, я могу ее разбудить...

— Ни в коем случае! Мне точно известно, где миссис Люс провела вчерашний вечер. На ужине у меня дома.

— У вас? — изумился доктор Лофтон.

— Вы тоже были бы моим желанным гостем, — усмехнулся Чарли.

Запах в салоне действительно напоминал о великом множестве выкуренных здесь сигарет. Тем не менее все собравшиеся смотрели на Чарли с явным любопытством, не проявляя никаких признаков раздражения.

— Рад снова видеть всех вас столь прекрасным утром, — обратился к туристам Чарли. — Говоря по правде, я не думал, что нам придется встретиться еще раз. Точно так же, как вы, вероятно, не думали опять встретиться со мной. Поверьте, что я вынужден навязывать вам свою компанию лишь с величайшей неохотой. На моем месте должен был находиться инспектор Дафф, но вчера вечером на него было совершено покушение. К счастью, судьба хранила его, и рана оказалась несмертельной. Не исключено, что он еще сможет подключиться к расследованию. Но пока заменить его придется тому, кто не обладает ни опытом, ни знаниями моего прославленного друга. То есть мне, — улыбнувшись, он опустился в глубокое кресло у самого выхода. — Прежде всего мне нужна доскональная информация о том, где каждый из вас

провел вчерашний вечер. Точнее, время между восемью часами и отплытием. Прошу прощения, что напоминаю вам об этом, но любая попытка скрыть правду может иметь тяжелые последствия. Ибо в Гонолулу привыкли очень серьезно относиться к посягательствам на жизнь офицеров полиции, тем более если эти офицеры одновременно являются иностранными гражданами.

— А какое отношение полиция Гонолулу имеет к нам? — с ленивым пренебрежением спросил Тэйт. — Вы не имеете права допрашивать американских подданных в отсутствие нашего консула!

— С точки зрения международной практики Гавайи действительно не подпадают под общую юрисдикцию американского права, — согласился Чен, — но та же международная практика четко определяет главенствующую роль капитанов при рассмотрении любых правовых коллизий на судне, находящемся в открытом море. Так вот, сэр: мои действия полностью поддержаны капитаном «Президента Артура». И я намерен опираться на его поддержку, как на Гибралтарскую скалу. И оба мы намерены опираться в деле поимки преступника на поддержку каждого из вас. Разумеется, если среди вас есть люди, предпочитающие поддерживать убийцу, то...

— Минуточку, минуточку! — закричал побагровевший Тэйт. — Не приписывайте мне того, чего я не говорил! Мне решительно нечего скрывать. Я просто хотел напомнить вам, что существуют определенные процессуальные правила, которые...

— Которые, как мы с вами прекрасно знаем, уважаемый адвокат, чаще помогают преступникам, а не честным гражданам, — закончил за него Чен.

Адвокат хотел возразить еще что-то, но махнул рукой и умолк.

— Не будем, однако же, удаляться от главной темы нашей встречи, — продолжал инспектор. — Давайте исходить из того, что для всех нас основным являются поиски истины, а не процедурные тонкости. Итак: доктор Лофтон, из уважения к вашей должности руководителя позволю себе задать вам первому вышеупомянутый вопрос. Как вы провели два часа перед отходом судна?

— С восьми до половины девятого был в здешнем отделении бюро путешествий «Номад». Это наши давние деловые партнеры. Мне нужно было утрясти с ними ряд платежных обязательств, а кроме того перепечатать кое-что на их машинке.

— И, конечно, у вас все это время имелись свидетели вашего там пребывания?

— Ни единого! Директор быстренько подписал все, что требовалось, и

поспешил уехать домой до грозы, оставив меня одного поработать на машинке. Уходя, я просто должен был захлопнуть дверь на автоматический замок. На судно я вернулся около половины десятого.

— Если я не ошибаюсь, то бюро «Номад» находится на Форт-стрит. В двух шагах от комиссариата полиции.

— На Форт-стрит. А где ваш комиссариат, я понятия не имею.

— Верно; вам он не к чему... А скажите, вы не видели кого-либо из своих туристов, когда проходили мимо аллеи за углом Форт-стрит?

— Не знаю никакой аллеи. И туристов я не встречал до самого возвращения на лайнер. Так что советую поискать преступника где-то в другом обществе. Время торопит.

— Кого? — удивился Чарли. — Что до меня, то у меня впереди еще целых шесть дней, и я ничуть не тороплюсь. Уважаемый адвокат, вы продолжаете настаивать на соблюдении процедуры, или я могу задать вам тот же вопрос?

— О, у меня нет тайн, — пожал плечами Тэйт. — Около восьми мы уселись в салоне играть в бридж. Миссис Спайсер, мистер Вивиан, мистер Кеннавэй и я. Это наша постоянная команда в этом путешествии.

— Да, путешествия сближают людей, — заметил Чарли. — И вы играли до самого отхода судна?

— Нет. Около половины девятого мистер Вивиан ни с того ни с сего бросил игру...

— Почему же «ни с того, ни с сего», — возмутился Вивиан. — Просто я уже тысячу раз говорил, что в бридже следует играть строго по правилам, и если...

— Ах, тысячу? — язвительно подхватила миссис Спайсер. — Почему бы уж сразу не миллион? Это я тысячу раз твердила вам, что не обязана вам подыгрывать только потому, что...

— Прошу, прощения, — прервал разъяренную Ирен инспектор, — но чтобы не углубляться в технические подробности, давайте просто ограничимся фактом прекращения игры в восемь тридцать.

— Именно так, — подтвердил Тэйт. — После этого мы с мистером Кеннавэем вышли на палубу. Лил проливной дождь. Марк предложил взять дождевики и прогуляться на прощание по набережной. Но я отказался, и он минут через десять пошел на берег один.

— А вы остались на судне?

— Нет. Когда мистер Кеннавэй ушел, я вспомнил, что утром видел в киоске на Кинг-стрит довольно свежий экземпляр «Нью-Йорк Санди Тайме». И я решил его на ночь почитать — уже с февраля не держал в

руках американских газет. Дождь немного ослаб, я надел плащ, взял трость...

— Трость черного дерева?

— Другой у меня нет. Примерно в восемь десять я сошел с трапа, добрался до Кинг-стрит, купил там газету, и минут через десять вернулся на судно...

— Сколько сейчас у вас на часах? — внезапно спросил Чен.

Правая рука адвоката скользнула к часовому кармашку жилета, но тут же замерла. На лице адвоката появилось легкое замешательство, затем он отогнул манжет левого рукава и ответил:

— Двадцать пять минут одиннадцатого.

— Верно. И на моих часах столько же, а я никогда не ошибаюсь.

— Никогда? — прищурился Тэйт.

— В таких вещах — никогда! В пути вы неоднократно переводили стрелки, и я только хотел убедиться, что ваши часы показывают точное время. Теперь мистер Вивиан. Чем вы занимались по завершении игры в бридж?

— Тоже сошел на берег. Решил немного охладиться.

— И, конечно, взяли плащ и трость черного дерева?

— Что в этом удивительного? В дождь люди обычно ходят в плащах, а с тростями после Сингапура мы все щеголяем. Прогулялся немного и вернулся на пароход почти перед самым отходом.

— Миссис Спайсер?

— Меня эта ссора за картами вывела из себя, и я сразу легла спать. Бридж хорош только тогда, когда играешь с джентльменом.

— О мистере Кеннавэе нам уже сообщил уважаемый адвокат Тэйт.

— Да, я тоже взял свою тросточку и немного побродил неподалеку от причала. Вернулся быстро, потому что понимал, что в любую минуту могу потребоваться мистеру Тэйту, который иногда любит, чтобы я ему читал перед сном. Но к моему удивлению мистера Тэйта в каюте уже не было. Он вернулся только в девять двадцать с номером «Санди Таймс». И читал купленную газету в каюте, пока не уснул.

— Так. А вы, мистер Минчин?

— Я ничего не скрываю. Мы бродили с Сэди по городу, когда начался этот водопад с неба. Зашли с ней в кино, но там оказалось, что эту ленту мы с ней видели в Чикаго еще год назад. У Сэди чесались руки сделать еще пару-другую покупок, так что мы ушли из кино, и вскоре к моей Сэди впору было грузовик подгонять: тамошние лавочки пришли ей весьма по душе. А раз грузовика нам не попало, то пришлось возвращаться на

«Президента» с тем что мы тащили в руках и зубах. Учтите, шеф, что ни пушки, ни трости черного дерева я при себе не имел.

Чарли усмехнулся.

— Вы, мистер Бенбоу?

— У нас почти та же история, что у Минчина, — ответил тот. — Пробежались по магазинам, пересидели самый сильный дождь в отеле Янга, а потом двинули на судно. Помню, я еще сказал Нетти, что дьявольски устал. Это потому, что я тащил тяжеленную коробку с кинопроектором, который мне тут посчастливилось купить по сказочно дешевой цене. Они не понимают толка в таких вещах — у нас такой отличный аппарат стоил бы втрое дороже! Короче, на пароход мы взобрались примерно в четверть десятого.

— Как провела вечер мисс Памела, я знаю. Значит, теперь очередь капитана Кина.

— Сначала смотрел бридж. Просто из любопытства. Не играл и не вмешивался.

— Ну, а после бриджа?

— А после того, как бридж кончился скандалом, вышел на палубу подышать свежим воздухом. У меня было желание прогуляться, но тут как раз начало капать, а я не любитель дождей, особенно тропических. Сходил в каюту за книгой, затем пришел сюда, почитал, выкурил сигару, потом, ближе к отплытию, оправился спать.

— Кто-то заходил сюда, когда вы читали?

— Ни единой души. Даже стюарды все куда-то подевались.

— Ну, и финал принадлежит мистеру Россу. Как я слышал, вечер вы провели на берегу?

— Я? — искренне удивился Росс. — Я никуда не уходил с судна, инспектор.

— Так ли? Вас видели возвращающимся по трапу! В девять пятнадцать.

— Невозможно.

— У тех, кто вас видел, вполне приличное зрение.

— И тем не менее повторяю: я никуда не выходил.

— Вы не покидали судна?!

— Не покидал, инспектор, даю вам слово, — Росс был все так же вежлив, хотя и несколько раздражен настойчивостью Чена. — Я поужинал в ресторане на верхней палубе, немного посидел в салоне первого класса и отправился к себе в постель. В первой половине дня мне пришлось порядком находиться, так что нога у меня разболелась вовсю и мне, право

же, было не до прогулок по дождю!

— И все же как мне быть с тем непреложным фактом, что два человека видели, как в девять пятнадцать вы поднялись по трапу с берега и проследовали в направлении своей каюты?

Росс на мгновение задумался.

— Могу ли я спросить вас, инспектор, почему эти два человека решили, что это был я?

— Трость из черного дерева — раз.

— Эти трости есть почти у всех. А два?

— Хромота, мистер Росс. Хромают, как вы знаете, далеко не все.

— Инспектор, вы же рассудительный человек, — взглянул Чену прямо в глаза Росс.

— О, вы преувеличиваете!

— Ничуть. И именно потому, что вы рассудительный человек, я хочу рассказать вам о мелком инциденте, который произошел на судне вчера после полудня. Эта трость, — Росс взял ее в руки, — куплена не в Сингапуре, а у меня дома, в Такоме, вскоре после перелома. Я тогда попросил поставить на нее толстый каучуковый наконечник — с ним мне было легче ходить, да и стука я не люблю. Вчера, вернувшись днем после экскурсии на пароход, я немного вздремнул у себя в каюте. Потом пошел на обед и почувствовал, что с моей тростью что-то не то. Сначала я даже не понял, что. И лишь у самого ресторана до меня дошло, что звук при ударе о палубу совсем другой. И она больше не пружинила! Я посмотрел и увидел, что каучуковой насадки нет. Кто-то ее снял. Помню, что в тот момент меня как раз обогнал Марк Кеннавэй, и я сказал, что у меня исчезла моя каучуковая насадка.

— Это правда, — подтвердил Кеннавэй. — Мы потом с полчаса ломали себе головы над ее исчезновением. Я решил, что это чья-то глупая шутка.

Все молчали. В дверях появилась миссис Люс и быстро подошла к Чену. Чен встал.

— Боже, а что случилось с инспектором Даффом? — сразу оценила ситуацию проницательная дама. — И он убит?

— Нет. Тяжело ранен, но операция прошла успешно.

— Рада это слышать. Значит, рука убийцы начинает дрожать. Очевидно, такого рода занятие, став постоянным, плохо действует на нервы. Но, мистер Чен, что здесь делаете вы?

— Я стал недостойным заместителем инспектора Даффа.

— Достойным, вполне достойным, уверена в этом! Я знаю китайцев

много лет, жила между ними, поэтому то, что я только что сказала, не комплимент, а, так сказать, вздох облегчения: загадка скоро будет разгадана! Давно пора, — и старушка обвела собравшихся воинственным взглядом.

— Вы пришли в самое подходящее время, — Чарли бережно усадил миссис Люс в свое кресло. — Нам срочно требуется свежий свидетель. Вчера вечером, когда я отвез вас и мисс Поттер на причал, вы еще некоторое время стояли наверху у трапа и видели всех, кто возвращался с берега на пароход. Был ли между ними мистер Росс?

Старая дама сосредоточенно закрыла глаза, подумала и затем решительно тряхнула головой.

— Не знаю, — сказала она.

— Не знаете? — Чарли не смог скрыть своего удивления.

— Нет.

— Но, миссис Люс, — вмешалась Памела, — вы, наверное, просто забыли! Мы с вами еще хотели пойти посмотреть, что видно с другого берега, и тут...

— И тут мимо нас пробежал хромой человек с тростью. Я все прекрасно помню, милочка. Я еще окликнула его, но он даже не обернулся. Мистер Росс никогда бы так не поступил. Он настоящий джентльмен, хоть и занимается таким грубым делом, как торговля лесом. А кроме того...

— Что именно? — наклонился к ней Чарли.

— Кроме того мистер Росс всегда держит свою трость в левой руке. У вчерашнего пассажира трость была в правой. Поэтому я совсем не уверена в том, что узнала его. По-моему, это был не мистер Росс.

Наступила тишина. Росс неторопливо распрямил больную ногу.

— Я же говорил вам, инспектор: весь вечер был проведен мной на судне. Я не сомневался, что мне удастся убедить вас, хотя и не думал, что это произойдет так быстро...

— Несчастье случилось у вас с правой ногой, не так ли? — задумчиво спросил Чарли.

— Правильно, инспектор. Поэтому трость мне удобнее держать в левой руке — так лучше сохраняется равновесие и при необходимости можно двигаться быстрее. Это посоветовал мне доктор, и я сразу убедился, что он был прав.

— Абсолютно прав, — подтвердил Макс Минчин, — в годы далекой юности один мой бывший дружок прострелил мне лодыжку. Левую. И после этого я год проковылял, держа палку в руке. В правой! Иначе было и шага не сделать.

— Благодарю вас, мистер Минчин, — вежливо поклонился Росс и перевел взгляд на Чена. — Очевидно, даже самый ловкий преступник может ошибаться: тот, кто хотел ввести вас в заблуждение, сумел украсть каучуковую насадку, но не обратил внимание, в какой руке я ношу трость. За что я ему чрезвычайно признателен.

— А я признателен всем вам за помощь, — улыбнулся Чарли. — Для меня это была очень полезная встреча.

Все начали группами и поодиночке расходиться из салона. Вскоре в салоне остался только Тэйт.

— Немного же вам дал ваш допрос, — усмехнулся он.

— Вы так полагаете? — Чарли уселся напротив.

— Полагаю. Хотя, как я догадываюсь, вы заметили не только отсутствие каучукового наконечника Росса, но и отсутствие моих карманных часов.

— Разумеется, заметил, — кивнул Чарли.

— Ваш эксперимент удался. Жаль только, что вы проводили его на совершенно невинном человеке.

— Ничего. Будут и еще эксперименты, — заверил адвоката Чарли.

— Что до моих часов, то я купил их перед самым отъездом из Нью-Йорка.

— Перед? — подчеркнул Чарли.

— Перед. Это может подтвердить Марк Кеннавэй.

— Пока поверю вам на слово.

— Спасибо. С удовольствием понаблюдаю за вашими дальнейшими экспериментами. Сам не знаю почему, но мне нравится смотреть, как вы работаете, — с этими словами адвокат направился к выходу.

Проводив взглядом Тэйта, инспектор задумался. Если встреча и не дала мгновенных результатов, она все же лучше помогла ему узнать характеры людей, с которыми ему предстояло иметь дело. Для начала и это было неплохо.

В каюте, куда Чарли прошел, чтобы переодеться к обеду, его отыскал радист, передавший ему телеграфное послание от друга:

«Чарли, со мной почти все в полном порядке, думаю, что скоро вернусь прерванной работе, не вздумай заниматься ею сам, это слишком опасно. Был в бреду, когда попросил тебя продолжать. Дафф».

Чарли усмехнулся и, недолго думая, набросал ответ, который тут же

передал радисту:

«Искренние соболезнования по поводу возвращения бреда, сменившего вчерашний здравый смысл. Выздоровливай и ни о чем не тревожься. Я продолжаю твою работу, все идет хорошо, твой Чарли».

Вечером того же дня Чарли был приглашен на кофе Памелой Поттер и Марком Кеннавэем, облюбовавшими самый уютный уголок в кормовом кафе.

— И куда же привели вас труды этого дня? — спросила девушка.

— За сто пятьдесят миль от Гонолулу, — улыбнулся Чарли.

— И только? Немного...

— К тому же за этот день стало ясно, что убийца пытается отвести подозрение от себя, бросив тень на невинного человека.

— Это вы о мистере Россе?

— Да. Вы ведь тоже согласны с мнением миссис Люс?

— Теперь согласна. Я еще тогда обратила внимание, что тот человек хроمال как-то странно. Гораздо сильнее, чем мистер Росс. Но кто это мог быть?

— Любой из тех, кто любит прогулки в дождь, — сказал Марк, добавляя в свой кофе сахар.

— А также и те, кто таких прогулок не любит, — заметил Чарли. — Капитан Кин, например. Он, что, все так же не прочь повертеться у чужих дверей?

— Не сказал бы... После того, как по выходе из Йокогамы мистер Вивиан устроил грандиозный скандал, застав его у двери собственной каюты, он, кажется, решил сменить это занятие на какое-либо более спокойное.

— Я вижу, что мистер Вивиан большой мастер по части скандалов!

— А, вы имеете в виду вчерашнюю ссору за бриджем? Типичная буря в стакане воды. Это так на него похоже. Взорвался без малейшего повода. Я бы понял, если бы он проигрывал и умышленно хотел бы прекратить таким способом игру. Но он был в выигрыше!

— Мистер Кеннавэй, — глаза Чарли сузились, — ваш патрон действительно купил свои наручные часы еще в Нью-Йорке?

— Готов присягнуть на Библии, — засмеялся молодой человек. — А смеюсь я потому, что мистер Тэйт предупредил, что при первой же встрече со мной вы зададите мне этот вопрос. Он решил, что в долгом путешествии

удобнее иметь часы на руке, а не в кармане. Но карманные он тоже на всякий случай прихватил с собой. Они находятся в его саквояже. Если попросите, то он может их вам показать.

— А цепочка у них цела?

— Не знаю, как сейчас, но в Бомбее, когда я видел их в последний раз, она была в полной сохранности.

В кафе заглянул Тэйт и, заметив их, подошел к столику.

— Поскольку ваш кофе уже выпит, то хочу сообщить, что мы с миссис Люс отважились на партию в бридж. Вызываем на бой вашу юную пару!

— Но я почти не умею играть, — запротестовала Памела.

— Как раз поэтому я вас и приглашаю, — отпарировал адвокат. — Мне очень нравится выигрывать, и у меня есть предчувствие, что в партии с вами мой проигрыш исключен!

— Прошу прощения, что оставляем вас, — сказала, поднимаясь, девушка.

— Что вы, играйте в свое удовольствие!

— В свое удовольствие? Разве вы не слышали, что сказал мистер Тэйт? Нас ожидает подлинное избиение младенцев! У вас есть какая-нибудь мудрая китайская поговорка на сей счет?

— Ну, например, такая: «Серне никогда не следует играть с тигром». Подойдет?

— Еще бы! Эту мысль следует вписать золотыми буквами во все правила игры в бридж!

Допив свой кофе, инспектор прошел на кормовую палубу, чтобы полюбоваться призрачной лунной дорожкой, уходящей в океанскую даль. Внезапно из полумрака вынырнула щуплая фигурка Кашимо, о котором инспектор успел совершенно позабыть. Но Кашимо не позабыл об инспекторе.

— Учитель, я нашел его, — почти беззвучно прошептал японец.

— Кого? — не понял Чарли.

— Ключ.

На лице инспектора отразилась смесь недоверия, восхищения и удивления.

— И ты можешь мне его показать?

— Могу, учитель. Идемте.

Они прошли по коридору кают-люксов и остановились у двери той, которую занимали Тэйт с Кеннавэем. Выбрав в связке своих ключей один нужный, Кашимо быстро открыл дверь и, едва они проскользнули внутрь, снова захлопнул ее. Из багажного шкафчика Кашимо достал объемный

чемодан, покрытый наклейками всевозможных европейских и азиатских отелей. Луч фонарика остановился на яркой наклейке отеля «Грейт Истерн» в Калькутте.

— Потрогайте, учитель! — все так же тихо шепнул практикант.

Чарли прикоснулся к наклейке, под которой пальцы его почти сразу же ощутили очертания небольшого ключа. Инспектор выпрямился. Теперь луч фонарика Кашимо задержался на двух золотых инициалах, вытисненных у чемоданного замка. «М.К.» — прочел Чарли.

— Кашимо, — с чувством сказал он, — ты будешь великим детективом!

16. Прощальный ужин Макса Минчина

Спустя несколько мгновений Чарли Чен вернулся к приятному созерцанию лунной дорожки, делившей надвое бескрайнюю океанскую пустыню. Чувство восхищения поразительными способностями своего практиканта продолжало переполнять его сердце: только фантастически наблюдательный сыщик мог заметить, что одна наклейка немного более выпукла, нежели остальные! Но неужели и Уэлби обнаружил столь же фантастические способности? Удивительно!

Очевидно, ключ был замечен сержантом Скотленд Ярда под той же самой наклейкой — ведь наклейка «Грейт Истерна» могла появиться на чемодане Марка Кеннавэя только в Калькутте и никак не позже: в других местах нет калькуттских отелей! Следовательно, он и в Йокогаме находился под этой наклейкой...

Да, но Уэлби назвал Памеле номер ключа! Даже самая фантастическая наблюдательность не помогла бы ему разглядеть этот номер под наклейкой, — значит, он видел этот ключ где-то в ином месте. Или есть и третий ключ? Но зачем тогда так тщательно прятать второй?

Убийца упрямо продолжает прежнюю тактику «подсказок» следствию: сначала на «преступника» явно указывал ремень Лофтона, затянутый вокруг шеи Дрейка, затем хромота Росса, возвращавшегося после покушения на Даффа, и вот теперь — роковая улика под наклейкой на чемодане Кеннавэя. В том, что Кеннавэй не мог быть убийцей, Чен нисколько не сомневался, но кто мог подложить ему свой ключ? Уж не Тэйт ли, сосед по номеру Марка, обладатель карманных часов и любитель процедурной формалистики? По возрасту адвокат вполне подходил на роль Джима Эверхарда...

— Время спать, — в конце концов решил Чарли, — а завтрашний день начну с Марка... Почему ключ попал именно к нему?

Но начать день с Марка оказалось не так-то легко. Молодой человек был явно чем-то расстроен, и нервно мерил прогулочную палубу шагами такой величины, что инспектор едва сумел приноровиться к его походке.

— Припоминая свои юные годы, — слегка запыхавшись заметил Чарли, — могу с уверенностью сказать, что ничто в мире не могло меня тогда вывести из равновесия настолько, чтобы я начал прекрасное солнечное утро с подобной спешки! Вам ведь всего около двадцати, не так ли?

— Двадцать пять, — буркнул Марк, — но в этой поездке у меня такое чувство, словно с каждым днем я становлюсь как минимум на пять лет старше.

— Неприятности? — сочувственно взглянул на него инспектор.

— Точнее сказать, никаких приятностей, мистер Чен, — вздохнул Марк. — Уверен, что вам никогда не приходилось исполнять роль няньки при стареющей юридической знаменитости, иначе вы бы меня поняли. Сегодня, например, мне пришлось всю ночь напролет читать ему вслух! Удивляюсь, как это у меня еще ворочается язык... А эти непрерывные капризы, жалобы на здоровье, на духоту, на сквозняки...

— По крайней мере, я надеюсь, что приступов у вашего патрона после отеля Брума уже не было?

— Еще как было! Один раз в Красном море — но там меня быстро выручил судовой врач, а вот со следующим, в Калькутте, я едва не поседел... Нет, в мире не будет человека, счастливее меня, когда в Сан-Франциско я сдам его с рук на руки сыну! Мой вздох облегчения наверняка будет слышен даже на Южном полюсе!

— А я-то хотел вам позавидовать, — улыбнулся Чен. — Обойти весь свет в качестве секретаря богатого патрона — что может быть соблазнительнее...

— Вот-вот, — согласился Марк, — на эту приманку я и клюнул. И получил именно то, что заслужил по собственной глупости. Ведь как отговаривали меня родители: займись летом практикой, в Бостоне полно хороших юридических контор, в которых рано или поздно для тебя найдется место. Но нет, я решил быть умнее всех, и пустился в плавание с великим Тэйтом...

— Бостон, — мечтательно повторил Чарли. — Почему-то мне кажется, что это должен быть очень красивый и очень спокойный город. А какой там великолепный английский! Вы знаете, мистер Кеннавэй, однажды мне довелось оказать бостонской семье одну небольшую услугу в Гонолулу, и даю вам слово, что ни до того, ни после мне не доводилось услышать благодарности, которая звучала бы так восхитительно. Это была настоящая музыка!

Марк засмеялся. Выражение ожесточенной досады почти исчезло с его лица при одном упоминании о его родном городе.

— Я человек консервативных взглядов, — продолжал Чарли, — и всегда считал, что джентльмена можно узнать прежде всего по правильному выбору правильно произнесенных слов. Этому учил меня мой достойный отец, этому я стараюсь учить своих детей. И мысль о том, что

где-то на свете есть такой город, как Бостон, всегда утешала меня: уверен, что бостонские родители придерживаются тех же взглядов, что и я.

— Вы совершенно правы, — согласился Марк, — жаль только, что я оказался исключением из бостонских правил. В качестве образцового наследника хорошей бостонской семьи я никогда не служил утешением для своих родителей. Если бы мама узнала, что выпало на мою долю в этой поездке — не только с патроном, — она сразу сказала бы: «Вот видишь! Что я тебе говорила?»

— Не только с патроном? Можно узнать, что вы имеете в виду?

— Памелу Поттер, естественно!

— Естественно? Не понимаю, чем может досадить столь прелестная молодая леди!

— Да всем! Она, кажется, задалась целью постоянно выводить меня из себя. Такой самоуверенной особы мне еще не доводилось видеть — включая даже мою прабабушку, которая прожила среди сливок бостонского общества почти девяносто лет. Насколько я понимаю, мисс Поттер с чего-то вбила себе в голову, что до конца нашего плаванья вокруг света я непременно должен объясниться ей в любви. Напрасно надеется. Я не собираюсь вступать в брак с чековой книжкой.

— Вы уверены, что вам грозит именно такой брак?

— Уверен. Мне не раз приходилось встречаться с богатыми наследниками из средне-западных штатов. В жизни для них имеет значение только одно: деньги. Их единственный вопрос: «Сколько вы стоите?» На остальное им ровным счетом наплевать. У нас в Бостоне деньги интересуют людей в последнюю очередь. Мой дядя, например, просадил на бегах все свое состояние — но никто не стал его из-за этого меньше уважать... Сам не знаю, зачем я вам все это говорю. Наверное, потому, что сочетание мистера Тэйта с мисс Поттер способно вывести из себя кого угодно.

— Так вы о ней постоянно думаете?

— Рад бы не думать, но... Нет, она, конечно, может быть милой и обаятельной, — и вдруг переезжает меня, словно грузовик. Фирмы Хью Дрейка.

— Она легка на помине! — указал Чарли в сторону двери, откуда показалась стройная фигурка в белом теннисном костюме. — Попробуем сбежать?

— Зачем? — пожал плечами Марк. — От судьбы сбежать невозможно. Эта красотка отыщет меня даже на дне трюма.

— Доброе, утро, инспектор! Привет Марк! — подбежала заметившая

их Памела. — Марк, как ты смотришь на партию в теннис? Я намерена задать тебе хорошую трепку!

— Ты только этим и занимаешься.

— Да, но на восходе я добрее, — и она потащила не слишком упирившегося Марка в сторону теннисного корта.

Продолжая утреннюю прогулку, Чарли увидел устроившегося в кресле на самом носу капитана Кина, который щурился в лучах солнца, как сытый кот.

— Прекрасное утро, мистер Кин, — попробовал вступить в беседу инспектор. Кин даже не повернул головы в его сторону.

— Что в нем прекрасного? Я что-то не заметил.

— Помешали какие-нибудь заботы?

— Нет у меня никаких забот, — Кин лениво зевнул. — Просто я терпеть не могу разговоров о погоде. По-моему, это не мужское дело.

— Как вы смотрите на небольшую экскурсию в машинное отделение? Мне со вчерашнего дня хочется взглянуть на технические чудеса, толкающие вперед такую махину, как наш «Президент Артур».

— Не имею ни малейшего желания. В технике я все равно ничего не смыслю. Не отличу котла от поршня.

— Да? Это странно. В записках моего друга инспектора Даффа я прочел, что в отеле Брума вы назвали себя инженером...

— Вы, я вижу, ловкач, — Кин соизволил, наконец, повернуться к стоящему у релинга Чарли. — Не помню, что я там говорил у Брума. Я записок не веду.

— А напрасно. Записки могли бы стать хорошим подспорьем такому неизлечимому лжецу, как вы, мистер Кин. Одним вы говорите, что вы военный, другим, что инженер, а на деле просто любите прислушиваться к тому, что делается за чужими дверями!

— Ха! Можно подумать, что вы этим не занимаетесь!

— Никогда.

— В таком случае из вас никогда не выйдет хорошего детектива. Поверьте человеку, который занимается этим делом достаточно давно и имеет все основания гордиться достигнутым.

— Занимается этим делом? — от удивления инспектор едва не потерял дар речи. — Так вы... Вы работаете в полиции?

— Еще чего! — усмехнулся Кин. — Я работаю на частную компанию в Сан-Франциско. Надеюсь, что вы не станете болтать об этом на каждом углу.

— А, так вы являетесь частным детективом, — наконец, понял Чарли.

— Являюсь, — с вызовом подтвердил Кин. — И не считаю, что мы хоть в чем-то хуже вашей полиции. Говорю вам об этом только для того, чтобы вы не тратили на меня понапрасну свое время. Меня наняли по заказу мистера Спайсера. Похоже, что Ирен успела ему изрядно надоесть, и он мечтает о жене классом повыше. Для развода ему требуются доказательства супружеской неверности. От меня требуется добыть эти доказательства. Точка.

— Ну и как, вас можно поздравить с успехом? — поинтересовался китаец. Его ничуть не растрогала забота Кина о напрасной трате времени. Сыщик ли, инженер или капитан, — этот человек оставался для инспектора Чена прежде всего профессиональным лгуном.

— Успехов никаких. Фиаско, с первого дня до сегодняшнего. Может, потому, что Вивиян подозревает, на кого я работаю, и не желает портить отношения со Спайсером. В любом случае, добрых чувств он ко мне не питает. Как-то пообещал мне шею свернуть, если еще раз увидит меня поблизости от Ирен. А моя шея, знаете ли, мне очень дорога. Я не хочу, чтобы ее сворачивали. Да и какие доказательства супружеской неверности можно собрать, если эта пара только и делает, что устраивает скандалы по пустякам? После той ссоры за бриджем она вообще перестала с ним разговаривать! Я, можно считать остался без работы. Может, возьмете меня в долю? Не пожалеете! Сколько вам светит за поимку убийцы?

— Нет награды выше торжества справедливости, — невозмутимо ответил инспектор.

— Э, о справедливости рассказывайте кому другому! Уверен, что вас с приятелем наняла внучка Дрейка, которая в своем деде души не чаяла. А что если я предложу собственные услуги непосредственно ей? Возьму и скажу, что готов уступить ей свою информацию за половину того, что потребовали от нее вы, а? Что вы тогда запоете? Давайте сговоримся по-хорошему: половина вам, половина мне, и дальше мы работаем сообща!

— Нам не о чем сговариваться, мистер Кин, ни по-плохому, ни по-хорошему, — не скрывая брезгливости, ответил инспектор. — Могу только посоветовать еще раз присмотреться к тому, какое прекрасное сегодня утро. Всего доброго!

— Вы еще пожалеете, что упустили мое предложение, мистер Чен, — бросил ему вслед Кин и снова зажмурился с выражением полного безразличия ко всему происходящему вокруг.

Прошел второй, а затем и третий день плавания. Все внимание Чарли сконцентрировалось на скрытом калькуттской наклейкой ключе, но неумолимый Кашимо раз за разом доносил, что к наклейке никто не

прикасался. Некоторое разнообразие в течение событий внесла внезапная идея Макса Минчина устроить для всех участников кругосветного тура прощальный ужин. К некоторому удивлению самого Макса эта идея была встречена с энтузиазмом даже теми, кто поначалу открыто избегал компании недавнего гангстера. Как философски заметил по этому поводу инспектор, «море сближает не только далекие страны, но и далеких людей». Сам инспектор удостоился чести быть приглашенным на ужин лично супругой Макса: Сэди пришла в ужас от мысли, что за столом сядет тринадцать людей и решила, что в качестве четырнадцатого инспектор полиции будет ничуть не хуже любого другого. Макс встретил это решение так, как и положено образцовому супругу.

— В принципе, я ничего против фараонов не имею, — дружески пояснил он инспектору. — Они такие же люди, как все. К тому же в Чикаго я уже устраивал большой прием в честь полиции, и все остались довольны. Смокинг можете не надевать, мистер Чен: я терпеть не могу все эти дурацкие формальности.

— О, меня они тоже не смущают, — заверил его Чарли. — А вот не смутит ли вас, если разговор на вечеринке вдруг зайдет об убийстве?

— Не понял? — озадаченно уставился на него Макс.

— Хочу попробовать, чтобы люди вспомнили о том печальном происшествии в отеле Брума, так сказать, в непосредственной обстановке. Возможно, они сумеют вспомнить что-то такое, о чем предпочли забыть при официальном допросе. Как вы думаете?

— Черт его знает, — протянул Макс. — Вообще-то я предпочел бы не говорить о делах. Их у нас по горло хватит в Америке. Мы с женой хотим, чтобы люди просто повеселились, как следует поели, как следует выпили — вот и все. Но... раз уж вам так необходимо... Никто не скажет, что за столом у Макса Минчина кому-то пытались заткнуть рот. Только учтите: наручники за столом у Макса тоже никому надевать не будут, даже если кто-то действительно сболтнет за выпивкой лишнее. Потом делайте с ним, что хотите, но этот вечер — мой! По рукам, инспектор?

— По рукам, мистер Минчин! — Чарли крепко пожал протянутую ему сильную ладонь.

Стол, за которым не затыкают ртов и не надевают наручников, был накрыт в застекленном кормовом кафе и буквально ломился от бутылок и всевозможных закусок. Гости воздали должное и тому, и другому, но Макс не давал столу пустеть, поминутно гоня официантов за все новым и новым подкреплением. Смех и шутки не смолкали весь вечер, и это убедило Макса, что ужин проходит под счастливой звездой. Когда подали кофе, он

встал.

— Друзья мои, — растроганно сказал он, — леди и джентльмены! Мы приближаемся к концу долгого пути вокруг целого света. Иногда нам бывало лучше, иногда хуже, но у меня лично всегда было хорошо на душе. Думаю, это потому, что у нас был такой отличный опекун, как доктор Лофтон! Предлагаю выпить всем за здоровье нашего замечательного шефа! Ура!

Тост Минчина оказался для доктора полной неожиданностью. Общие аплодисменты смутили его еще больше, так что слова для ответного спича пришли к нему лишь после некоторой паузы.

— Спасибо всем вам, — взволнованно сказал он. — Вы, конечно, знаете, что в туристском бизнесе я работаю уже много лет, удивить меня чем-либо трудно. И все же в этом путешествии я почти непрерывно удивляюсь. Удивляюсь тому, что, вопреки известным обстоятельствам, вы мне не изменили. И не доставили никаких из ряда вон выдающихся хлопот — хотя могли бы. Даже в тот далекий уже от нас трагический день в отеле Брума, — ради Бога, простите, что я нечаянно о нем вспомнил, — даже в тот день вы показали себя достойными людьми, выказав редкий такт, понимание и дисциплину. Словом, вы были настоящими американскими туристами. Ваше здоровье, друзья!

— Браво, доктор! — выкрикнул среди аплодисментов Минчин. — Отлично сказано. Что ж, наш шеф помянул о том трагическом дне и хочу сказать, что для всех нас это действительно было трагическим переживанием. Но раз уж зашла речь о таких делах, то я не могу не вспомнить о нашем почетном госте, мистере Чарли Чене, полицейском из Гонолулу. Я повидал на своем веку немало ребят его профессии, но ни разу мне не доводилось желать им удачи. Сегодня Макс Минчин рискнет изменить этому правилу: хочу от всей души пожелать мистеру Чену удачи в его деле! В конце концов, можно сказать, что это и наше дело!

Чарли с достоинством встал и, поблагодарив Макса за поддержку легким поклоном, сказал:

— В свою очередь я хочу от всей души поблагодарить нашего гостеприимного хозяина и его супругу, красота которой намного превосходит все ее бриллианты и сапфиры (счастливая Сэди смущенно потупилась), за добрые слова и незабываемый прием. Его пожелание удачи наполняет мужеством мое сердце, хотя до сих пор удача ни разу не улыбнулась ни мне, ни моему другу из Скотленд Ярда. В Китае в таких случаях склоняют голову и говорят: «Судьба есть судьба». Но я слишком долго жил среди американцев, чтобы бессильно склонять свою голову даже

перед судьбой. Поэтому, леди и джентльмены, я хочу поднять этот бокал за то, чтобы в битве с несправедливостью нам не изменили ни мужество, ни удача!

Когда отзвучали аплодисменты, поднялся сидевший напротив инспектора Тэйт.

— О судьбе... — сказал он звучным голосом бывалого оратора. — Знаете, я не раз задумывался о своей судьбе на протяжении всего нашего путешествия — и хотя у всех нас случались в нем неприятные моменты, я все-таки думаю теперь, что судьба была ко мне благосклонна. Даже в тот трагический день, о котором вспоминали предыдущие ораторы: ведь и я мог оказаться на месте несчастного Хонивуда, — то есть, я хотел сказать Хью Дрейка, случайно... — он вдруг умолк, и, махнув рукой, закончил, — впрочем, я не хочу задерживать ваше внимание на печальных воспоминаниях. Скажу только, что счастлив жить, счастлив познакомиться со всеми вами!

Тэйта сменила миссис Люс, насмешившая всех своей готовностью совершить под руководством доктора Лофтона путешествие хоть в самый ад, а Памела добавила, что в этом случае ад несомненно показался бы всем раем. Далее пришла очередь Кина.

— Ну, что сказать? Мы порядком пошатались по свету и порядком натерпелись от людей, которые любят совать свой нос в чужие дела. Теперь все позади, и это главное. Я только завидую тем, кто ухитрился выбраться из мокрых дел, не замочив даже пальца. Меня, например, чуть на клочки не разорвали из-за простого желания почитать вечером пару-другую страниц. А вот моего уважаемого соседа мистера Бенбоу, который тоже разгуливал по коридорам Брума в третьем часу ночи, почему-то никто не заметил. Кроме меня, конечно, но теперь уже поздно об этом вспоминать, дружище, поэтому оставим все лондонские прогулки в прошлом!

На сей раз аплодисментов не раздалось. Хотя Кин говорил в шутовском тоне, но Элмеру Бенбоу было несомненно не до шуток. Он медленно поставил свой бокал на стол и встал.

— Мне не раз доводилось выступать на дружеских вечеринках, но при таких обстоятельствах я говорю впервые... То, что вы только что услышали — чистая правда. Мы тогда действительно встретились в коридоре с капитаном Кином. Дело в том, что уже в постели я внезапно вспомнил, что так и не отправил днем поздравительную телеграмму дочке. У нее день рождения как раз седьмого февраля, это нетрудно проверить. Мы с женой собирались это сделать с минувшего утра, но сами знаете, как бывает на экскурсиях. Забегались и забыли. Я подумал, что если отправлю

телеграмму ночью, то она еще успеет вовремя. Оделся тихонько, вышел из отеля, отправил с дежурного телеграфа на Риджент-стрит поздравление и вернулся. Жена так устала за день, что даже не пошевелинулась. У меня не было свидетелей, кроме телеграфистки, которая ни разу на меня не взглянула. Что, если бы она меня не узнала? О самой телеграмме я тогда даже не подумал, так был напуган случившимся. Дома, в Штатах, я, конечно, сказал бы шерифу обо всем, но в чужой стране... Словом, я струсил. И был так благодарен капитану Кину за то, что он умолчал о нашей встрече. Пожалуй, можно сказать, что я благодарен ему и теперь — за то, что он снял груз с моей совести. Да... А все, что я приготовился сказать до этого, как-то выскочило из моей головы... А, вспомнил! Мы с женой очень благодарны вам и особенно мистеру Минчину за сегодняшний вечер, и, поскольку мы с женой не мастера по части званых ужинов, то хотели бы в знак нашей признательности пригласить всех вас на просмотр отснятых нами в пути кадров. Мы будем очень рады вернуть вместе с вами назад самые счастливые минуты нашего совместного путешествия!

Элмер Бенбоу сел под дружные возгласы одобрения, а Кин, демонстративно отставив свой бокал в сторону, встретил испепеляющий взгляд Макса Минчина презрительной улыбкой. Джон Росс поспешил заполнить возникшую неловкую паузу, быстро поднявшись с места при помощи своей неизменной трости.

— Хочу сразу предупредить всех, что в моей речи не будет никаких запоздалых признаний, — эти слова были встречены громким смехом миссис Люс, сразу разрядившим обстановку. — Хочу просто сказать, что наше путешествие было для меня очень, очень интересным. Я ждал его много лет, и все же не подозревал, что оно окажется таким захватывающим. Конечно, всем нам иногда доставались не совсем те эмоции, на которые мы рассчитывали, но — словом, я не жалею! Я очень рад, что смог принять участие в компании таких замечательных путешественников, как вы, и под руководством такого опытного знатока туризма, как доктор Лофтон. Жалею, что не смог, подобно нашему энтузиасту кино мистеру Бенбоу, отснять все свои впечатления на пленку, чтобы потом снова и снова возвращаться к ним в Такоме. Как и все вы, я тоже был потрясен смертью бедного Хью Морриса Дрейка, лежавшего в своей душной спальне с ремнем от чемодана доктора Лофтона на шее, и...

— С чего вы взяли, что это был ремень от чемодана? — внезапно прервал его Вивиан.

Росс ошеломленно молчал. Было так тихо, что стало слышным легкое позвякивание хрусталя от вибрации работавшей на полных оборотах

машины.

— Как с чего? — наконец собрался с мыслями лесоторговец. — Еще в Лондоне инспектор Дафф знакомил нас с некоторыми обстоятельствами преступления, и я прекрасно помню, что...

— Раз уж мы решили сегодня пооткровенничать, — вновь перебил его металлическим холодным голосом Вивиан, — то могу заверить всех вас, что Хью Дрейка удушили не багажным ремнем, а ремнем от киноаппарата. Так уж случилось, что я знаю, кому этот ремень принадлежал. Он принадлежал мистеру Элмеру Бенбоу!

Все взгляды одновременно обратились к Бенбоу, который сидел на углу стола с видом человека, в которого ударила молния.

17. Дерево, полное плодов

Наступила долгая напряженная тишина. Наконец, Макс Минчин встал и жестом монарха, отрекающегося от трона, вынул из петлицы гвоздику.

— Все, ребята! Считаем, что вечеринки не было. Такого приема, Сэди, нам с тобой еще не доводилось устраивать. У нас в Чикаго всегда считалось, что со скандалами следует подождать по крайней мере до той поры, пока люди не выйдут из-за стола. Вижу, что тут другие правила. Но — что поделаешь. Мистер Бенбоу, придется вам вторично выступить со спичем.

Бенбоу быстро встал. С лица его исчезли следы шока, оно было мрачным и решительным.

— Я сделал ошибку и наказан за это. Когда я рассказал вам о поздравительной телеграмме, мне надо было сразу рассказать вам и о ремне.

— Который вы, конечно же, послали дочери в подарок! — съязвил Кин.

Бенбоу резко обернулся к соседу.

— Не знаю, чем я заслужил такую вашу ненависть, капитан, — разве что тем, что с первого же дня пути считал вас абсолютным ничтожеством. Но это мнение — кстати сказать, весьма распространенное — я до этой минуты предпочитал держать при себе. Нет, я не дарил дочери ремня. Жаль, мне следовало бы его подарить — тогда бы убийца не смог им воспользоваться. — Он налили себе стакан содовой воды и залпом выпил его. — Я встаю рано и об убийстве мистера Дрейка узнал от портье еще до того, как прибыла полиция. Я заглянул через плечо портье в приоткрытую дверь спальни, и то, что я там увидел, привело меня в ужас. Не только потому, что мистер Дрейк, которого все мы успели полюбить, лежал мертвым, но и потому, что на шее его был затянут ремень, как две капли воды похожий на ремень моей кинокамеры! Я быстро пошел, да что там пошел — побежал! — в свой номер. Там я убедился, что у кинокамеры нет ремня. Я сказал об этом Нетти. Ремень могли украсть вечером, когда нас не было, а прислуга просила не запирасть дверь для уборки. Нетти предложила пойти и рассказать обо всем доктору Лофтону. Что я и сделал. Можно продолжать, доктор?

— Конечно, мистер Бенбоу, — ободряюще кивнул доктор Лофтон. — Нам с вами нечего скрывать.

— Вначале мистер Лофтон не принял мои опасения всерьез, но потом, когда я сообщил ему о ночной прогулке на почту, он тоже обеспокоился. Показания Кина в сочетании с обнаружением моего ремня могли бы оказаться для меня фатальными — мне доводилось читать, что людей отправляли на виселицу и при менее убедительных уликах. Доктор Лофтон был встревожен не меньше моего, я видел это, и тогда меня охватил настоящий страх — быть задержанным в чужой стране по подозрению в убийстве, я бы этого просто не перенес... Первое, что мне пришло в голову, было немедленно уехать домой, в Штаты. Но доктор заставил меня взять себя в руки. Он сказал, что верит в мою невиновность и все уладит. От меня требуется одно: молчать, как ни в чем не бывало. Ну, — я последовал его совету. Он сдержал слово: все уладил, сказав, что это его ремень. Вот и все. Вся правда, до самого дна. Да, вот еще что. Когда я покупал в Париже новый ремень, потому что мне надоело таскать камеру в руках, не имея ни минуты отдыха, мистер Вивиан обратил внимание на мою покупку и позволил себе довольно злую шутку насчет того, что для покупки оружия следует иметь разрешение полиции. Тогда я не обратил на это внимания, но теперь думаю, что он о чем-то догадывался...

— Действительно догадывались? — с интересом обратился к Вивиану инспектор.

— Действительно, — без тени смущения отпарировал тот. — Что-что, а зрительная память у меня приличная. Я помнил, что ремень Лофтона был шире и немного светлее. Не то, чтоб я думал, что Бенбоу способен кого-то задушить, но... В общем, я решил посоветоваться с человеком, который разбирается в такого рода вещах. Со знаменитым адвокатом мистером Тэйтом. И мистер Тэйт посоветовал мне забыть о том, что я заметил.

— Теперь вы, значит, решили, что совет был плохим? — спросил Чарли.

— Не совсем так, инспектор. Недавно мы беседовали с мистером Тэйтом на эту тему, и он сказал, что по его мнению сейчас, наконец, пришло подходящее время, чтобы рассказать об этом ремне всю правду. Он сказал, что, во-первых, схлынула волна первоначальных лихорадочных поисков любого козла отпущения, а, во-вторых, из всех полицейских, которые занимались этим делом, вы оставили у него наиболее благоприятное впечатление.

— Глубоко признателен уважаемому адвокату, — склонил голову в поклоне Чарли, — но уверяю вас, что не заслужил столь лестного отзыва.

— В общем, мне сказать больше нечего, — повторил Бенбоу и тяжело опустил в свое кресло. — Раз доктор Лофтон подтверждает мои слова...

— Подтверждаю, — спокойно сказал Лофтон. — Но прежде чем наш мистер Чен упрекнет меня в сокрытии важных фактов, я хотел бы, чтобы он попытался понять мое положение в тот страшный день. С одной стороны — дальнейшая судьба всего моего предприятия, с другой — самая мощная полицейская организация мира, которая не задумываясь разрушила бы все мои планы при одном намеке, что среди моих туристов может находиться убийца. Моей основной целью стало вырваться за пределы влияния Скотленд Ярда. Я-то понимал, что Бенбоу никого не мог убить, но кому до этого дело в чужой стране? И ладно бы одна телеграмма дочери, так ведь еще и этот необъяснимый ремень! Когда инспектор Дафф начал о нем говорить, я решил, что есть отличный выход из тупика: почти такой же был у меня! Я точно знал, что всю ночь не выходил из своего номера, так что вторичные улики, вроде вылазки Бенбоу на телеграф, мне не грозили. Я прошел к себе в номер, снял с чемодана ремень, и затянул его у себя на поясе под джемпером. До личного обыска дело не дойдет, в этом я был уверен. Моя версия была принята инспектором Даффом, ремень я потом выбросил, а мистер Бенбоу, как я того хотел, оказался вне всяких подозрений.

— Вы тоже, — раздался саркастический голос Кина.

— Что такое? — растерялся Лофтон.

— Я говорю, что вне подозрений оказался не только Бенбоу, но и вы тоже, — с удовольствием повторил Кин. — Если у Даффа и были какие-то сомнения насчет вас, то вы покончили с ними одним ловким ударом: какой убийца станет привлекать внимание к собственной особе, вручая полиции такой опасный аргумент против самого себя? Вы безошибочно рассчитали логику мышления Даффа!

— На что вы, черт вас побери, намекаете? — в ярости вскочил Лофтон.

— Только на то, что с этой минуты вы превратились у нас в главное доверенное лицо Скотленд Ярда. И терзали наши сердца своими вздохами по поводу неудачного начала поездки. А, может, было еще что-то, послужившее причиной ваших вздохов? Или, вернее, кто-то?

В следующее мгновение Лофтон уже держал Кина за горло.

— Встань, ты, дрянь пакостная! — не помня себя кричал он. — Встань, свинья! Я старый человек, но, клянусь Богом, я...

— Успокойтесь, доктор Лофтон, — могучий объемистый корпус Чарли Чена не без труда втиснулся между хрипевшим Кином и руководителем группы. — Я считал вас мудрым человеком, которому не пристало вслушиваться в слова, порожденные злобой. За исключением мистера Кина здесь нет никого, кто усомнился бы в вашей полной невинности.

Включая и вашего покорного китайского слугу! — он бережно отвел дрожавшего от обиды и возмущения Лофтона на самое удаленное от Кина место.

— Ну и дела, — вдруг расхохотался Макс Минчин. — А я-то собирался под конец вечеринки предложить всем взяться за руки и спеть хором «Друг за друга мы горой»! Нет, ребята, давайте расходиться, пока дело не дошло до стрельбы!

Инспектор вышел на палубу вместе с Лофтоном.

— Вечерний ветер остужает горячие головы, — сказал он, — и все же советую вам по крайней мере до завтрашнего дня не подходить к мистеру Кину. Договорились?

— Конечно же, не подойду, — успокаиваясь, вздохнул Лофтон. — Но каков подлец, а? Господи, до чего же он был мне все это время мерзок! Но служебные обязанности превыше всего, если только человек собирается остаться в этом бизнесе... — Он взглянул на инспектора. — Просто не знаю, как вас и благодарить за ваши слова о доверии ко мне. Можете считать, мистер Чен, что теперь у покорного китайского слуги есть покорный американский слуга. И если вам когда-нибудь доведется быть в Нью-Йорке, то...

— Спасибо, доктор, — просто сказал Чарли.

— Теперь моя «гениальная идея» с подменной ремня тоже кажется мне глупой и... и опасной. Сам пытаюсь понять, почему я так поступил? Наверное потому, что с годами начал смотреть на своих туристов, как насадка на цыплят: вечно за них переживаешь, вечно чего-то боишься. Они всегда нуждаются в опеке и защите — это стало для меня чем-то вроде инстинкта... Стоит туристу попасть в неприятность — и я уже спешу принять его груз забот на свои плечи.

— Полностью вас понимаю, — кивнул Чарли.

— Еще раз вам признателен. Жалею, что не сумел распознать сразу, что вы за человек.

На том они и расстались. Доктор поспешил в свою каюту, а Чарли решил еще немного подышать воздухом на прогулочной палубе. Его лицо не покидала задумчивая улыбка: столько случилось за последние несколько часов... Он услышал чей-то голос, позвавший его. Обернувшись, Чарли обнаружил, что это был Тэйт, удобно расположившийся в шезлонге у самого борта.

— Прекрасный случай, чтобы поблагодарить вас за комплимент, сказанный вами в мой адрес при посредстве мистера Вивиана! — сказал Чарли, усаживаясь рядом с адвокатом.

— Это не комплимент, а глубочайшее мое убеждение, — ответил Тэйт.
— Прошу прощения, что прервал ваши мысли. Вы несомненно размышляли над услышанным во время приема, не так ли? Сознайтесь, что это тоже был один из ваших экспериментов?

— Идея принадлежала Максу Минчину. Но результатами ее воплощения могу воспользоваться и я.

— О, насчет этого у меня нет сомнений!

— В сущности, этот вечер можно назвать мечтой детектива: сидеть, ни во что не вмешиваясь, и слушать, что говорят другие. А говорили сегодня много. И допустили при этом немало нечаянных промахов.

— Промахов? — повторил Тэйт.

— Вот именно. И один из них был сделан вами.

— Что ж, — усмехнулся адвокат, — вы подтверждаете мое высокое мнение о ваших способностях. Не сомневаюсь, что оба мы имеем сейчас в виду один и тот же промах.

— Разумеется. Какой же?

— Я сказал, что на месте Дрейка мог оказаться любой из нас, что его смерть была случайной.

— Верно. То, что смерть Дрейка была случайной, вы узнали от моего друга в экспрессе из Ниццы в Геную. Об этом я прочел в его записках. Но ваша оговорка о Хонивуде! Откуда вы могли знать содержание его письма к жене?

— Я слышу от вас первого, что такое письмо вообще существует!

— Тогда что привело вас к убеждению, что Дрейк пал жертвой того, кто на самом деле намеревался убить Хонивуда? Дафф не говорил с вами об этом!

— Не говорил.

— А кто говорил?

— Приперли-таки меня к стенке, — засмеялся Тэйт. — Ну, что же, выдам вам страшную тайну. Боюсь только, что вам она немного поможет. Мне говорил об этом Марк.

— Ага! А Марк, конечно же, узнал об этом от...

— От Памелы Поттер, само собой, дорогой инспектор, от кого же еще он мог об этом узнать?

Чарли Чен поднялся.

— Спасибо, мистер Тэйт. Вы с честью вышли из этого поединка.

— О, это совсем не трудно, если говоришь чистую правду!

Чарли продолжил свою вечернюю прогулку, постепенно приближаясь к укрывшемуся от ветра за надстройкой танцевальному залу. Заметив среди

танцующих Марка Кеннавэя и Памелу Поттер, он терпеливо подождал, пока кончится музыка, а затем подошел к молодым людям.

— Умоляю прелестную даму провести следующий фокстрот со мной, — склонился он в церемонном поклоне.

— Доверяю вам это сокровище с легким сердцем! — шутливо ответил Марк столь же церемонным разрешающим жестом.

Оркестр заиграл вновь, но Чарли, отвел свою партнершу подальше от танцующих.

— Обратите внимание, я сказал «провести», а не «танцевать», — инспектор важно поднял палец, — ибо серьезная беседа плохо сочетается с легкомысленными занятиями. И потом...

— Что потом?

— И потом у нас в Китае говорят, что мудрый слон никогда не станет уподобляться мотыльку. Я похитил вас у Марка не столько для того, чтобы наслаждаться роскошью быть с вами наедине, сколько ради нескольких важных вопросов.

— А я-то уже было обрадовалась, что сумела покорить ваше сердце! — улыбнулась девушка.

— О, уверен, что в таких победах для вас уже давно нет нечего нового. Но не будем забывать о моих вопросах. Первый: говорили вы кому-либо о содержании письма Хонивуда к жене? Второй: сообщали вы кому-либо из членов вашей группы, что убийство вашего деда было случайным?

— О, Боже! Разве мне нельзя было этого делать?

— Есть у нас такая старинная поговорка: «Боги дали человеку два уха, но лишь один рот». Что в переводе означает: поменьше говори, побольше слушай!

— Убить меня мало! Я всегда поступала наоборот.

— Ну, у вас еще есть время исправиться. Итак, кому вы об этом говорили?

— Миссис Люс, естественно.

— Естественно. Кому еще?

— Еще только Марку. Марку Кеннавэю.

— А вы знаете, что Марк в свою очередь все рассказал Тэйту?

— Знаю. Помню, что меня это очень рассердило. То есть я не требовала от него клятвы хранить тайну, но есть вещи, которые подразумеваются сами собой. Не выношу таких людей!

— Не выносите?! В случае с Марком я не сказал бы, что...

— Знаю-знаю. Вы скажите, что мы все время вместе и все такое. А с кем мне здесь еще быть? При одном взгляде на Кина и Вивиана меня берет

дрожь омерзения. Росс хромает, его на танец или прогулку не пригласишь — это было бы просто садизмом. Бенбоу и Макс неразлучны со своими женами. Доктор Лофтон вечно занят, Тэйт вечно нездоров, вы только что причислили себя к мудрым слонам. Значит, остается только Марк! Что вовсе не подразумевает горячей к нему любви.

— Так уж и не подразумевает?

— Вы мне не верите?! Неужели вы сами не замечаете, как он себя ведет? Как полюбить человека, который непрерывно хвастается своими бостонскими порядками, гарвардскими традициями и прочей чепухой? Он просто действует мне на нервы!

— А вы не допускаете мысли, что этот действующий вам на нервы молодой человек вдруг возьмет, да и объяснится вам в любви?

— Вы в этом уверены? — Памела впиалась взглядом в Чарли.

— Ну, что вы, я вообще мало в чем уверен в жизни. Но если бы такая минута все же наступила?

— О, я сделала бы все возможное, чтобы ее приблизить! Пустила бы в ход все свои чары! И оставила бы его с носом! Вот это был бы триумф — цвет бостонской аристократии отвергнут простой девчонкой со Среднего Запада!

— Да, — покачал головой Чарли, — если и есть на свете что-то глубже, чем океанское дно, то это несомненно сердце женщины.

— Ничего подобного! Глубину моего решения измерить совсем нетрудно. Мне просто обидно. Ведь он умеет быть и милым, и добрым. Но так редко. В остальное время он только и делает, что издевается над моими вульгарными деньгами или вздыхает о милых его сердцу бостонских бессребренниках. Ну чем я виновата, что дед был достаточно предприимчив, чтобы оставить мне изрядное состояние?

— Не думаю, чтобы мистер Кеннавэй ставил вам это в вину, — рассудительно заметил Чарли, возвращаясь с девушкой к оркестру. — А пускать в ход всю мощь ваших неотразимых чар только с тем, чтобы оставить любящего вас человека с носом — такая идея недостойна столь прелестной девушки, как вы, мисс Поттер!

— Вы так думаете? Гм, посмотрим. А пока мне очень сильно хочется еще раз отчитать его за передачу нашего с ним разговора Тэйту! Но, — она вздохнула, — ночь так романтична, что я по всей вероятности воздержусь от взбучки.

— И правильно сделаете! — поддержал ее Чарли. — Пусть эта ночь останется романтической до самого конца, не стоит ее портить.

При виде подходящей к нему Памелы на лице Марка не выразилось

особого раздражения, да и девушка продолжила беседу с ним без видимого неудовольствия, поэтому Чарли Чен покинул молодую пару с надеждой на мирное завершение бального вечера. У трапа в свой коридор он столкнулся со встревоженным пассажирским помощником.

— Не хочу отрывать вас от ваших занятий, — тон Линча был серьезен, — но случилась крупная неприятность. Я как раз искал вас. Пройдемте в мою канцелярию.

В канцелярии инспектор увидел сидящего на стуле Кашимо, у которого было хорошо знакомое Чарли выражение крайнего отчаяния на лице. Сердце Чарли упало.

— Что случилось? — спросил он практиканта.

— Мне очень стыдно, учитель, — понуро прошептал Кашимо.

— Вашего помощника накрыли в момент ревизии, — пояснил Линч.

— Откуда я знал, что она вернется так рано? — все так же уныло сказал японец. — Он пошел на танцы, а у нее сломался каблук, и она вернулась через минуту.

— Она — это кто? — спросил Чарли у помощника капитана.

— Миссис Минчин! Вы не можете представить себе, мистер Чен, что эта леди устроила, когда застала его у себя в каюте перед раскрытым чемоданом... И я ее понимаю: одних драгоценностей у нее в багаже больше, чем на миллион долларов! Я еле смог ее успокоить, пообещав, что собственноручно выброшу негодяя за борт. В конце концов она сменила гнев на милость, разрешив мне сохранить ему жизнь, но настояв на незамедлительном увольнении. Так что, мистер Чен, можете считать, что ваш сотрудник вышел из игры.

— Мне так стыдно, учитель, — снова пробурчал Кашимо.

— Минуточку! — прервал его Чарли. — На покаянные восклицания у тебя теперь будет еще масса времени. Пока же меня интересует другое: ты нашел в каюте Макса Минчина что-то заслуживающее внимания?

— Да, учитель! — Кашимо сорвался с места, будто его подбросила невидимая пружина. — Кашимо всегда находит, когда ищет. Вы сами сказали, что я умею искать. Кашимо...

— Так что же ты там нашел?

— Наклейки, учитель! Целая коллекция. Со всех отелей, где они были. И «Гранд Отель», и «Сплendid», и «Палас», и...

— Погоди. Была в этой коллекции наклейка отеля «Грейт Истерн» в Калькутте?

— Не было такой наклейки! Я успел просмотреть их дважды!

Чарли улыбнулся.

— Знаешь, Кашимо, я даже рад, что ты попался. Большого в этом плавании тебе бы все равно уже сделать не удалось. Знаешь поговорку: «Больше всего палок бросают в дерево, полное плодов»? Я не хочу, чтобы в тебя начали бросать палки.

18. Памела Поттер составляет список

Мудрость, заключенная в китайской поговорке, рассмешила Линча, и он слегка подобрел, предложив инспектору перевести Кашимо до конца рейса на нижнюю палубу третьего класса, где у него не было никаких шансов вновь повстречаться с грозной Сэди Минчин. Пристыженный практикант тут же приступил к освоению нового места работы, а Чарли вернулся в каюту и еще раз просмотрел записки своего друга. Находка Кашимо подтверждала, что ключ очутился под наклейкой уже после Калькутты — и скорее всего после Йокогамы, когда Уэлби прознал о прежнем месте его хранения. Замаскированный наклейкой тайник представлялся убийце достаточно надежным местом. Но у кого после Калькутты могла быть такая наклейка? Только у Минчинов! Еще одна «подсказка» правосудию? Или...

Это была первая ночь за все плавание, которую Чарли провел без мучительных раздумий. Отлично выспавшись, он поднялся на палубу и застал там Макса Минчина, занимавшегося гимнастикой.

— Отличное утро после бури! — приветствовал он инспектора.

— Какой бури? — не понял Чарли.

— Той, что разыгралась на моей вечеринке! Я уж начал бояться, что вы вот-вот нарушите свое обещание и достанете наручники из кармана — больно много скандалистов оказалось за одним столом! Эти два типа испортили и мое веселье и вашу охоту...

— Ну, хорошее настроение нам, возможно, удастся наверстать на киновечере у мистера Бенбоу, а охота продолжается независимо от любителей скандалов.

— Да, о скандалах, — вспомнил Макс. — Вы же не знаете, что вчера нам с Сэди достался еще один скандал, уже в нашей собственной каюте!

— Правда? Что же это был за скандал?

— Вчера моя старушка захотела немного попрыгать на танцах, так сказать, поднять дух после общей перестрелки. Но бедняге и тут не повезло: у нее сломался на трапе каблук, так что пришлось срочно возвращаться в каюту за другой парой туфель. Кого же она там застала над раскрытым чемоданом? Палубного уборщика!

— Какое безобразие! — возмутился Чарли. — Пропало что-то ценное?

— В том-то и дело, что нет! Это самое смешное во всей истории: на самом верху чемодана были уложены разные там золотые побрякушки и

камни на добрый миллион, но этот косоглазый дурак — ох, прошу прощения, мистер Чен, я не имел в виду...

— Ничего, продолжайте, — с безмятежным видом сказал Чарли.

— Так вот, этот дурак польстился только на яркие гостиничные наклейки, которые лежали в самом низу чемодана! А? Что вы скажете на такую глупость?

— Вы коллекционируете гостиничные этикетки?

— Не то слово, инспектор. Я их просто собираю для сына. Он ведь не смог поехать с нами из-за своих занятий в колледже, вот мы и договорились, что я по крайней мере привезу ему наклейки со всех отелей, где мы с Сэди остановимся. И когда Сэди увидела эту пачку наклеек в руках зачарованно разглядывавшего их болвана, она чуть с ума не сошла! Но он сумел спереть только одну.

— Одну этикетку? Какую же?

— Из Калькутты. От «Грейт Истерна». Наверное, потому, что она была самая красивая. Этот ублюдок уже успел ее куда-то спрятать. Ох, и дала же ему Сэди жару! Честно говоря, я не хотел бы очутиться на его месте. А мне было смешно: польститься на жалкий клочок крашеной бумаги, когда рядом валяется на полу золото! Нет, «таинственный Восток» — это точно сказано!

Чарли внимательно наблюдал за лицом гангстера, но не находил в нем ничего, кроме наивного изумления. Минчин явно говорил правду.

— Мы вызвали пассажирского помощника и взяли с него слово, что этого молодца больше на пушечный выстрел к каютам на подпустят, — продолжал Макс. — В Чикаго за такие штучки можно запросто схлопотать пулю, но я отходчивый. Мы с Сэди решили ничего не говорить сыну. Потому что, когда ничего не знаешь, то ни о чем не жалеешь.

— Могу с определенностью сказать, — заметил Чарли, — что жизнь сделала из вас настоящего философа. Это предвещает вам тихое, спокойное будущее.

— Никакого другого мне и не надо, — подтвердил Макс и резвой рысцой приступил к заключительному бегу. Едва он исчез за стеклянным прямоугольником кафе, как на смену ему из двери курительного салона возник Кин. Инспектор хотел проигнорировать его появление, но это ему не удалось.

— Ну, и как, мистер Чен, воспользовались случаем?

— Каким? — поднял брови Чарли.

— Вчерашней вечеринкой, понятное дело! Все на ней изрядно развязали языки.

— Вас, во всяком случае, за язык никто не тянул, — усмехнулся инспектор.

— Да, я всегда говорю что хочу и когда хочу. По-моему, с вашим делом уже можно заканчивать, точно?

— Вы считаете, что мистер Бенбоу недостаточно...

— Да причем тут Бенбоу? Не считайте меня совсем уж за идиота! Хотя и последнему идиоту должно быть понятно, что это работа Лофтона. Этот фокус с ремнем, затем постоянные попытки свернуть поездку — он сам говорил мне в Ницце после смерти Хонивуда, что не видит смысла продолжать!

— Вы считаете, что этого достаточно, чтобы отправить человека на виселицу?

— Не беспокойтесь, я найду и еще доказательства! Тем более, что меня ждет за это солидное вознаграждение от мисс Поттер.

— Вы предложили ей свои услуги частного детектива?

— Не смотреть же, как вы без толку путаетесь у всех под ногами! Я по крайней мере, твердо знаю, кого я ищу. Или вы полагаете, что я взял неверный след?

— Почему же? Согласно нашей поговорке, дорогу к школе может показать даже городской сумасшедший.

— Это вы о ком?

— Ни о ком. Просто такая поговорка.

— Дурацкая поговорка! — отрезал Кин и зашагал дальше.

День миновал без происшествий, спокойный, солнечный и теплый. Перед ужином Чарли заглянул в каюту к Тэйту и Кеннавэю. Марк в полном одиночестве повязывал перед зеркалом элегантный галстук.

— Пока патрон курит, — пояснил он вошедшему инспектору, — я могу со всей тщательностью подготовиться к встрече с мисс Поттер. Как выяснилось, она чрезвычайно требовательна к тому, как выглядят ее компаньоны по танцам.

— Иными словами, — улыбнулся Чарли, — вчера вы опять слегка поцапались? А я-то надеялся на безмятежно романтическую ночь! Но я пришел к вам по делу, мистер Кеннавэй. И мне хотелось бы, чтобы оно осталось строго между нами.

— Слово джентльмена.

Чарли открыл дверку багажного шкафчика и вытащил оттуда чемодан Марка.

— Взгляните! — указал он пальцем на одну из наклеек.

— Взглянул. Ну, и что? Калькуттская наклейка, только и всего.

— Вы уверены, что это та самая, которая появилась в Калькутте?

— Н-нет... Но никаких отличий не вижу. А в чем дело?

— Дело в том, что эта наклейка приклеена поверх прежней. А между ними кое-что вложено. Потрогайте.

Молодой человек исполнил просьбу детектива и нахмурился:

— Похоже на плоский ключ!

— Это и есть ключ, — подтвердил Чарли. — Дубликат того самого ключа, который был обнаружен вместе с обрывком часовой платиновой цепочки в кулаке Хью Морриса Дрейка.

Кеннавэй тихо присвистнул.

— И кто же приспособил его к моему чемодану?

— Это-то мне и интересно...

— А про меня и говорить нечего. Можно сказать, что я просто умираю от любопытства, — задумчивый взгляд Марка скользнул в направлении спальни Тэйта. — И постараюсь это любопытство удовлетворить.

— Постарайтесь, — кивнул инспектор. — Но делайте это, не привлекая ничьего внимания. Думаю, что ключ постараются забрать перед самым Сан-Франциско. Когда не обнаружите его на прежнем месте, то сразу дайте знать мне. А теперь давайте поставим чемодан назад.

— Скажите, инспектор, — начал Марк, когда чемодан был водворен в шкаф, — вы не считаете, что Памеле тоже можно...

Чарли покачал головой и в этот момент дверь резко распахнулась, и на пороге появился Тэйт.

— О, прошу прощения, мистер Чен! Я не помешал вашей беседе?

— Никоим образом, дорогой адвокат! Речь шла о том, как лучше завоевать сердце одной симпатичной особы. Как вы понимаете, это отнюдь не секретная тема.

— В таком случае, могу ли я предложить вам продолжить этот разговор за аперитивом?

— О, нет, мистер Тэйт, — запротестовал Чарли, — даже и не ждите, что я составлю вам компанию в таком опасном деле: от аперитивов разыгрывается аппетит, а он мне противопоказан!

За ужином Чарли воспользовался соседством Памелы, чтобы уточнить характер ее контракта с Кином.

— Контракта?! — от удивления девушка едва не подавилась мороженым. — У нас с ним не было и не может быть никаких контрактов.

— Значит, вы не поручали ему расследовать убийство вашего деда?

— Как вы могли такое подумать?

— Он сам мне это сказал! Второго такого же неисправимого лжеца

мне еще не доводилось видеть...

— Если уж говорить о контракте, — после небольшой паузы негромко сказала девушка, — то можно сказать, что я действительно заключила его. Сама с собой. Ведь времени у нас остается совсем мало, правда?

— Правда. Мысль о близком окончании путешествия следует за мной повсюду...

— Поэтому я решила сама составить список всех мужчин в нашей группе и немного поломать себе над ним голову. Вот он, — она достала из сумочки розоватый блокнотный листок. — Я выписала против каждого из них факты, которые хотя бы в малейшей степени можно отнести к отягчающим обстоятельствам. И у меня получилось, что подозревать можно всех, за исключением Макса Минчина и Марка Кеннавэя. Против этих двух нет ничего.

— Вы ошибаетесь, — медленно сказал инспектор. — Есть все основания подозревать и их тоже.

— Но что же тогда делать? — в отчаянии прошептала девушка.

— А вот что, — мягким движением инспектор взял розоватый листок из рук Памелы, порвал его на мелкие клочки и спрятал их в карман. — И не ломайте больше свою хорошенькую головку над этой загадкой. Потому что она уже разгадана.

— Разга... — Мисс Поттер с трудом подавила готовый родиться крик. — И вы знаете, кто убил моего деда?

— Знаю. Правда, английскому суду понадобятся еще некоторые дополнительные доказательства его вины, но я их добуду.

— Кто же он?

— А разве вы не догадываетесь?

— Конечно, нет! Откуда бы я могла об этом догадаться?

— Между тем, — усмехнулся Чарли, — у нас были совершенно равные шансы разгадать, что к чему. Но вы не использовали своих. И я знаю почему. Потому что все ваши мысли были заняты одним молодым человеком, который вас непрерывно раздражает. Я работал в лучших условиях, поэтому догадался первым. По ряду соображений я придерживаю свою догадку при себе.

И он с видимым удовольствием принялся за мороженое.

19. Английская набережная

Утром следующего — последнего — дня плавания Чарли получил радиограмму от Даффа:

«Всегда был в тебе уверен. Не знаю как благодарить за все что ты для нас сделал. Справки подтверждают что калькуттский ювелир был связан пятнадцать лет назад с контрабандой алмазов из Южной Африки в Европу. В Кимберли за поставку алмазов отвечал Джим Эверхард. Думаю что замшевые мешочки имеют к этому прямое отношение. В Сан-Франциско к сожалению прибыть пока не могу, там уже ждут вас с ордером на арест капитан Фланнери и сержант Уэллс. Выздоровливаю что есть сил, твой Дафф.»

День обещал быть пасмурным, и большинство членов группы провело его в своих каютах, готовясь к утреннему прибытию в порт. За разными хлопотами почти все позабыли о приглашении Бенбоу на просмотр его пленок, так что тому пришлось после обеда еще раз напомнить каждому о грядущем сеансе.

Примерно к восьми погода испортилась окончательно, и солнце скрылось за низкими мрачными тучами, ускорившими наступление темноты. Начал накрапывать мелкий дождь, сменившийся плотным непроницаемым туманом, весьма похожим на тот, что окутал Лондон в ночь убийства Хью Морриса Дрейка. Низкий тоскливый рев автоматического туманного горна то и дело заставлял пассажиров вздрагивать, с опаской поглядывая в чернильный мрак за иллюминаторами.

Ровно в половине девятого Чарли вошел в помещение носового салона, где собрались все зрители, ожидавшие, когда Бенбоу закончит зарядку своего новенького проектора.

— Пока наш любезный кинооператор еще не начал сеанс, — обратился к собравшимся инспектор, — я хочу предложить каждому из вас сделать маленькое словесное вступление к фильму: сказать о том, что более всего запомнилось вам из всего нашего путешествия. И если вы не против, то первой предоставим слово самой многоопытной путешественнице из нас всех. Миссис Люс, что запомнилось вам?

— Дрессированные коты, — без колебаний ответила старушка, вызвав

всеобщий смех. — Дрессированные коты, которых я видела в маленьком театрике в Ницце. Этого представления мне никогда не забыть — что-то неземное!

— Не удивляйтесь, мистер Чен, — обратился к инспектору Лофтон, — мне тоже не раз доводилось задавать моим туристам этот вопрос под конец поездок, и почти всякий раз от ответов у меня прямо-таки глаза на лоб лезли!

— Миссис Спайсер, можно спросить и вас?

— Конечно! Только мне придется чуточку подумать. А, конечно! Вечернее платье, которые я видела в соседней ложе в Парижской опере. Подобно котам миссис Люс, это было что-то неземное! В таком платье любая женщина могла бы выглядеть на двадцать лет моложе!

— Что до меня, то мое самое приятное воспоминание еще не наступило, — заявил Вивиан. — Нехорошо, конечно, показывать на что-то пальцем, но завтра утром я непременно сделаю это, как только на горизонте покажется Сан-Франциско — вот это и будет самый незабываемый момент всего моего путешествия!

Макс Минчин вынул изо рта незажженную громадную сигару и спрятал ее в карман.

— Мальчишка в итальянской деревне, которому впервые разрешили управлять упряжкой из двух тощих волов, — задумчиво сказал он. — Хотел бы я, чтобы на счастливое лицо этого паренька смог взглянуть мой сын. Он был очень недоволен, когда перед отъездом я подарил ему «Бьюик» вместо «Кадилака».

— А мне запомнился лес в Фонтенбло, — сказал Росс. — Что там были за деревья! Словно аристократы: стройные, гордые, высокие... Прекрасный лес.

— Запомнилось ли что-то хорошее вам? — обратился детектив к Памеле Поттер.

— О, у меня множество хороших воспоминаний, только трудно остановиться на чем-нибудь одном... Почему-то сейчас мне припомнилась та летучая рыба, которая солнечным днем выпрыгнула к нам на палубу в Красном море. У нее было такое забавное и доброе выражение... Я еще назвала ее про себя Марком...

— Спасибо, — засмеялся Кеннавэй. — Я тоже помню эту рыбу, только я назвал ее про себя Памелой!

— А мне, — робко подала голос миссис Бенбоу, — запомнился магараджа, который садился в Дели в свой роскошный «Роллс-Ройс». Он был весь с ног до головы закутан в золотую парчу! Я тогда подумала, что

как только вернемся в Акрон, обязательно поведу своего Элмера к портному.

— В моей памяти, — неспешно начал Кин, — навеки запечатлелся последний вечер в Иокогаме. Я еще тогда заглянул на почту у самых ворот порта. А там как раз о чем-то говорят доктор Лофтон с тем коренастым стюардом, которого нашли потом мертвым в доках. Я еще спросил доктора, не хочет ли он мне составить компанию по дороге на судно, но — пришлось возвращаться без него. Как я понял, доктору хотелось остаться одному. Я шел вдоль мола, в ночной дали виднелось множество огоньков идущих по заливу джонок, сампанов, рыбацких лодок. А рядом не было ни души, — он в упор посмотрел на Лофтона, — где-то там и нашли потом тело этого бедняги, верно?

— Все готово, леди и джентльмены, — поспешил предупредить новую ссору Бенбоу. — Начали! Это мы уходим из Нью-Йорка. Тогда — странно подумать — мы были совсем незнакомы друг с другом. О, шляпы долой, вот и наша статуя Свободы! Последняя панорама американской земли... Это все мы. Мистер Дрейк улыбается — никто не знает, что кого ждет...

Комментарий продолжался в том же духе на фоне кадров Лондона, отеля Брума, Фенуиков в процессе покупок, отъезжающего инспектора Даффа, парома на Кале, Парижа, Ниццы. По аудитории было видно, что фильм все больше и больше заинтересовывает всех. Чарли с живейшим любопытством вглядывался в узкие улочки Ниццы, когда его отвлек слабый голос сидевшего впереди Тэйта.

— Мистер Чен, пододвиньтесь немного, я... я выйду. Мне плохо. Даже в полусумраке салона было видно, что лицо у адвоката белое, как мел. — Не буду звать Марка, — прошептал Тэйт, — зачем портить ему последний вечер. Все пройдет, как только я прилягу, — и он бесшумно покинул салон, а Чарли вернулся к созерцанию Английской набережной, по которой неторопливо прогуливались туристы, прицениваясь к сувенирам Ниццы и товарам прибрежных магазинчиков. Затем, как в волшебном сне, перед зрителями прошли Египет, Индия, Сингапур, Китай... Только теперь все смогли по достоинству оценить наблюдательность, энтузиазм и интеллигентность их скромного спутника из Акрона — он создал настоящий гимн их путешествию!

Промелькнул последний кадр, и под возгласы благодарности Элмер начал складывать просмотренные ленты в коробки. Через несколько минут в салоне остались только сам Бенбоу и детектив, который вызвался помочь ему перетащить все оборудование назад в каюту. Уложив там коробки с пленкой на стол, Чарли поинтересовался:

— Мистер Бенбоу, а кто занимает соседние каюты?

— Слева — миссис Люс с мисс Поттер, а правая каюта пуста.

— Минутку! — Чарли вышел в коридор и вскоре снова вернулся. — Сейчас никого нет ни в той, ни в другой каюте. Коридор тоже пуст.

— Ну, и что? — не понял Бенбоу, аккуратно закрывая футляр проектора крышкой.

— Один из ваших фильмов, мистер Бенбоу, обладает такой ценностью, что на вашем месте я держал бы его только под очень хорошим замком. Есть у вас чемодан с таким замком?

— Есть, конечно, — еще больше удивился Бенбоу, — но о каком фильме вы говорите?

— Тот, что снят вами в Ницце. Вас в нем ничто не поразило?

— Кажется, нет...

— Могут найтись наблюдательные люди, которые не пожалеют никаких усилий, чтобы добыть этот фильм. А мне бы очень хотелось, чтобы для начала его увидел Скотленд Ярд. Вы не припомните дату, когда производилась съемка на Английской набережной?

— Не припомню, но у меня есть дневник всех съемок, — окончательно сбитый с толку Бенбоу полез в стол. — Вот, Английскую набережную я снимал утром двадцать первого февраля.

— У вас все в образцовом порядке, — восхитился Чарли. — Это делает честь американским кинолюбителям! Не забудьте только, что я говорил вам о хорошем замке, — с этими словами он оставил ошеломленного Бенбоу дожидаться выхода жены из ванной.

От Бенбоу инспектор сразу же поднялся в радиорубку, отправив в полицию Сан-Франциско радиogramму капитану Фланнери.

«Прошу срочно запросить полицию Ниццы относительно имен клиентов, посетивших утром двадцать первого февраля мастерскую портного Брина на Английской набережной, а также уточните характер производившихся им работ. Чен, инспектор полиции».

Он медленно спускался вниз, осторожно ступая по скользким от влаги ступеням трапа. Дверь в помещения кают-люкс со стороны мостика оказалась запертой, и ему пришлось отправиться к своей каюте через слабо освещенную шлюпочную палубу. Внезапно он увидел отделившуюся от трубы темную фигуру, в руке которой что-то блеснуло. Не задумываясь ни мгновения Чарли бросился на холодный влажный металл палубы и тут же

услышал грохот выстрела. Он продолжал лежать, не шевелясь, пока не услышал слабый отзвук удаляющихся шагов, тут же заглушенных рыком туманного горна. Первыми на звук выстрела прибежали радист и пассажирский помощник. Линч помог ему встать.

— Бога ради, инспектор, что тут произошло?!

— Кто-то решил в меня выстрелить, а я его чуточку опередил, — почти с гордостью сообщил Чарли, отряхивая свои мокрые колени.

— Но мы не можем позволить, чтобы на нашем судне происходили подобные вещи! — разъярился Линч.

— И не позволяйте, — благодушно согласился Чарли. — Я тоже не намерен впредь позволять что-либо подобное. Завтра утром на ваш «Президент Артур» поднимутся два полицейских офицера, которые уполномочены передать этого стрелка лондонскому суду. — Сказав это, он продолжил путь к своей каюте.

Мечтая, о хорошем душе, он уже было взялся за ручку ванной, когда услышал за дверью голос Марка Кеннавэя:

— Сэр! Мистер Чен! Умоляю, зайдите к нам в каюту! Скорее!

В каюте, куда его почти бегом проводил бледный Марк, Чен увидел лежащего совершенно неподвижно на койке адвоката.

— Приступ?

— Да. Очевидно, случился, когда я был с Памелой в дансинге. Но я успел дать ему лекарство, он уже дышит ровнее... Дело не в этом инспектор! Я только что слышал, что в вас стреляли, а рядом с койкой лежит... вон там, смотрите!

Чарли заглянул за правый край койки и увидел лежащий на полу рядом со свесившейся рукой Тэйта пистолет.

— Я... Я коснулся его ствола, — со страхом продолжал Марк, — инспектор, мне показалось, что он был теплый!

— Действительно теплый, — Чарли беззаботно поднял оружие. — Это потому, что из него только что стреляли. Держу пари, что в меня. А заодно держу пари, что вместе с моими здесь найдутся отпечатки пальцев вашего патрона.

— Тэйт! — юноша бессильно опустил на стул. — Так это все-таки был Тэйт...

Чарли деловито достал из багажного шкафчика чемодан Марка и поставил его на стул. Ему не нужно было нащупывать ключ — белые следы клея на калькуттской наклейке достаточно красноречиво говорили о том, что верхняя наклейка исчезла. А вместе с нею и ключ.

— Чистая работа, — констатировал детектив.

— У кого же теперь его искать? — тихо спросил Кеннавэй.

— У того, у кого мне это нужно, — усмехнулся Чарли. — У того, кто в меня стрелял.

— Но где он может быть у Тэйта? В кармане?

— У Тэйта его нет, мистер Кеннавэй. Он сейчас у убийцы. Который все умеет рассчитывать на ход вперед. Он сумел использовать в своих подлых целях даже болезнь несчастного мистера Тэйта. Он пришел сюда за ключом, застал адвоката без сознания, и не преминул вложить ему в руку оружие, из которого только что стрелял в меня. Человек с очень развитым воображением. Завтра я с удовольствием отдам его в руки капитана Фланнери.

20. Время ловить рыбу

Кеннавэй поднялся с выражением величайшего облегчения на лице. Чарли положил пистолет в карман.

— Слава Богу, — выдохнул Кеннавэй, — у меня с души как камень упал. Он взглянул на Тэйта, который слегка пошевелился. — Приступ проходит. Несчастный человек. Весь вечер я думал и думал о нем, но так и не смог убедить себя, что это он был убийцей. При всех его капризах и странностях мистер Тэйт — в высшей степени порядочный человек. Он не способен ни на какое преступление.

— Справедливо, — Чарли уже взялся за ручку двери, — но никому ни слова о том, что здесь происходило. Пусть наша дичь ничего не подозревает. Пусть считает, что мы клюнули на его очередную «подсказку». Это облегчит нашу задачу.

— Понял, инспектор, — кивнул Кеннавэй. — Буду нем, как рыба. Займусь пока здоровьем мистера Тэйта, и больше ничем. До Сан-Франциско осталось всего ничего, так что работы по приведению патрона в достойный встречи с сыном вид мне хватит. Но чтоб я еще раз взялся за обязанности чьей-то няньки — ни за какие богатства!

— Иногда лучше быть нянькой самому себе, — согласился Чарли и хотел оставить каюту Тэйта, но в последний момент Кеннавэй задержал его.

— Мистер Чен, если вы, конечно, не рассердитесь... Но это мой последний шанс, другого уже не будет.

— Какой шанс? — удивился Чарли.

— Распрощаться с Памелой. Больше я ведь ее уже не увижу...

— Вот как?

— Словом, если бы вы зашли к ней на секунду и сказали, что как только мистеру Тэйту станет лучше, скажем, через полчаса, я буду рад видеть ее у читальни и...

— Можете не продолжать! — улыбнулся Чарли. — Постараюсь выполнить вашу просьбу со всем доступным мне красноречием!

Переступив порог каюты Памелы Поттер, он сразу встретился с ее тревожным взглядом.

— Боже, как я испугалась, когда услышала выстрел! Все только о вас и говорят. Вы действительно не были ранены?

— Цел и невредим, — шутливо развел руками Чарли. — поэтому

будем считать это чьей-то дружеской шуткой. Но я пришел к вам с гораздо более важным известием. Некий мистер Кеннавэй просил вас еще немножко подождать со сном и примерно через полчаса быть у читальни.

— Он так уверен, что я там буду? И почему через полчаса?

— Дело в том, что у мистера Тэйта приступ...

— О, я не знала! Прошу прощения... Бедный мистер Тэйт!

— Ему уже немного лучше. Так что мистер Кеннавэй не задержится слишком надолго. По-моему, — добавил после небольшой паузы инспектор, — это очень славный молодой человек.

— Возможно, — упрямо качнула головой девушка, — но меня он по-прежнему раздражает. Поэтому если я туда и пойду, то только потому, что об этом просите вы.

Тем не менее, у читальни Памела была уже через четверть часа. И несмотря на это Марк уже ждал ее! Очевидно, здоровье его патрона шло на поправку семимильными шагами.

— Добрый вечер! Мистер Чен сумел тебя уговорить?

— И уговаривать не пришлось. Из-за этой жуткой сирены я бы все равно не смогла заснуть.

— А, по-моему, она воет очень уместно. Словно плачет по случаю того, что я тебя больше не увижу.

— Можно подумать, что тебя это огорчает.

— Огорчает. Я... Я не знаю, что бы я делал без тебя все это время. Наверное, теперь я не смогу прожить и дня без тебя. То есть я хотел сказать — без мыслей о тебе... Ты так мне нужна, что...

Могучий рык туманного горна заглушил его дальнейшие слова. Он попытался говорить еще что-то, но потом внезапно умолк и просто привлек девушку к себе. Их губы встретились.

— Так ты действительно меня любишь?! — ошеломленно спросила Памела, когда вновь наступила тишина.

— Я с ума по тебе схожу! Но я так боялся, что стоит мне сказать «люблю», как в ответ я услышу от тебя очередную шпильку, или ты вдруг просто повернешься и уйдешь!

— Не уйду, — шепнула девушка. — Теперь уже никогда не уйду.

Басовитый рев сирены снова заглушил все вокруг. Следующая пауза была отмечена счастливым вздохом Марка:

— Господи, что за чудесная ночь!

Чарли Чен был иного мнения. Потому что капитан, встревоженный покушением, приказал ему ради пущей безопасности ночевать в его собственной каюте, и Чарли провел долгие бессонные часы размышляя,

свойственен ли столь оглушительный храп всем морякам, или же одним только капитанам. Заснул он только под утро, а когда проснулся, то выяснилось, что хозяин каюты уже давно встал и даже успел получить радиограмму:

«Фланнери и Уэллс придут катером капитана порта».

— Как вы смотрите, сэр, — предложил капитан инспектору, — если до их прибытия мы запрем нашего птенчика в какую-нибудь стальную клетку понадежнее?

— Как раз наоборот, — возразил Чарли, — пусть он до последней минуты чувствует себя в полной безопасности. Чем больше свидетельств получают лондонские присяжные, тем больше шансов на справедливое возмездие.

— Вам виднее, — пожал плечами капитан. — Тем не менее, я бы чувствовал себя спокойнее, если бы он уже сидел за решеткой.

Перед завтраком Чен навестил каюту адвоката. Румянец возвратился на его щеки, но было очевидно, что и он провел бессонную ночь.

— Мир вновь прекрасен, — слабо улыбнулся он вошедшему инспектору. — Марк распорядился, чтобы завтрак нам подали прямо в каюту, так что, сэкономив столько сил на прогулке в ресторан, я безусловно смогу добраться до самого дома без всякой посторонней помощи. Хотя я, в общем-то, и сейчас чувствую себя совсем неплохо.

— Вижу, и очень этому рад, — кивнул Чарли. — Мистер Кеннавэй уже рассказал вам о событиях прошлого вечера?

— Рассказал во всех подробностях. Этого мерзавца я не стал бы защищать даже за миллион долларов!

— Прекрасно. И, раз уж вы решили не покидать пока своей каюты, могу я воспользоваться этим обстоятельством, придав ему ту окраску, которая желательна мерзавцу?

— Действуйте, инспектор! Надеюсь, однако, что тень подозрения будет оставаться на моем добром имени не слишком долго?

— Не более часа, дорогой адвокат — на горизонте уже виден Сан-Франциско.

Перед входом в ресторан инспектора отвел в сторону пассажирский помощник.

— Сэр, с вашим сходом на американский берег, естественно, не будет никаких проблем, но вот ваш ассистент, мистер Кашимо — он в спешке не захватил из Гонолулу совершенно никаких бумаг, которые удостоверяли бы

его личность! Боюсь, что выход на берег за пределы порта окажется для него невозможен.

— Не думаю, чтобы он стремился на него выйти. Скорее всего он рвется сейчас домой, чтобы поведать там о своих великих подвигах нашему шефу. Тот был не слишком высокого мнения о мистере Кашимо. А в Америке моему ассистенту делать нечего.

— Мы с капитаном тоже так подумали. Связавшись с портом, мы узнали, что днем оттуда уходит на Гонолулу другой лайнер нашей компании. Их капитан ничего не имеет против того, чтобы взять на рейс палубного уборщика. И если вы согласны...

— Конечно же, согласен! За исключением одной детали, — Чарли достал из бумажника несколько банкнот и передал их помощнику. — Мне бы хотелось, чтобы мистер Кашимо вернулся домой в качестве пассажира. При всех недостатках, свойственных его возрасту, он заслужил это маленькое удовольствие. Буду весьма признателен за хлопоты по приобретению его билета, мистер Линч.

— Никаких хлопот, инспектор. Всегда рад помочь в хорошем деле.

После завтрака Стюарт Вивиан исполнил свое обещание, показав Чарли Чену пальцем на проплывающие рядом с бортом в утренней дымке очертания Русского холма:

— Вот самая счастливая минута моего путешествия, инспектор! Никогда еще этот вид меня так не радовал. Скажу вам честно, что вся эта беготня по свету не для меня. Я это давно понял, но побаивался вернуться в Штаты раньше срока: кто знает, что взбрело бы на ум полиции при виде внезапно сбежавшего туриста? Кстати, о полиции, инспектор, — ходят слухи, что вы уже у цели?

— Да, цель достигнута, — подтвердил Чарли, — хотя я старался избегать всякой огласки своих достижений. К сожалению, это очевидно мне не удалось...

— А... — от волнения у Вивиана даже перехватило дыхание. — А его имя, разумеется, пока будет от всех тайной?

— Почему же? Мистер Тэйт любезно разрешил мне более ничего не скрывать.

— Тэйт?! — выкрикнул Вивиан. С минуту он молчал, затем вдруг заторопился, взглянув на часы. — Простите, но через десять минут доктор Лофтон просил нас всех собраться в салоне на прощальную встречу, — те, кто едет дальше Сан-Франциско, получают от него билеты до дома, а заодно и, так сказать, напутственное благословение. Что за сенсация, что за сенсация!

Бормоча и размахивая руками руками, он удалился. Загрохотала якорная цепь, и судно замерло, ожидая прибытия с берега таможенных властей. Чарли подошел к трапу и вскоре увидел знакомое ему по делу Брюса красное лицо и широкие плечи капитана Фланнери.

— Кого я вижу! — поразился тот. — Рад вас видеть, сержант Чен!

— Я тоже рад, капитан! — широкая улыбка на лице Чена свидетельствовала об искренности этого заявления. — Но с того дня, как нам в последний раз довелось поработать вместе, кое-что изменилось, сэр! Вы видите перед собой уже не сержанта, а инспектора!

— Правда? — обрадовался капитан. — Что ж, разве китайская пословица не говорит, что жаворонка на земле не удержишь?

— Счастлив слышать, что наши беседы остались у вас в памяти! — рассмеялся Чарли. — А это, как я догадываюсь...

— Сержант Уэллс, следственный отдел Скотленд Ярда, — представился стоящий рядом с Фланнери высокий здоровяк. — Где наш человек, инспектор?

— Думаю, что получает билет на дальнейшую дорогу заодно с напутственным благословением доктора Лофтона. А мы тем временем устроим засаду в его собственной каюте, дабы оказать ему достойную встречу, когда он придет за багажом. Идем, джентльмены. Каюта номер сто девятнадцать, ключи у меня.

Каюта, куда привел их инспектор, была обширным помещением, тонувшим в полумраке: иллюминаторы были закрыты опущенными шторами. Фланнери и Уэллс уселись по обе стороны стола, у которого стояли упакованные чемоданы. Чарли тщательно закрыл дверь на замок и встал рядом с ней.

— Ну вот, к приему все готово, — сказал он. — Мой запрос о портном с Английской набережной успел вовремя?

— Вовремя, сэр! — кивнул Уэллс. — Полиция в Ницце действовала четко, и вся информация была передана нам телеграфом уже через три часа. Наш клиент приносил Брину отремонтировать пиджак с оторванным карманом. Правым карманом, сэр. Брин запомнил, что клиент распаковывал сверток с пиджаком при нем. Это была типичная упаковка почтовой бандероли, вот только он не смог разглядеть, чьи марки на ней были.

— Английские, конечно, — сказал Чен. — Вот ведь что значит привычка к скупости: вместо того, чтобы выбросить улику, он послал ее по почте в Ниццу! А, может, думал, что там он уже находится в полной безопасности? Да, но куда он запропастился? Пойду, взгляну, — прислушавшись, Чарли быстро выскользнул в коридор и захлопнул за

собой дверь.

Вся группа Лофтона, за исключением Тэйта, еще находилась в салоне. Судя по выражению их лиц, туристы были чем-то весьма взволнованы. Чарли сказал стоявшему у трапа Линчу несколько слов, и тот направился вместе с ним к двери салона.

— Уважаемые пассажиры, — обратился Линч к собравшимся, — таможенники готовы к работе, поэтому прошу всех разойтись по своим каютам, где будет производиться таможенный досмотр.

Первыми салон покинули Памела Поттер и Марк Кеннавэй. Проходя мимо инспектора, Марк нагнулся к его уху и шепнул:

— Инспектор, как только досмотр кончится, я сообщу вам одну новость, которая неизвестна даже такому детективу, как вы!

— Что бы это могло быть? — таким же шепотом удивился Чарли. И тут же ощутил мощный удар по плечу. Это была рука Макса Минчина.

— Мистер Чен, — загремел веселый голос гангстера, — вы первый полицейский, с которым мне не хочется расставаться. Поэтому от всей души хочу сказать вам не «прощайте!», а «до свидания»!

Затем миссис Спайсер удостоила инспектора приветливого кивка. Миссис Люс пригласила было Чарли к себе в Калифорнию, но Бенбоу не дал ей закончить:

— В Калифорнию, инспектор, вы поедете только после того, как побываете у меня в Акроне, и ни днем раньше!

— А после Акрона и Калифорнии инспектор все же убедится, что нет места лучше, чем моя родная Такома! — подхватил Росс.

— Зачем куда-то ездить, — запротестовал Вивиан, — если мы и так уже находимся в самом прекрасном уголке Соединенных Штатов!

Далее, о чем-то оживленно переговариваясь, к выходу из салона двигались Кин и Лофтон, но инспектор не стал их дожидаться. Он быстро направился по коридору вслед за ушедшими.

Двери каюты номер сто девятнадцать отворились, и на пороге ее появилась высокая фигура Джона Росса. Он сделал два шага вперед, но при виде двух поднявшихся ему навстречу мужчин замер. Затем резко обернулся. В дверях, полностью перегородив их своим солидным корпусом, стоял Чарли Чен.

— Мистер Росс, — произнес инспектор, — вы арестованы!

В следующее мгновение капитан Фланнери ловким движением замкнул на запястьях ошеломленного лесоторговца наручники, а сержант вывернул его карманы.

— Вижу, — с некоторым разочарованием сказал Чарли, — что ваши

запасы оружия подошли к концу.

— Я отказываюсь понимать, что происходит! — сквозь зубы прошипел Росс.

— Происходит ваш арест по обвинению в убийстве Хью Морриса Дрейка в лондонском отеле Брума утром седьмого февраля сего года, — пояснил инспектор. — Есть и другие обвинения, но по ним вы не понесете ответственность, поскольку располагаете только одной жизнью. Вам с головой хватит и Дрейка. Хотя кроме него вы убили также мистера Хонивуда в Ницце, Сибил Конвей в Сан-Ремо, сержанта Уэлби в Иокогаме, покушались на жизнь инспектора Даффа в Гонолулу и на мою жизнь в открытом море.

— Все это ложь! — хрипло выкрикнул Росс.

— Ложь? Кашимо, вылезай!

Из-под широкого дивана появился слегка запыхавшийся, но совершенно невозмутимый Кашимо. Инспектор помог ему подняться на ноги.

— Позвольте представить присутствующим практиканта комиссариата полиции города Гонолулу мистера Кашимо. Боюсь, что от долгого пребывания под диваном он слегка одеревенел, но зато, возможно, сможет показать нам, где находится ключ.

— Смогу, учитель, — не без труда Кашимо нагнулся и извлек из правого манжета брюк Росса маленький блестящий предмет. Затем он с поклоном протянул его инспектору.

— Этот ключ от сейфа номер 3260 без сомнений будет оценен присяжными по достоинству, — заметил Чарли. — На вашем месте я бы давно постарался от него избавиться. Когда приходится выбирать между деньгами и жизнью я лично предпочитаю жизнь. Вы предпочли деньги. Что ж, это ваше право.

— Вы подбросили мне этот ключ! — зарычал Росс. — Я протестую! Я буду отрицать все!

— Не сомневаюсь, — кивнул Чарли. — Но как можно, например, отрицать то, что запечатлено бесстрастным объективом кинокамеры? И если на кадре вы выходите от портного, то каким образом это удастся опровергнуть? Вы слишком самоуверсны, мистер Росс, вы даже не заметили, что одним словом погубили себя задолго до того, как выкинули свой очередной фокус, вложив пистолет в руку Тэйта!

— Каким еще словом! Не понимаю, о чем вы говорите!

— Я говорю о вечеринке у мистера Минчина. Там вы и сказали то слово, которое выдало вас. Спрашиваете, какое? Могу напомнить, — он

написал на листке из блокнота несколько букв, и показал их Россу, — хотите подарю вам это на память, в качестве сувенира собственной глупости?

Бросив на листок презрительный взгляд, Росс внезапно побледнел и судорожно сглотнул слюну. Лицо его сделалось очень старым и усталым.

— Оставьте это себе, — с усилием выговорил он. — Я не собираю сувениров. Да и зачем они мне теперь?

21. Время сушить сети

— Кашимо, — обратился Чарли к своему ассистенту, — ты перенесешь багаж мистера Росса в мою каюту. Пусть таможенники проверят эти два чемодана вместе с моим. После чего дожидайся указаний мистера Линча. Он собирался позаботиться о твоём обратном пути. Если заскучаешь, то можешь зайти в каюту к Минчинам и восстановить свою добрую репутацию — а заодно и репутацию мистера Тэйта. Словом, расскажи им всю правду, которую мы с тобой теперь знаем.

— Ну, что же, — заметил Уэллс, когда дверь за Кашимо закрылась, — если вы, мистер Росс, намерены облегчить душу чистосердечным признанием, то сейчас самое время сделать это.

— Не собираюсь признаваться в том, чего не совершал, — буркнул Росс.

— И правильно делаете. Я ведь предлагаю вам признаться как раз в том, что вы совершали. Доказательств у суда будет более, чем достаточно: ключ от вашего сейфа, показания портного...

— Плевать я хотел на ваш ключ и на вашего портного! Мотивы преступления — вот чего у вас нет! Только сумасшедший станет убивать людей без всякой на то причины, а любой врач легко докажет, что я в здравом уме. С какой стати Джону Россу, лесоторговцу из Такомы, душить детройтского миллионера, с которым он знаком едва неделю?

— Джону Россу действительно незачем было душить Дрейка, — вновь согласился сержант, — но мотивы в значительной степени прояснятся, если допустить, что Дрейк был убит Джимом Эверхардом, как вы считаете?

Росс хотел что-то ответить, но не смог. Казалось, он вот-вот потеряет сознание.

— Поэтому, — продолжал сержант, — мотивы нас не очень заботили. В первую очередь нас заботило имя, под которым теперь скрывается мистер Эверхард. Благодаря помощи мистера Чена мы смогли узнать и это. А мотив... Ваши бывшие коллеги по торговле контрабандными алмазами достаточно рассказали о вашей феноменальной скупости, чтобы присяжные сочли ненависть к Хонивуду убедительным мотивом: как-никак он увел у вас Сибил Конвей, на средства которой вы жили припеваючи!

— Увел Сибил? — горько усмехнулся Росс. — Они оба увели мои алмазы, все, что я имел! Ради какой-то смазливой певички я бы и пальцем не пошевелинул, но алмазы... Спутаться с поганым полицейским и удрать,

обчистив вдобавок мой тайник, о котором знала только она одна! Вместо алмазов они оставили там обычную речную гальку — наверное, думали подольше держать меня в неведении... В театре мне сказали, что мисс Конвей прервала контракт и отбыла в свадебное путешествие. У меня был адрес одной ее подружки, и я оставил ей записку, где поклялся, что пристукну их обоих, как только они снова появятся в Кейптауне. Но они не появились...

— Не дождавшись их, вы уехали в Австралию, а потом перебрались в Штаты. И, насколько нам известно, были там вполне добропорядочным гражданином. Имели свое дело. Свой счет в банке — куда больший, чем стоимость украденных у вас когда-то алмазов. Что побудило вас внезапно закрыть этот счет и предпочесть жизни уважаемого бизнесмена жалкое существование затравленного преступника?

— Жалкое?! — глаза Росса налились кровью. — Да за счастье отомстить этим двум выродкам я бы не колеблясь отдал все сейфы Америки до единого! Когда я валялся со сломанной ногой и мне на глаза попался нью-йоркский журнал с разукрашенной моими алмазами Сибил на обложке, то я понял, что у моей жизни отныне есть только один смысл...

— А чем провинился перед вами Хью Дрейк? — сурово перебил его Фланнери.

— Проклятая ошибка, и ничего больше... Я не стал зажигать в его спальне свет...

— Сержант Уэлби тоже был ошибкой?

— Нет, — Росс вскинул голову, как от удара. — Там вопрос стоял по-другому: или он меня, или я его. Это была честная игра.

— А потом вы решили сыграть в ту же честную игру с инспектором Даффом?

— Я верил, что покончив с Уэлби, свободен от преследования. Передо мной лежал открытый путь домой. И когда в Гонолулу я увидел у трапа Даффа... Мысль о том, что кто-то будет топтаться за мной по пятам, доискиваться, вынюхивать, была мне невыносима — второго Уэлби мои нервы уже не выдержали бы. И я решил покончить со всем этим там же, в Гонолулу. Мне не нужны были попутчики из Скотленд Ярда.

— Да. И тогда судьба послала вам попутчиков из Гонолулу, — подвел итог беседе Чарли Чен. Пароход мягко качнулся, приткнувшись к бетонной стенке причала.

Они сошли на берег первыми. Черный полицейский лимузин уже ждал Фланнери у трапа.

— Как и в прошлый раз, вы остановитесь в отеле «Стюарт»? —

спросил капитан, открывая дверцу для Уэллса и Росса.

Чарли улыбнулся:

— Конечно, капитан. Можно сказать, что у меня уже появляются в Сан-Франциско свои маленькие традиции.

— Тогда давайте соблюдать и другую маленькую традицию: сегодняшний ужин за мной. До вечера, инспектор! — и, включив сирену, лимузин рванулся к воротам порта.

— Учитель! — услышал он позади и обернулся. Перед ним стояли Кашимо с пассажирским помощником. — Мистер Линч проводит меня на «Президент Тафт». Отход в два! Я скоро буду дома, учитель! Спасибо вам за все!

— С благодарностью есть смысл подождать, — Чарли взглянул на часы. — До двух я еще успею тебя проведать. А заодно снабдить тебя всем необходимым для дороги. Потому что такой герой, как ты, должен вернуться в Гонолулу не только в сиянии славы, но и в сиянии чистых рубашек! Шесть дней в одной смене белья — это уже само по себе подвиг!

— Да, учитель! — глубина поклона Кашимо была выразительнее любых слов благодарности.

Инспектор хотел взмахом руки подзвать такси, но возглас Марка Кеннавэя: «Только с нами, мистер Чен!» не позволил ему сделать это. Усевшись рядом с водителем в длинный «линкольн», Чен с подозрением взгляделся в счастливые лица устроившихся на заднем сиденье молодых людей.

— Что здесь происходит? Уж не собираетесь ли вы приобрести обручальные кольца?

— Инспектор, вы самый проницательный детектив всех пяти континентов! — засмеялась Памела. — Именно это мы собираемся сделать, — мне все-таки удалось уверить его сменить свой Бостон на карьеру юриста в нашем Детройте!

— Да, — подхватил Марк, — кто бы мог подумать, что путешествие, которое началось так плохо, закончится так хорошо!

— Кстати, — вспомнила Памела, — Минчин с Кашимо сказали нам, что на его вечеринке Росс выдал себя каким-то нечаянным словом. Что это было за слово? Мы с Марком пытались вспомнить весь его спич, но он был такой короткий! Там не было ничего особенного.

— Раз уж мы вспомнили о Кашимо, то до отхода «Президента Тафта» мне нужно ему кое-что купить, так что давайте для начала тронемся к отелю «Стюарт» — времени до отхода не так уж много. А что касается слова, которое выдало Росса, то вы просто не хотите вдуматься в то, что он

сказал, повнимательнее. Я помню его слова наизусть: «Я тоже был потрясен смертью бедного Хью Морриса Дрейка, лежавшего в своей душной спальне с ремнем от чемодана доктора Лофтона на шее».

— Ну, и что тут особенного? — с недоумением спросил Марк.

— Душной! — воскликнула Памела.

— Правильно! Отдаю должное вашей сообразительности, мисс Поттер! Разве ту спальню, в которой был обнаружен труп мистера Дрейка, можно назвать душной? Одно из двух окон там было растворено, ни о какой духоте не было и речи.

— Как я могла об этом забыть? — с досадой обернулась к Марку девушка. — Когда я говорила там с инспектором Даффом, то через открытое окно до нас доносилась музыка уличного оркестра!

— Но мистер Дрейк был задушен не в этой спальне, а в соседней. Там действительно было душно: Уолтер Хонивуд упоминает в своем письме к жене, что в тот момент, когда он утром вернулся в собственную спальню, окна были закрыты наглухо.

— Да, у дедушки была астма, и он смертельно боялся сквозняков — особенно в Лондоне с его сырыми влажными туманами...

— Таким образом, — продолжал инспектор, — о том, что Хью Моррис Дрейк умер в душной спальне, знало трое. Первый — это сам мистер Дрейк. Его задушили. Второй — Уолтер Хонивуд. Его застрелили. Третий — тот, кто задушил Дрейка. То есть, Джон Росс, и он сам признался в этом на вечеринке у Минчина... Ну, вот и мой отель, друзья.

Обернувшись, Чарли внимательно взгляделся в лица молодых людей.

— В ваших глазах я вижу только звезды счастья, наконец сказал он. — Пусть они остаются там всю вашу жизнь! Как говорил великий китайский император Чи Хуан Чжи, удача любит стучаться лишь в те ворота, где ее встречает улыбка!

Он вышел из машины, легко подхватил в руку чемодан и начал подниматься по ступенькам гостиницы.